ISSN 2075-1990 (Print)
ISSN 2658-5332 (Online)

Финансовый журнал

Научно-практическое издание

Выходит 6 раз в год. Издается с июля 2009 г.

DOI: 10.31107/2075-1990-2025-3

Том 17
№ 3
2025

Главный редактор
В. С. Назаров

директор Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов Российской Федерации,
кандидат экономических наук

Учредитель и издатель

федеральное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский финансовый институт
Министерства финансов Российской Федерации»

Адрес: Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, Москва 125375, Россия
Тел. (495) 699-74-14
E-mail: mail@nifi.ru
Сайт: www.nifi.ru

ISSN 2075-1990 (Print), **ISSN 2658-5332** (Online).

Свидетельство о регистрации СМИ от 08.05.2019 ПИ № ФС77-75704, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Издание включено:
— в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.;
— в базу научного цитирования Russian Science Citation Index (RSCI);
— в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
— в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка»;
— в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory;
— в международную базу научных журналов открытого доступа Open Academic Journals Index (OAJI);
— в международный каталог научных журналов открытого доступа Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Тексты статей в открытом доступе размещаются:
— на официальном сайте журнала www.finjournal.ru;
— на портале Научной электронной библиотеки (НЭБ) eLIBRARY.RU;
— на портале Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»;
— в международной базе научных журналов открытого доступа Open Academic Journals Index (OAJI).

Статьи индексируются в международной базе данных Research Papers in Economics (RePEc) и в международном каталоге научных журналов открытого доступа Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Все статьи проходят обязательное научное рецензирование и проверку на отсутствие элементов плагиата. Процедура рецензирования является анонимной и для рецензента, и для автора. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. Ответственность за достоверность материалов статьи несут авторы.

Статьям присваиваются цифровые идентификаторы объектов — DOI (Digital Object Identifier). Статьи публикуются БЕСПЛАТНО.

© Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, 2025
© Financial Research Institute, 2025

Издательская этика

Редакция, Редакционная коллегия и Издатель «Финансового журнала» руководствуются общепринятыми международными стандартами этики научных публикаций, разработанными и утвержденными Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics — COPE) и прилагают все усилия для полного их соблюдения.

Редакционная коллегия

Назаров В. С., кандидат экономических наук, директор НИФИ Минфина России, главный редактор «Финансового журнала» (г. Москва)

Кузнецов Ю. В., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра финансовой политики НИФИ Минфина России, заместитель главного редактора «Финансового журнала» (г. Москва)

Гурвич Е. Т., кандидат физико-математических наук, руководитель Экономической экспертной группы (г. Москва)

Дробышевский С. М., доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (г. Москва)

Кабир Л. С., доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Центра международных финансов НИФИ Минфина России (г. Москва)

Климанов В. В., доктор экономических наук, доцент, директор Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, директор Института реформирования общественных финансов, член Общественного совета при Минфине России (г. Москва)

Лаврикова Ю. Г., доктор экономических наук, доцент, директор Института экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)

Малкина М. Ю., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и методологии, руководитель Центра макро- и микроэкономики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Омельяновский В. В., доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Центра экспертизы и контроля качества медицинской помощи Минздрава России (г. Москва)

Пильник Н. П., кандидат экономических наук, заместитель декана факультета экономических наук НИУ ВШЭ (г. Москва)

Пинская М. Р., доктор экономических наук, доцент, руководитель Центра налоговой политики НИФИ Минфина России (г. Москва)

Трунин П. В., доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (г. Москва)

Швандар К. В., доктор экономических наук, руководитель Центра перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов НИФИ Минфина России (г. Москва)

Financial Journal

ISSN 2075-1990 (Print)
ISSN 2658-5332 (Online)

Scientific and Practical Journal

The Journal is issued 6 times a year.
Published since July 2009.

DOI: 10.31107/2075-1990-2025-3

Vol. 17
No. 3
2025

Vladimir S. Nazarov. Editor in Chief
Director of the Financial Research Institute, Candidate of Economic Sciences

Founder and Publisher — Financial Research Institute
Address: 3, bldg. 2, Nastasyinsky Lane, Moscow 125375, Russian Federation
Phone: + 7 495 6997414
E-mail: mail@nifi.ru
Website: www.nifi.ru

Editorial Office Address:
3, bldg. 2, Nastasyinsky Lane, Moscow 125375, Russian Federation
Phone: + 7 495 6997683
E-mail: finjournal@gmail.com
Website: www.finjournal-nifi.ru

The Journal publishes studies on the following topics: public finance (budget system, intergovernmental relations, development and implementation of fiscal, monetary and tax policies etc.), financial markets, insurance, banking, accounting and auditing, financial control, statistics, macroeconomic modelling, and international finance.

The Journal is published mainly in Russian with English summaries and bibliographical information. All articles are assigned Digital Object Identifiers (DOIs). Articles are published for FREE.

All articles are reviewed. Decisions about the publishing of articles are based on a double-blind review process. Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the publisher.

The Journal is issued 6 times a year (in February, April, June, August, October, and December).

The articles are publicly available on the Financial Journal website, www.finjournal-nifi.ru, and at on the Open Academic Journals Index (OAJI). Journal articles are indexed in the international database RePEc (Research Papers in Economics) and in the international catalog DOAJ (Directory of Open Access Journals). The Journal is included in Ulrich's Periodicals Directory.

Publishing Ethics

The Editorial Office, Editorial Board and Publisher of the Financial Journal are guided by generally accepted international standards for the ethics of scientific publications developed and approved by the Committee on Publication Ethics (COPE), and make every effort to fully comply with them.

Editorial Board

Vladimir S. Nazarov, Candidate of Economic Sciences, Director of the Financial Research Institute, Editor in Chief of the Financial Journal, (Moscow, Russian Federation)

Yuriy V. Kuznetsov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Center for Financial Policy of the Financial Research Institute, Deputy Editor in Chief of the Financial Journal (Moscow, Russian Federation)

Evsey T. Gurvich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of Economic Expert Group (Moscow, Russian Federation)

Sergey M. Drobyshevsky, Doctor of Economic Sciences, Docent, Chief Researcher of the "Macroeconomics and Finance" Division at Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)

Ludmila S. Kabir, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Center for International Finance of the Financial Research Institute (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Klimanov, Doctor of Economic Sciences, Docent, Director of the Regional Policy Center, Institute of Applied Economic Research, RANEPA; Director of the Institute for Public Finance Reform, Member of the Public Council under the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Yuliya G. Lavrikova, Doctor of Economic Sciences, Docent, Director of the Institute of Economics of the Ural Branch at the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation)

Marina Yu. Malkina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Methodology, Head of the Center for Macro and Microeconomics, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Vitaly V. Omelyanovskiy, Doctor of Medical Sciences, Professor, Director General of the Center for Healthcare Quality Assessment and Control of the Ministry of Health of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Nikolay P. Pilnik, Candidate of Economic Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Economic Sciences, HSE University (Moscow, Russian Federation)

Milyausha R. Pinskaya, Doctor of Economic Sciences, Docent, Head of the Center for Tax Policy of the Financial Research Institute (Moscow, Russian Federation)

Pavel V. Trunin, Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the "Macroeconomics and Finance" Division at Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)

Kristina V. Shvandar, Doctor of Economic Sciences, Head of the Advanced Financial Planning, Macroeconomic Analysis and Finance Statistics Center of the Financial Research Institute (Moscow, Russian Federation)

© Financial Research Institute, 2025

Содержание

Налоговая политика

М. Р. Пинская, Ю. А. Стешенко
Эффективность применения налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья 8

И. Ю. Арлашкин
Совершенствование оценки налогового потенциала регионов по отдельным видам налогов 25

А. В. Тихонова, М. В. Пьянова
Налоговый механизм противодействия дроблению бизнеса в сельском хозяйстве 39

А. И. Погорлецкий
Уклонение от уплаты налогов в современном мире: институциональные аспекты 54

Региональные финансы

Н. Е. Барбашова, О. В. Сучкова
Применение инструментов обеспечения бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости в российских регионах 72

Казначейский финансовый контроль

А. И. Лукашов
Теоретические и прикладные аспекты казначейского финансового контроля в контексте повышения финансовой дисциплины 90

Денежно-кредитная политика

Е. П. Добронравова
Влияние денежно-кредитной политики на ставки по кредитам и депозитам в условиях ограниченной мобильности капитала в России 108

Е. М. Пастухов, С. В. Гришунин
Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России 126

Contents

Tax Policy

M.R. Pinskaya, Yu.A. Steshenko
Efficiency of Application of Tax on Additional Income
from Hydrocarbon Raw Materials 8

I.Yu. Arlashkin
Improving the Assessment of Regional Tax Capacity
by Selected Types of Taxes 25

A.V. Tikhonova, M.V. Pyanova
Tax Mechanism to Counteract Business Fragmentation
in Agriculture 39

A.I. Pogorletskiy
Tax Evasion in the Modern World:
Institutional Aspects 54

Regional Finances

N.E. Barbashova, O.V. Suchkova
Application of Financial Management Tools
to Ensure Budget Balance
and Debt Sustainability in Russian Regions 72

Treasury Financial Control

A.I. Lukashov
Theoretical and Applied Aspects
of Treasury Financial Control
in the Context of Improving Financial Discipline 90

Monetary Policy

E.P. Dobronravova
The Impact of Monetary Policy
on Loan and Deposit Rates in the Context
of Limited Capital Mobility in Russia 108

E.M. Pastukhov, S.V. Grishunin
Assessing the Impact of the Digital Ruble
on Commercial Bank Deposits in Russia 126

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24

CC BY

Эффективность применения налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья

Миляуша Рашитовна Пинская
E-mail: mpinskaya@nifi.ru, ORCID: 0000-0001-9328-1224
Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, г. Москва, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Юлия Александровна Стешенко
E-mail: steshenko@nifi.ru, ORCID: 0000-0002-6511-6026
Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Несмотря на увеличение доли ненефтегазовых доходов в федеральном бюджете Российской Федерации, современная экономика все еще в значительной степени зависит от нефтегазовых доходов. В результате налоговой реформы в нефтегазовом секторе роль поступлений налога на дополнительный доход от углеводородного сырья (далее — НДД) существенно возросла, как и увеличился объем добытых полезных ископаемых на участках недр, где применяется НДД. Режим НДД является преференциальным, так как предполагает наличие налоговых льгот и существенный объем возникающих в результате их применения налоговых расходов. Однако если налоговые льготы в сфере недропользования (в результате применения которых возникают налоговые расходы), не эффективны, то они могут существенно ограничить темпы роста и развития нефтедобывающего сектора России. В результате роста объемов добычи углеводородов увеличивается негативное влияние на окружающую среду и углеродный след. В связи с этим тема данного исследования является актуальной.
Цель исследования — выявление ключевых особенностей налогообложения участков недр НДД и проведение оценки эффективности комплексной льготы по НДД. Гипотеза исследования заключается в том, что размер налоговых расходов, возникших в результате применения НДД, должен быть скомпенсирован совокупной величиной налоговых поступлений и произведенных инвестиций. В качестве методологической основы используется системный анализ положений законодательства в области налогообложения природных ресурсов. Оценка эффективности комплексной льготы по НДД проводилась при помощи методов статистического анализа данных.
Исследование вносит определенный вклад в развитие теории налогообложения в виде методического инструментария оценки эффективности налоговых льгот инвестиционной направленности, к категории которых и относится НДД. С прикладной точки зрения полученные результаты полезны для выработки и обоснования решений о совершенствовании и (или) расширении действия НДД в России.

Ключевые слова: *НДД, НДПИ, инвестиции, комплексная льгота, налоговые расходы, нефтегазовые доходы, налоговые льготы, углеродный след*

JEL: *H21, H22, H23*

Для цитирования: *Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Эффективность применения налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 8–24. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24.*

© Пинская М. Р., Стешенко Ю. А., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24

Efficiency of Application of Tax on Additional Income from Hydrocarbon Production

Milyausha R. Pinskaya[1, 2], ***Yuliya A. Steshenko***[3]

[1, 3] *Financial Research Institute, Moscow, Russian Federation*

[2] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

[1, 2] *mpinskaya@nifi.ru, https://orcid.org/0000-0001-9328-1224*

[3] *steshenko@nifi.ru, https://orcid.org/0000-0002-6511-6026*

Abstract

Despite an increase in the share of non-oil and gas revenues in the federal budget of the Russian Federation, the Russian economy is still largely dependent on oil and gas revenues. As a result of the tax reform in the oil and gas sector, the role of revenues from the tax on additional income from hydrocarbons (hereinafter referred to as the TAI regime) has significantly increased, as well as the quantity of mineral resources extracted in subsoil areas where TAI is applied. The TAI regime is preferential, since it implies the availability of tax incentives and a significant amount of tax expenses arising from their application. However, ineffective tax benefits that result in tax expenditures may significantly limit the growth and development of the oil sector in Russia. It should also be noted that the negative impact on the environment and carbon footprint is increasing due to the growth of production volumes. That is why the topic of this study is relevant.

The purpose of the study is to identify the key features of taxation of subsoil areas where the TAI regime is applied and to assess the effectiveness of the comprehensive tax incentive. The hypothesis of the study is that the amount of tax expenditures resulting from the application of the TAI regime is lower than the volume of investments and the amount of tax expenditures in subsoil areas where the TAI regime is applied. As a methodological basis, a system analysis of the provisions of legislation in the field of taxation of natural resources was used. The effectiveness of the TAI regime was assessed using the methods of statistical data analysis. The study creates a methodological tool for assessing the effectiveness of investment-oriented tax incentives, which includes the TAI regime, thereby contributing to the growth of knowledge in the area of taxation theory. From an applied point of view, the results are useful for the development and justification of decisions on improving and (or) expanding the TAI regime in Russia.

Keywords: *tax on additional income from hydrocarbon extraction, tax on mineral extraction, investment, comprehensive benefit, tax expenditures, oil and gas revenues, tax incentives, carbon footprint*

JEL: *H21, H22, H23*

For citation: *Pinskaya M.R., Steshenko Yu.A. (2025). Efficiency of Application of Tax on Additional Income from Hydrocarbon Production. Financial Journal, 17 (3), 8–24 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-8-24.*

© Pinskaya M.R., Steshenko Yu.A., 2025

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько лет произошла перестройка механизма налогообложения сектора добычи полезных ископаемых. В частности, были введены налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (далее — НДД) и соглашения между налогоплательщиками и государственными органами об объемах добычи [Юмаев, 2021]. За период 2007–2020 гг. доля добываемой нефти, облагаемой в льготном порядке,

увеличилась с 5 до 30%, а суммы выпадающих доходов по этим основаниям выросли с 1 до 15%[1].

В настоящее время на территории России действуют два основных налога на добычу углеводородного сырья (далее — УВС): налог на добычу полезных ископаемых (далее — НДПИ) и с 2019 г. — НДД.

Налоговым законодательством предусмотрены пять групп участков недр согласно ст. 333.45 «Объект налогообложения» НК РФ, и для каждой из этих групп установлены определенные инвестиционные налоговые льготы. В табл. 1 представлены особенности механизма налогообложения для каждой группы участков недр.

Таблица 1

Механизм налогообложения для разных групп участков недр

Территории применения	Характеристики месторождений	Комплексная льгота по НДД	
		Первый вариант	Второй вариант
Первая группа: «гринфилды» с низкой степенью выработанности запасов нефти. Это Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Красноярский край, Ненецкий автономный округ, а также территории севернее 65 градуса северной широты полностью или частично в границах Ямало-Ненецкого автономного округа и в пределах российской части дна Каспийского моря. В 2021 г. составляли около 20% в общем количестве участков недр	В 2021 г.: 90 участков недр, из них прибыльных — 24 (на которые пришлось 88% добычи нефти и 62% добычи газа). В 2022 г.: 83 участка недр, из них прибыльных — 25. В 2023 г.: 116 участков недр, из них прибыльных — 27. Количество добытой нефти на прибыльных участках, с начала промышленной добычи на которых не прошло пяти календарных лет, составляет свыше 86% в общем объеме. Количество добытого полезного ископаемого в 2021 г. составило 14,6 млн т	— уплата НДД; — минимальный налог по НДД (в течение первых семи лет с начала промышленной разработки недр не уплачивается); — пониженная налоговая ставка по НДПИ в размере 1 руб. за 1 т добытой нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, скорректированная на Кндд, характеризующий уровень налогообложения нефти	— освобождение от уплаты НДД; — применение налоговой ставки по НДПИ, установленной пп. 9 п. 2 ст. 342 НК РФ в размере 919 руб. за 1 т добытой нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной
		— налоговый вычет из суммы НДПИ в размере осуществленных расходов на создание объектов внешней инфраструктуры. Предельный размер вычета определяется с учетом размера налоговой ставки по НДПИ, применяемой налогоплательщиком	
Вторая группа: участки недр из перечня, определенного в примечании 8 к единой ТНВЭД ЕАЭС	В 2021 г. 33 участка недр, из которых на 17 участках получена прибыль, по одному участку уплачивали минимальный налог по НДД	— пониженная налоговая ставка по НДПИ; — минимальный налог по НДД (в течение первых семи лет с начала промышленной разработки недр не уплачивается); — налоговый вычет из суммы НДПИ в размере осуществленных расходов на создание объектов внешней инфраструктуры	— освобождение от уплаты НДД (применяется только в случае, когда доля извлекаемых запасов газа всех категорий в совокупных запасах углеводородного сырья составляет более 50%); — налоговая ставка по НДПИ в размере 919 руб. за 1 т добытой нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, скорректированная на Кц, характеризующий динамику мировых цен на нефть, и на величину показателя Дм, характеризующего особенности добычи нефти

[1] *Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.*

Территории применения	Характеристики месторождений	Комплексная льгота по НДД	
		Первый вариант	Второй вариант
Третья группа: «браунфилды» — зрелые участки недр, которые прошли пик производства и находятся либо на стадии падения добычи, либо на завершающей стадии разработки	В 2021 г. осваивались 673 участка недр, из которых на 606 получена прибыль	— уплата НДД; — минимальный налог по НДД (минимальная налоговая база определяется как разность расчетной выручки и суммы: расчетных расходов; фактических расходов; предельных расходов (произведение количества добытой нефти на 7140 руб.). Указанное значение удельных расходов подлежит индексации на коэффициент-дефлятор, установленный на соответствующий календарный год; — пониженная налоговая ставка по НДПИ в размере 1 руб. за 1 т добытой нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, скорректированная на Кндд, характеризующий уровень налогообложения нефти; — налоговый вычет из суммы НДПИ при добыче нефти обезвоженной, обессоленной в размере 20% от суммы налога	— освобождение от уплаты НДД (применяется только в случае, когда доля извлекаемых запасов газа всех категорий в совокупных запасах углеводородного сырья составляет более 50%); — налоговая ставка по НДПИ в размере 919 руб. за 1 т добытой нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, скорректированная на Кц, характеризующий динамику мировых цен на нефть, и на величину показателя Дм, характеризующего особенности добычи нефти
Четвертая группа: участки недр, полностью расположенные в границах Республики Коми или расположенные полностью или частично в границах Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Коми, Оренбургской области, Самарской области, Томской области, в границах, определенных в НК РФ (географические координаты, 88 участков недр)	В 2021 г. из 88 участков недр в статистической налоговой отчетности отражены данные о 27 участках. На 18 участках получена прибыль (на девяти из них уплачивается минимальный налог); девять участков — убыточные, и на одном из них уплачивается минимальный налог	— пониженная налоговая ставка по НДПИ в размере 1 руб. за 1 т нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, добытой на участках недр, в отношении которой в течение всего налогового периода исчисляется НДД, скорректированная на коэффициент, характеризующий уровень налогообложения нефти (Кндд), с учетом времени, прошедшего с момента начала промышленной добычи нефти на участке недр; — минимальный налог по НДД (в первый год с даты начала промышленной добычи нефти не уплачивается, затем постепенно повышается по правилам ст. 333.55 НК РФ)	
Пятая группа: участки недр, расположенные полностью или частично севернее 70 градусов северной широты полностью в границах Красноярского края, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа	В 2021 г. НДД применялся в отношении всего семи участков недр, из которых все были убыточные, не уплачивающие минимальный налог. Фактические расходы по всем участкам недр составили 77 млрд руб., в то время как выручка 4 млн руб., 87% расходов приходилось на инвестиции. На указанных участках не было добыто полезных ископаемых	— пониженная ставка налога на прибыль для организаций, добывающих УВС, облагаемое НДД, на участках недр, расположенных в АЗ РФ; — пониженная налоговая ставка по НДПИ в размере 1 руб. за 1 т нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной, добытой на участках недр, в отношении которой в течение всего налогового периода исчисляется НДД, скорректированный на коэффициент, характеризующий уровень налогообложения нефти (Кндд). Для участков недр данный коэффициент рассчитывается с учетом времени, прошедшего с момента начала промышленной добычи нефти на участке недр	

Источник: составлено авторами по данным НК РФ и формы статистической налоговой отчетности 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Определение инвестиций в рамках НДД в налоговом законодательстве дано достаточно широко и включает в себя обширный перечень расходов, поэтому при сравнении инвестиций с объемом налоговых льгот более информативно проводить анализ капитальных вложений как частного случая инвестиций, ограничивающегося вложениями в основные средства[2]. Однако в статистической налоговой отчетности 5-НДД данные о капитальных вложениях не отражаются.

К основным причинам введения НДД относят:

— стимулирование разработки новых месторождений и повышение инвестиционной привлекательности разработки истощенных и нетрадиционных запасов углеводородного сырья;

— повышение рентабельности труднодоступных участков недр;

— увеличение добычи нефти и газа;

— пополнение доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

— необходимость сокращения большого количества налоговых льгот и послаблений, действующих в сфере добычи полезных ископаемых [Пинская, 2024].

По оценкам Министерства финансов Российской Федерации, в 2021 г. сумма налоговых расходов, возникших в результате использования налоговых льгот по НДД, составила 566,9 млрд руб. (без учета недопоступлений в связи с использованием освобождения от уплаты вывозных таможенных пошлин), в 2022 г. — 842,1 млрд руб., а в 2023 г. — 1086,4 млрд руб. Темп роста в 2023 г. по сравнению с 2021 г. составил 196%. Такой существенный объем связан в первую очередь со спецификой налоговых льгот по данному налогу, которые носят комплексный характер. Также отметим, что, согласно ст. 50 Бюджетного кодекса Российской Федерации, налоговые доходы от НДД зачисляются в федеральный бюджет по нормативу 100%[3].

Налогоплательщик может использовать одновременно несколько налоговых льгот по разным налогам, а именно по НДД (в части освобождения от уплаты минимального налога), НДПИ и налогу на прибыль организаций. Комплексный характер налоговых льгот заключается и в том, что, во-первых, согласно налоговому законодательству величины НДД и НДПИ напрямую зависят от механизма уплаты каждого из налогов. Налогоплательщик, который исчисляет НДД на определенном участке недр, может использовать налоговые льготы по НДПИ. Во-вторых, перечень и размер налоговых льгот определяются исходя из объекта налогообложения НДД. Кроме того, некоторые категории налогоплательщиков могут не уплачивать даже минимальную сумму НДД, а сумму уже исчисленного НДПИ уменьшить на величину налогового вычета. Суммы НДД и НДПИ уменьшают налоговую базу по налогу на прибыль организаций. Таким образом, данные налоговые стимулы следует рассматривать в качестве комплексной льготы исходя из объекта налогообложения НДД [Пинская, Стешенко, 2024].

Размер НДД напрямую зависит от величины финансового результата по определенному участку недр, что позволяет проводить анализ предоставляемых льгот и вложенных налогоплательщиком в освоение этого участка недр инвестиций [Пинская, Стешенко, 2024]. Объектом налогообложения выступает дополнительный доход от добычи углеводородного сырья на участках недр пяти групп, которые отличаются друг от друга по региональной принадлежности и степени выработанности. Налоговые доходы от НДД с начала функционирования налога возросли более чем в 12 раз. Это произошло прежде всего за счет расширения круга налогоплательщиков, а также увеличения количества участков, на которых может применяться НДД. Подробные данные представлены в табл. 2.

---

[2] *Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 25.12.2023), ст. 1.*

[3] *Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.*

Таблица 2

Динамика сумм поступивших доходов от взимания НДД по группам участков недр за период 2019–2023 гг., млн руб.

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп роста (2023 г. по сравнению с 2019 г.), %
Сумма НДД всего	101 081,1	149 035,8	1 004 851,5	1 685 045,7	1 292 615,4	1278,8
Сумма НДД, полученного от налогоплательщиков первой группы участков недр	1250,6	32 241,8	47 883,4	104 476,8	57 635,5	4608,6
Сумма НДД, полученного от налогоплательщиков второй группы участков недр	35 714,7	71 433,0	211 653,2	338 036,0	217 945,0	610,2
Сумма НДД, полученного от налогоплательщиков третьей группы участков недр	62 592,3	44 041,3	714 585,6	1 189 290,5	952 497,2	1521,7
Сумма НДД, полученного от налогоплательщиков четвертой группы участков недр	1523,4	1319,8	34 535,5	53 242,3	64 809,7	4254,3
Сумма НДД, полученного от налогоплательщиков пятой группы участков недр	–	0,0	0,0	0,0	0,0	–

Примечание: по состоянию на 20.05.2025 на сайте Федеральной налоговой службы отсутствуют данные за 2024 г. о суммах поступлений НДД в разрезе групп участков недр в форме 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья.
Источник: составлено авторами по данным форм статистической налоговой отчетности 1-НМ Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации и 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Согласно данным Федеральной налоговой службы, представленным в табл. 3, за пять лет действия налога количество участков, в отношении которых применяется НДД, увеличилось более чем в семь раз. Доля участков, на которых по правилам применения НДД получена прибыль, в 2023 г. составила 72% от общего числа, их темп роста в 2023 г. по сравнению с 2019 г. был равен 1054%.

Таблица 3

Динамика основных показателей участков недр, в отношении которых применяется НДД, за период 2019–2023 гг.

Показатель	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.		Темп роста (2023 г. по сравнению с 2019 г.), %
	Ед.	Удельный вес, %	Ед.	Удельный вес, %	Ед.	Удельный вес, %	Ед.	Удельный вес, %	Ед.	Удельный вес, %	
Всего участков недр, в отношении которых применяется НДД	136	–	163	–	830	–	912	–	1 047	–	770
— в том числе прибыльные участки недр	72	53	66	40	665	80	691	76	759	72	1054
— в том числе убыточные участки недр	64	47	97	60	165	20	221	24	288	28	450

Источник: составлено авторами по данным формы статистической налоговой отчетности 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Таким образом, значимость НДД для федерального бюджета Российской Федерации ежегодно возрастает. Несмотря на то, что до начала действия данного налога, а также в первые годы его применения велись дискуссии о его целесообразности, в текущих условиях архитектура и механизм НДД обеспечили темпы развития отрасли в условиях жестких санкционных ограничений со стороны недружественных государств.

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Исходя из цели настоящей статьи авторы проанализировали исследования [Auerbach, 1983; Chirinko, 1993; Jorgenson, 1971], в которых рассматривались последствия влияния реформ корпоративного налогообложения на уровень капитальных вложений компаний в добывающем секторе экономики. В публикации [Chakravorty, 2011] на основе имитационного моделирования спрогнозировано поведение налогоплательщиков НДПИ при использовании такой налоговой льготы, как снижение величины уплачиваемого налога на сумму расходов на разведку и добычу нефтепродуктов. Было выявлено, что данная льгота стимулирует налогоплательщиков к осуществлению добычи, однако не обеспечивает дополнительный прирост налоговых доходов, способный скомпенсировать объемы налоговых расходов. Аналогичное по цели исследование по данным семи месторождений на Аляске было проведено [Leighty, Lawell, 2012] для моделирования влияния налоговой политики на темпы добычи. Авторы отметили, что налоговые ставки по НДПИ не влияют на экономически оптимальные траектории добычи нефти.

Налоги, основанные на дополнительном доходе, достаточно широко применяются в мировой практике [Бобылев, 2017]; чаще всего их вводят на определенный промежуток времени, например когда цена на энергоносители существенно повышается, то есть речь идет о так называемой «непредвиденной прибыли». Такие налоги широко распространены в добывающем секторе и в настоящее время используются более чем в 32 странах (например, в Норвегии, Великобритании, Австралии, Анголе). В большинстве случаев налог рассчитывается от величины прибыли, превышающей либо базовую норму доходности, то есть определенный бенчмарк (*rate of return*), либо заданное значение отношения совокупного дохода к совокупным расходам (коэффициент R) [Hebous, 2024]. Однако исследователи отмечают, что такого рода налоги не должны носить временный характер, напротив, их следует применять на постоянной основе с учетом внешней конъюнктуры.

Целесообразность дополнительного налогообложения «непредвиденной прибыли» в энергетическом секторе исследовалась различными учеными. [Amaglobeli et al., 2022] отмечают, что налоги на избыточную прибыль могут стать источником значительных бюджетных доходов, не вызывая существенных искажений в налоговой системе и выполняя социальную функцию перераспределения налоговой нагрузки в период высоких цен на энергоресурсы. К аналогичному мнению пришли и [Baunsgaard, Vernon, 2022], которые считают, что для инвесторов в первую очередь важна стабильность и предсказуемость налоговых условий в период роста цен на энергоносители. Определению механизма вычисления величины избыточной прибыли посвящена работа [Devereux et al., 2020], а также различные публикации Всемирного банка.

Повышение инвестиционной активности организаций нефтегазового сектора называлось в качестве одной из основных целей введения НДД, при этом в некоторых исследованиях отмечается, что влияние налоговых льгот на уровень инвестиций недостаточно. К таким работам можно отнести ранние исследования, основанные на макроэкономических данных, в результате которых были сделаны выводы о наличии слабой связи между налоговыми льготами и инвестициями [Chirinko, 1983; Eisner, 1969; Eisner, 1970; Eisner, Nadiri, 1968]. Более поздние труды были основаны на эмпирических исследованиях микроданных на уровне фирм [Cummins, 1996; Cummins et al., 1994; House, Shapiro, 2008; Liu, Mao, 2019; Yagan, 2015].

В целом нахождение оптимального налогового режима для компаний сектора добычи полезных ископаемых в условиях колебаний цен на энергоресурсы является целью большого количества исследований. Так, в работе [Mintz, Chen, 2012] авторы на основании оценки и сравнительного анализа налоговых режимов, используемых в таких странах, как Австралия, Бразилия, Канада, Великобритания и др., отмечают, что налоговый режим, предполагающий возможность уменьшения налоговой базы на все затраты производителей нефти, является наиболее эффективным способом достижения баланса между уровнем инвестиционной активности организаций и величиной налоговой нагрузки. Одновременно с этим при налогообложении прибыли добывающих компаний следует сократить действующие преференции для повышения налоговой нейтральности.

Архитектура налогов и применяемые налоговые ставки существенно дифференцированы между странами. Так, в Норвегии применяется специальный налог на нефть и газ (*special petroleum tax*), налогоплательщиками которого являются добывающие компании, дополнительно к уплате корпоративного налога уплачивающие налог на финансовый результат по налоговой ставке 56%. В работе [Hunnes, Grytten, 2021] отмечается, что это государство выбрало эффективный способ взимания и использования ресурсной ренты, благодаря чему в 2017 г. доля ресурсных платежей составила 14% ВВП страны, 17% от величины государственных доходов и 19% от совокупного объема инвестиций. При этом механизм налогообложения, действующий в Норвегии, можно назвать нейтральным, так как налогоплательщики вправе уменьшить налоговую базу по налогу на величину инвестиций.

Специальный налог на нефть и газ, действующий в Норвегии, по своей архитектуре аналогичен НДД в России. В нашей стране НДД начал действовать только в 2019 г., однако вопросы его введения затрагивались задолго до этого. Публичное обсуждение законопроекта о введении НДД началось в 2014 г., а первые исследования по этой теме появились уже в 2015 г. Ряд экспертов отмечал, что обсуждение законопроекта можно считать значительным шагом вперед в направлении создания благоприятных условий для инвестиций в разработку более широкого круга месторождений [Бобылева, 2015; Глазьев, 2018]. Некоторые авторы [Бобылев, 2017] полагали, что применение НДД целесообразно на новых нефтяных месторождениях, в то время как использование налога на старых месторождениях усложняет процесс налогового администрирования. Академик Глазьев [Глазьев, 2018] упоминал, что проект введения НДД недропользователей был подготовлен и принят в первом чтении еще в середине 1990-х гг.

Необходимость реализации механизмов налогового стимулирования инвестиционной деятельности нефтяных компаний, то есть перехода от фискальной функции налогообложения нефтяной промышленности к регулирующей рассматривали в своих трудах многие российские ученые. Так, Д. В. Котов с соавторами [Котов и др., 2014] полагали, что НДД обладает существенным преимуществом по сравнению с НДПИ, которое заключается в фиксированной налоговой ставке для всех новых активов на все время разработки месторождения — ее гораздо сложнее изменить или отменить, чем налоговые льготы, применяемые для конкретных месторождений. Тем самым стабильные налоговые условия могут оказать существенное положительное влияние на уровень инвестиционной активности в нефтедобыче. Исследование [Левшукова и др., 2020] доказывает стимулирующий эффект НДД, направленный на развитие новых месторождений, повышение рентабельности нефтегазовых продуктов при разработке трудноизвлекаемых участков месторождений на примере Красноярского края. М. А. Моисеева и соавторы отмечают, что применение НДД стимулирует инвестиции в освоение новых месторождений, поскольку налог не взимается вплоть до полной окупаемости капитальных затрат [Моисеева и др., 2012]. В работе [Пономарёва, Луковкин, 2020] сделан вывод, что «развитие и расширение действия института НДД в России позволит решить проблему

поддержания уровня добычи нефти в условиях истощения запасов и ухудшения качества минерально-сырьевой базы».

Несмотря на то, что большинство ученых оценивает НДД положительно, существует мнение, что замена НДПИ налогом на дополнительный доход приводит к сокращению доходов бюджетной системы в связи с переносом уплаты большей части НДД на период после окупаемости затрат недропользователя [Пансков, 2018], поэтому актуальной задачей является разработка системы оценки результатов применения этого налога на основе объективных показателей [Бородин, 2017]. Так, в работе [Дьячков, 2022] проведен сравнительный анализ эффективности налоговых режимов в нефтедобыче и сделан вывод, что НДД не является однозначно более преференциальным по сравнению с НДПИ, при определенных условиях НДПИ может быть эффективнее с точки зрения стимулирования разработки ряда залежей.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Данные

Анализ налоговых расходов, возникающих в результате применения комплексной налоговой льготы по НДД, проводился на основании информации о нормативных, целевых и фискальных характеристиках налоговых расходов, опубликованной на сайте Минфина России. Данные в разрезе групп участков недр, которые включают информацию о суммах налоговых поступлений, прибыльности, убыточности, объемах добычи полезных ископаемых, приведены согласно официальной статистической налоговой отчетности ФНС России. Кроме того, использовались данные из нормативных правовых актов, регулирующих налогообложение групп участков недр НДД и НДПИ. Так как НДД обладает выраженной национальной спецификой, при анализе научной литературы приоритет отдавался трудам отечественных исследователей, в особенности работам, целью которых был анализ НДД с точки зрения его влияния на инвестиционную активность предприятий.

Методы

Был выбран двухэтапный подход к исследованию. На первом этапе в качестве методологической основы использовался системный анализ положений законодательства в области налогообложения природных ресурсов. НДД является уникальным налогом, так как его применение позволяет снизить налоговые обязательства по НДПИ, помимо этого, режим НДД предполагает различные условия налогообложения в зависимости от объекта налогообложения, указанного в ст. 333.45 НК РФ. Выше отмечалось, что, несмотря на взимание НДД с величины финансового результата, исчисленного исходя из норм главы 25.4 НК РФ (о НДД), возможность применения пониженной налоговой ставки НДПИ при налогообложении нефти обессоленной, обезвоженной и стабилизированной на участках недр, в рамках которых применяется НДД, позволяет отнести данный режим к преференциальным. Исходя из этого, на первом этапе были определены особенности налогообложения каждой группы участков недр, перечисленных в ст. 333.45 «Объект налогообложения» НК РФ, с целью выявления отдельных инвестиционных налоговых льгот, которые вправе применять налогоплательщики НДД. Это позволило доказать преференциальный характер данного налогового режима, а также определить необходимый перечень индикаторов его оценки.

На втором этапе на базе выявленных ключевых особенностей режима НДД определены подходы к анализу эффективности, проводимому на основании агрегированных данных, то есть по всему кругу бенефициаров, так как целью данного исследования является оценка эффективности комплексной льготы по НДД с учетом специфики применения налога.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ эффективности комплексной льготы по НДД

Проведем анализ эффективности комплексной льготы по НДД с учетом ключевых особенностей данного налога, а также вышеуказанных подходов.

По данным Федеральной налоговой службы, в 2023 г. объем добытой нефти составил 477 млн т, из которых 254 млн т были добыты на участках недр, на которых применялся режим НДД. С момента введения данной комплексной льготы доля добытой нефти в рамках НДД увеличилась более чем в шесть раз: с 8% в 2019 г. до свыше 53% в 2023 г.

Как следует из табл. 4, в 2023 г. по сравнению с 2019 г. количество участков недр, налогообложение которых осуществлялось в рамках НДД, возросло с 136 до 1047. В основном рост произошел за счет увеличения количества участков третьей группы (в том числе «браунфилдов»). При этом наибольшая добыча характерна для второй группы, в 2023 г. средний объем добычи на один участок составил 1110 тыс. т. Несмотря на существенный рост количества разрабатываемых участков недр, объем добычи на один участок в среднем снизился на 26% в 2023 г. по сравнению с 2020 г.

Таблица 4

Показатели количества участков недр и объемов добычи на участках недр, на которых применяется НДД

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Участки недр, ед.	136	163	830	912	1047
— первая группа участков недр	н/д	80	90	83	116
— вторая группа участков недр	н/д	29	33	38	35
— третья группа участков недр	н/д	39	673	715	810
— четвертая группа участков недр	н/д	10	27	70	80
— пятая группа участков недр	н/д	5	7	6	6
Объем добычи нефти на один участок в среднем, т	330 292	331 338	215 226	247 294	242 811
— первая группа участков недр	н/д	73 571	115 753	154 454	115 357
— вторая группа участков недр	н/д	1 084 233	918 638	1 059 546	1 110 410
— третья группа участков недр	н/д	376 114	196 071	229 402	237 367
— четвертая группа участков недр	н/д	201 124	220 332	120 383	121 384
— пятая группа участков недр	н/д	0	0	0	0

Примечание: н/д — данные в статистической налоговой отчетности отсутствуют.
Источник: составлено авторами по данным формы статистической налоговой отчетности 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

По данным табл. 5, наибольшую удельную выручку и дополнительный доход формируют участки третьей группы. За рассматриваемый период с 2019 по 2023 г. расходы на одну тонну нефти в среднем увеличились на 2,8 тыс. руб., самый большой рост был зафиксирован на участках недр третьей группы.

Таблица 5

Показатели объемов расчетной выручки и фактических расходов по участкам недр, на которых применяется НДД

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Выручка на 1 т нефти, тыс. руб.	32,0	24,6	38,3	39,70	40,9
Первая группа участков недр	н/д	25,6	38,2	42,10	42,95
Вторая группа участков недр	н/д	25,6	40,9	40,89	41,6
Третья группа участков недр	н/д	22,6	38,3	39,66	40,7

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Четвертая группа участков недр	н/д	21,8	15,1	38,26	40,4
Пятая группа участков недр	н/д	0,0	0,0	0,00	0,0
Расходы на 1 т нефти, тыс. руб.	14,9	15,1	17,7	20,67	23,5
Первая группа участков недр	н/д	25,7	24,3	23,08	26,6
Вторая группа участков недр	н/д	14,4	18,1	20,31	22,7
Третья группа участков недр	н/д	12,3	16,8	20,17	23,2
Четвертая группа участков недр	н/д	15,2	7,3	18,51	2,5
Пятая группа участков недр	н/д	0,1	0,0	0,00	0,0
Дополнительный доход на 1 т нефти, тыс. руб.	11,7	6,2	15,1	13,57	12,62
Первая группа участков недр	н/д	5,7	16,6	19,03	16,4
Вторая группа участков недр	н/д	7,3	18,3	16,20	14,8
Третья группа участков недр	н/д	4,2	14,4	12,45	11,7
Четвертая группа участков недр	н/д	3,1	5,8	14,24	16,0
Пятая группа участков недр	н/д	0,0	0,0	0,00	0,0

Примечание: н/д — данные в статистической налоговой отчетности отсутствуют.
Источник: составлено авторами по данным формы статистической налоговой отчетности 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Таблица 6

Объем инвестиций, осуществленных налогоплательщиками, применяющими НДД на участках недр

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Инвестиции, всего, тыс. руб.	241 642 440	348 559 045	630 565 228	767 935 948	957 493 158
Первая группа участков недр	н/д	79 193 175	117 958 789	40 262 752	149 138 474
Вторая группа участков недр	н/д	202 118 551	134 408 135	107 319 202	196 298 504
Третья группа участков недр	н/д	45 685 775	259 526 355	344 676 162	485 054 756
Четвертая группа участков недр	н/д	21 440 380	51 582 705	67 433 695	72 847 417
Пятая группа месторождений	н/д	121 164	67 089 244	71 909 809	54 154 007
Инвестиции на 1 т нефти, тыс. руб.	5,4	6,5	3,5	3,4	3,8
Первая группа участков недр	н/д	13,5	11,3	2,7	11,1
Вторая группа участков недр	н/д	6,4	12,9	4,4	5,1
Третья группа участков недр	н/д	3,1	24,9	2,1	2,5
Четвертая группа участков недр	н/д	3,6	5,0	8,0	7,5
Пятая группа участков недр	н/д	0,0	0,0	0,0	0,0
Расходы на 1 т нефти, тыс. руб.	9,5	8,6	14,0	17,25	19,6
Первая группа участков недр	н/д	12,3	12,6	4,7	14,87
Вторая группа участков недр	н/д	7,9	36,5	15,8	17,7
Третья группа участков недр	н/д	22,8	185,1	18,1	20,6
Четвертая группа участков недр	н/д	1,5	4,5	10,5	12,8
Пятая группа участков недр	н/д	0,0	0,0	0,0	0,0

Примечание: н/д – данные в статистической налоговой отчетности отсутствуют.
Источник: составлено авторами по данным формы статистической налоговой отчетности 5-НДД Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Как показано в табл. 6, инвестиции (расходы на приобретение, сооружение, изготовление, доставку и доведение до состояния, пригодного для использования, амортизируемого имущества) в 2023 г. составили 957,5 млрд руб., расходы в среднем на одну тонну нефти снизились более чем в два раза (рост зафиксирован только по третьей группе

месторождений), составив при этом 3,8 тыс. руб. на одну тонну нефти. Для сравнения: фактические расходы, связанные с производством и реализацией одной тонны нефти, составили 19,6 тыс. руб.

По данным, представленным в табл. 7, объем налоговых расходов, возникших в результате применения НДД на всех участках недр с 2019 г., вырос более чем в три раза. В среднем на одну тонну добытой нефти в 2021 г. приходилось 3,9 тыс. руб. налоговых расходов, в 2022 г. — 4,3 тыс. руб., в 2023 г. — 4,5 тыс. руб. При этом удельные значения налоговых расходов (согласно данным Министерства финансов России) только в 2021 г. приблизились к удельным значениям инвестиций налогоплательщиков в расчете на одну тонну нефти.

Таблица 7

Уровень налоговых расходов на 1 т нефти, добытой на участках недр, на которых применяется НДД

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Налоговые расходы, млрд руб.	328,4	387,9	689,0	970,3	1134,9
Налоговые расходы на 1 т, тыс. руб.	7,3	7,2	3,9	4,3	4,5

Примечание: данные о налоговых расходах включают сумму поступлений НДД.
Источник: составлено авторами по данным Министерства финансов Российской Федерации.

По данным табл. 8, в среднем на одну тонну нефти приходилось в 2023 г. 21 тыс. руб. поступлений НДПИ, по нефти, добытой в рамках комплексной льготы для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность на новом морском месторождении УВС, — 6,6 тыс. руб., а по нефти, добытой в рамках комплексной льготы по НДД, — 13,8 тыс. руб.

Таблица 8

Сумма НДПИ на 1 т нефти, в том числе добытой на участках недр, на которых применяется режим НДД, руб.

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Характеристика объемов добычи
Сумма налога в среднем на 1 т нефти*	10 891	7226	17 095	21 492	21 195	Снижение добычи с 456 тыс. т в 2019 г. до 216 тыс. т в 2023 г.
Сумма налога в среднем на 1 т нефти в рамках комплексной льготы для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность на НММУС	4564	3271	5603	6448	6656	Увеличение добычи с 7 тыс. т в 2019 г. до 9 тыс. т в 2021 г. и снижение добычи в 2023 г. до 7,5 тыс. т
Сумма налога в среднем на 1 т нефти в рамках комплексной льготы по НДД**	5001	3262	9680	12 576	13 843	Увеличение добычи с 36 тыс. т в 2019 г. до 254 тыс. т в 2023 г.

*Примечание: * — отношение суммы налога, подлежащей уплате в бюджет, к количеству добытой нефти; ** — в данном случае при расчете учитывалась только сумма НДПИ, однако следует принимать во внимание, что по указанной нефти также исчислялся НДД.*
Источник: составлено авторами по данным формы 5-НДПИ Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на добычу полезных ископаемых. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Анализ ключевых особенностей механизма НДД позволил сделать вывод, что при оценке эффективности на основании агрегированных данных необходимо учитывать следующее.

1. Объем инвестиций, осуществленных всеми налогоплательщиками НДД. Комплексная налоговая льгота по НДД направлена на стимулирование увеличения объемов инвестиций в реальном секторе экономики.

2. Вид основной экономической деятельности. Увеличение объемов нефтедобычи и газодобычи является одной из основных целей применения такого механизма, как НДД.

3. Объем налоговых поступлений и налоговых расходов. Применение льгот позволяет существенно снизить налоговую нагрузку на налогоплательщиков, но, несмотря на это, следует проводить сопоставление недополученных налоговых доходов и объемов уплачиваемых налогов в динамике. Гипотеза исследования состоит в том, что темп прироста налоговых поступлений в результате использования налоговых льгот должен быть выше темпов прироста недополученных доходов.

Обсуждение результатов

При анализе эффективности комплексной льготы по НДД в расчет не включались объемы добычи других углеводородов, кроме нефти обезвоженной, обессоленной и стабилизированной, таких как природный добытый газ, добытый попутный газ и добытый газовый конденсат. Статистическая налоговая отчетность 5-НДД не содержит информации об объемах выручки, расходов, инвестиций в разрезе видов добытого сырья. В связи с этим нами сделано допущение, что на участках недр все инвестиции направлены на добычу именно нефти. Объемы добычи других углеводородов на участках недр, на которых применяется режим НДД, несущественны. Так, в 2023 г. на всех участках было добыто: 6805 млн м^3 газа природного, 184 тыс. т газового конденсата и 47 199 млн т попутного газа. Исходя из общего объема добычи данных полезных ископаемых на территории России, на участках недр, на которых применялся режим НДД, было добыто всего 1,3% газа природного, 0,4% газового конденсата и 38,8% попутного газа. При этом попутный газ в настоящее время облагается по ставке 0%, так как является сопутствующим продуктом при добыче нефти. В связи с этим основным полезным ископаемым, которое добывается на участках недр, указанных в ст. 333.45 НК РФ, является нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная.

Согласно налоговому законодательству, снизить налоговые обязательства по НДПИ налогоплательщик НДД может только в отношении добытой нефти обезвоженной, обессоленной и стабилизированной. При одновременной добыче природного газа, газового конденсата, а также попутного газа налогообложение НДПИ данных полезных ископаемых происходит в рамках стандартного режима, согласно нормам ст. 342 НК РФ. Исходя из этого, весь объем налоговых расходов, возникших в результате применения режима НДД, напрямую связан только с добычей нефти.

Проведенное исследование доказывает, что НДД является комплексной налоговой льготой, применение которой позволяет снизить налоговые обязательства налогоплательщика, с одной стороны, и увеличить объемы инвестиций в отрасль добычи — с другой. Одновременно с этим необходимо отметить, что действующий механизм налогообложения углеводородов обеспечил стабильные объемы добычи нефти в условиях жестких ограничений со стороны недружественных стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования дают основание для следующих выводов.

1. Внедрение такого преференциального налогового режима, как НДД, позволило существенно увеличить добычу нефти обезвоженной, обессоленной и стабилизированной, в том числе на участках недр, разработка которых при стандартном налоговом режиме была бы нецелесообразна. В условиях волатильности цен на нефть, введения предельных цен на российскую нефть со стороны стран G7, а также снижения экспортной выручки российских компаний от продажи углеводородов уплата НДД вместо НДПИ позволила предприятиям перенести налоговую нагрузку на тот период, в котором будет получен

положительный финансовый результат. Несмотря на благоприятное влияние НДД на добычу углеводородов, внимание на вопросах роста углеродного следа и мер, направленных на его снижение, не акцентируется. В связи с этим актуальным является совершенствование налогового законодательства в части введения обязанности налогоплательщиков, применяющих режим НДД, осуществлять определенный объем инвестиций, направленных на снижение углеродного следа от добычи нефти.

2. Одной из основных целей внедрения комплексной льготы по НДД является стимулирование добычи нефти. С 2019 г. общее количество добытой нефти снизилось всего на 6%, а добыча на участках недр, использующих НДД, увеличилась в несколько раз, что в условиях существенного роста ее себестоимости является позитивным результатом. Расширение охвата участков недр, которые могут использовать НДД, позволило нарастить объемы добычи нефти на таких участках более чем в четыре раза за последние три года, при этом в два раза выросла добыча на участках недр первой группы, в восемь раз — на участках недр третьей группы.

3. Падение налоговых поступлений НДД в 2023 г. по сравнению с 2022 г. обусловлено увеличением расходов налогоплательщиков, использующих режим НДД, в том числе затрат на приобретение, сооружение, изготовление, доставку и доведение до состояния, пригодного для использования, амортизируемого имущества в условиях отсутствия роста выручки в расчете на одну тонну добытой нефти. Дело в том, что в 2021 г. наблюдался стабильный рост цен на нефть; так, в начале года средний уровень цен на нефть сорта «Юралс» составлял около 60 долл. США за баррель, а в конце года достиг значения 83 долл. США за баррель. В 2022 г. минимальная цена составляла 77 долл. США за баррель, а в 2023 г. она опускалась ниже 72 долл. США[4]. При этом темп роста добычи нефти на участках НДД в 2023 г. по сравнению с 2022 г. был меньше 100%. Совокупность этих факторов стала причиной снижения налоговых поступлений в 2023 г.

4. На одну тонну добытой нефти в рамках НДД приходится 13,8 тыс. руб. налоговых поступлений НДПИ (по данным за 2023 г.), что меньше на 7 тыс. руб., чем при стандартном режиме налогообложения. Для компенсации величины налоговых расходов необходимо увеличение объемов инвестиций по сравнению с текущим уровнем.

5. Сумма инвестиций, осуществляемых в рамках использования комплексной льготы по НДД, увеличилась в 3,9 раза в абсолютном выражении. Одновременно с этим уровень инвестиций в расчете на одну тонну добытой нефти снизился: в 2019 г. на одну тонну приходилось 5,4 тыс. руб. инвестиций, в то время как в 2023 г. — всего 3,8 тыс. руб. В 2023 г. объем налоговых расходов на одну тонну нефти составлял 4,5 тыс. руб., то есть в среднем объем предоставляемой льготы не был скомпенсирован величиной вложенных в освоение анализируемых участков недр инвестиций. Таким образом, гипотеза исследования не подтверждена: сумма налоговых расходов, возникших в результате использования льготы всеми бенефициарами, выше совокупной величины налоговых поступлений и произведенных в рамках исследуемых участков недр инвестиций.

---

[4] *Данные Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/.*

Список источников

1. Бобылев Ю., Расенко О. О введении налога на дополнительный доход в нефтяной отрасли // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 10. С. 65–68.
2. Бобылева А. З. Государственная стратегия регулирования нефтяной отрасли России: эволюция системы налогообложения // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2015. № 4. С. 3–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25318154_55002419.pdf.
3. Бородин В. и др. Введение налога на дополнительный доход: перспективы нового регулирования // Нефть, газ и право. 2017. № 6. С. 22–30. https://doi.org/10.7256/2454-065X.2019.4.29577.
4. Глазьев С. Ю. Диспропорции налоговой системы и пути их преодоления // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 209. № 1. С. 62–68.
5. Дьячков Г. С. Сравнительный анализ эффективности налоговых режимов в нефтедобыче // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 9 (3). С. 39–51. https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-39-51.
6. Котов Д. В., Можчиль А. Ф., Хашпер Б. Л. Проблемы и пути совершенствования системы налогового регулирования инвестиционной деятельности нефтяных компаний // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2014. № 11. С. 19–23. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-10-74-80.
7. Левшукова О. А., Хрисанфова Е. С., Ильинова С. М. Оценка функционирования НДД от добычи углеводородов (на примере Красноярского края) // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 30 (4). С. 97–102.
8. Моисеева М. А., Войшвилло И. Е., Милоголов Н. С. Налогообложение добычи нефти и газа: тенденции развития // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. 2012. № 1 (11). С. 87–100.
9. Пансков В. Г. Налогообложение природных ресурсов: проблемы и пути решения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 91–104. https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10018.
10. Пономарёва Н. В., Луковкин А. Л. Налоговый маневр в нефтегазовой отрасли: первые итоги действия налога на дополнительный доход и перспективы его развития // Путеводитель предпринимателя. 2020. № 13 (1). С. 45–54. https://doi.org/10.24182/2073-9885-2020-13-1-45-54.
11. Пинская М. Р., Стешенко Ю. А. Инвестиционные налоговые льготы в России: законодательное регулирование // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16. № 1. С. 172–197. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197.
12. Юмаев М. М. Налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья и налог на добычу полезных ископаемых: проблемы методологии // Финансы. 2021. № 6. С. 30–37. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46280926.
13. Auerbach A. J. Taxation, corporate financial policy, and the cost of capital // Journal of Economic Literature. 1983. Vol. 21 (3). P. 905–940. https://www.jstor.org/stable/2724911.
14. Amaglobeli D. et al. Fiscal Policy for Mitigating the Social Impact of High Energy and Food Prices / IMF Note 2022/001. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
15. Baunsgaard T., Vernon N. Taxing Windfall Profits in the Energy Sector / IMF Note 2022/00X. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
16. Chirinko R. S. Business fixed investment spending: modeling strategies, empirical results, and policy implications // Journal of Economic Literature. 1993. Vol. 31 (4). P. 1875–1911. URL: https://www.jstor.org/stable/2728330.
17. Chirinko R. S., Eisner R. Tax policy and investment in major U.S. macroeconomic econometric models // Journal of Public Economics. 1983. Vol. 20 (2). P. 139–166. https://doi.org/10.1016/0047-2727(83)90008-7.
18. Chakravorty U., Gerking Sh., Leach A. State Tax Policy and Oil Production: The Role of the Severance Tax and Credits for Drilling Expenses / US Energy Tax Policy. Cambridge University Press, 2011. P. 305–337. https://doi.org/10.1017/CBO9780511921865.014.
19. Cummins J. G. et al. A Reconsideration of Investment Behavior Using Tax Reforms as Natural Experiments // Brookings Papers on Economic Activity. 1994. Vol. 2. P. 1–74. https://doi.org/10.2307/2534654.
20. Cummins J. G. et al. Tax reforms and investment: A cross-country comparison // Journal of Public Economics. 1996. Vol. 62. P. 237–273. https://doi.org/10.1016/0047-2727(96)01580-0.
21. Devereux M. P. et al. Taxing Profit in a Global Economy / Oxford University Press, 2020.
22. Eisner R. Tax policy and investment behavior: Comment // American Economic Review. 1969. Vol. 59 (3). P. 379–388. URL: https://www.jstor.org/stable/1808969.
23. Eisner R. Tax policy and investment behavior: Further comment // American Economic Review. 1970. Vol. 60 (4). P. 746–752. URL: https://www.jstor.org/stable/1818420.
24. Eisner R., Nadiri M. I. Investment behavior and neoclassical theory // Review of Economics and Statistics. 1968. Vol. 50 (3). P. 369–382. https://doi.org/10.2307/1937931.
25. Hebous S., Prihardini D., Vernon N. Forthcoming. Excess Profit Tax. Washington, DC: International Monetary Fund, 2024. URL: https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2024/062424.pdf.
26. Hunnes J. A., Grytten O. H. Public policy, resource rent and ethics: The case of the Norwegian petroleum industry // NHH Dept. of Economics Discussion Paper. 2021. No. 12. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3848450.
27. House C. L., Shapiro M. D. Temporary investment tax incentives: Theory with evidence from bonus depreciation // American Economic Review. 2008. Vol. 98 (3). P. 737–768. https://doi.org/10.1257/aer.98.3.737.

28. Jorgenson D. W. Econometric studies of investment behavior: A survey // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9 (4). P. 1111–1147. URL: https://www.jstor.org/stable/2721137.
29. Leighty W., Lin Lawell C.-Y. C. Tax policy can change the production path: A model of optimal oil extraction in Alaska // Energy Policy. 2012. Vol. 41. P. 759–774. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2011.11.043.
30. Liu Y., Mao J. How do tax incentives affect investment and productivity: Firm-level evidence from China // American Economic Journal: Economic Policy. 2019. Vol. 11 (3). P. 261–291. https://doi.org/10.1257/pol.20170478.
31. Mintz J., Chen D. Capturing Economic Rents from Resources Through Royalties and Taxes // SPP Research Paper. 2012. No. 12-30. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2157185.
32. Yagan D. Capital tax reform and the real economy: The effects of the 2003 dividend tax cut // American Economic Review. Vol. 105 (12). P. 3531–3563. https://doi.org/10.1257/aer.20130098.

References

1. Bobylev Yu., Rasenko O. (2017). On the introduction of a tax on additional income in the oil industry. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii — Economic development of Russia*, 24, 10, 65–68 (in Russ.).
2. Bobylyova A.Z. (2015). State strategy for regulating the oil industry of Russia: evolution of the taxation system. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) — Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)*, 4, 3–24 (in Russ.).
3. Borodin V. et al. (2017). Introduction of a tax on additional income: prospects for new regulation. *Neft', gaz i pravo — Oil, gas and law*, 6, 22–30 (in Russ.). https://doi.org/10.7256/2454-065X.2019.4.29577.
4. Glaz'ev S.Yu. (2018). Disproportions of the tax system and ways to overcome them. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii — Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 209, 1, 62–68 (in Russ.).
5. D'yachkov G.S. (2022). Comparative analysis of the effectiveness of tax regimes in oil production. *Uchet. Analiz. Audit — Accounting. Analysis. Auditing*, 9 (3), 39–51 (in Russ.). https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-9-3-39-51.
6. Kotov D.V., Mozhchil' A.F., Hashper B.L. (2014). Problems and ways to improve the system of tax regulation of investment activities of oil companies. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom — Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*, 11, 19–23 (in Russ.). https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-10-74-80.
7. Levshukova O.A., Hrisanfova E.S., Il'inova S.M. (2020). Assessment of the functioning of the additional profit tax from hydrocarbon production (on the example of the Krasnoyarsk Territory). *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya — Natural Sciences and Humanities*, 30 (4), 97–102 (in Russ.).
8. Moiseeva M.A., Vojshvillo I.E., Milogolov N.S. (2012). Taxation of oil and gas production: development trends. *Gosudarstvennyj universitet Minfina Rossii. Finansovyj zhurnal — State University of the Ministry of Finance of Russia. Financial Journal*, 1 (11), 87–100 (in Russ.).
9. Panskov V.G. (2018). Taxation of natural resources: problems and solutions. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika — ETAPE: economic theory, analysis, practice*, 2, 91–104 (in Russ.). https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10018.
10. Ponomaryova N.V., Lukovkin A.L. (2020). Tax maneuver in the oil and gas industry: the first results of the tax on additional income and the prospects for its development. *Putevoditel' predprinimatelya — Entrepreneur's Guide*, 13 (1), 45–54 (in Russ.). https://doi.org/10.24182/2073-9885-2020-13-1-45-54.
11. Pinskaya M.R., Steshenko Yu.A. (2024). Investment tax incentives in Russia: Legislative regulation. *Ars Administrandi*, 16, 1, 172–197. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-172-197.
12. Yumaev M.M. (2021). Tax on additional income from the extraction of hydrocarbon raw materials and tax on the extraction of minerals: problems of methodology. *Finansy — Finance*, 6, 30–37 (in Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46280926.
13. Auerbach A.J. (1983). Taxation, corporate financial policy, and the cost of capital. *Journal of Economic Literature*, 21 (3), 905–940. https://www.jstor.org/stable/2724911.
14. Amaglobeli D. et al. (2022). Fiscal Policy for Mitigating the Social Impact of High Energy and Food Prices // IMF Note 2022/001, International Monetary Fund, Washington, DC.
15. Baunsgaard Th., Vernon N. (2022). Taxing Windfall Profits in the Energy Sector // IMF Note 2022/00X, International Monetary Fund, Washington, DC.
16. Chirinko R.S. (1993). Business fixed investment spending: modeling strategies, empirical results, and policy implications. *Journal of Economic Literature*, 31 (4), 1875–1911. https://www.jstor.org/stable/2728330.
17. Chirinko R.S., Eisner R. (1983). Tax policy and investment in major U.S. macroeconomic econometric models. *Journal of Public Economics*, 20 (2), 139–166. https://doi.org/10.1016/0047-2727(83)90008-7.
18. Chakravorty U., Gerking Sh. and Leach A. State Tax Policy and Oil Production: The Role of the Severance Tax and Credits for Drilling Expenses. US Energy Tax Policy. 2011. pp. 305–337. https://doi.org/10.1017/CBO9780511921865.014.

19. Cummins J.G., Hassett K.A., Hubbard R.G. (1994). A reconsideration of investment behavior using tax reforms as natural experiments. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 1–74. https://doi.org/10.2307/2534654.
20. Cummins J.G., Hassett K.A., Hubbard R.G. (1996). Tax reforms and investment: A cross-country comparison. *Journal of Public Economics*, 62, 237–273. https://doi.org/10.1016/0047-2727(96)01580-0.
21. Devereux M.P., Auerbach A.J., Keen M. et al. (2020). Taxing Profit in a Global Economy. *Oxford University Press*.
22. Eisner R. (1969). Tax policy and investment behavior: Comment. *American Economic Review*, 59 (3), 379–388. https://www.jstor.org/stable/1808969.
23. Eisner R. (1970). Tax policy and investment behavior: Further comment. *American Economic Review*, 60 (4), 746–752. https://www.jstor.org/stable/1818420.
24. Eisner R., Nadiri M.I. (1968). Investment behavior and neoclassical theory. *Review of Economics and Statistics*, 50 (3), 369–382. https://doi.org/10.2307/1937931.
25. Hebous S., Prihardini D., Vernon N. Forthcoming. Excess Profit Tax // International Monetary Fund, Washington. DC. Available at: https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2024/062424.pdf.
26. Hunnes J.A., Grytten O.H. (2021). Public policy, resource rent and ethics: The case of the Norwegian petroleum industry. *NHH Dept. of Economics Discussion Paper*, 12. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3848450.
27. House C.L., Shapiro M.D. (2008). Temporary investment tax incentives: Theory with evidence from bonus depreciation. *American Economic Review*, 98 (3), 737–768. https://doi.org/10.1257/aer.98.3.737.
28. Jorgenson D.W. (1971). Econometric studies of investment behavior: A survey. *Journal of Economic Literature*, 9 (4), 1111–1147. Available at: https://www.jstor.org/stable/2721137.
29. Leighty W., Lin Lawell C.-Y.C. (2012). Tax policy can change the production path: A model of optimal oil extraction in Alaska. *Energy Policy*, 41. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2011.11.043.
30. Liu Y., Mao J. (2019). How do tax incentives affect investment and productivity: Firm-level evidence from China. *American Economic Journal: Economic Policy*, 11 (3), 261–291. https://doi.org/10.1257/pol.20170478.
31. Mintz J., Chen D. (2012). Capturing Economic Rents from Resources Through Royalties and Taxes. *SPP Research Paper*, 12–30. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2157185.
32. Yagan D. Capital tax reform and the real economy: The effects of the 2003 dividend tax cut. *American Economic Review*, 105 (12), 3531–3563. https://doi.org/10.1257/aer.20130098.

Информация об авторах

***Миляуша Рашитовна Пинская**, доктор экономических наук, доцент, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, г. Москва; профессор кафедры налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*
***Юлия Александровна Стешенко**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, г. Москва*

Information about the authors

***Milyausha R. Pinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Docent, Head of the Tax Policy Center, Financial Research Institute, Moscow; Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*
***Yuliya A. Steshenko**, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher of the Tax Policy Center, Financial Research Institute, Moscow*

Статья поступила в редакцию 14.04.2025
Одобрена после рецензирования 21.05.2025
Принята к публикации 05.06.2025

The article submitted April 14, 2025
Approved after reviewing May 21, 2025
Accepted for publication June 5, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-25-38

CC BY

Совершенствование оценки налогового потенциала регионов по отдельным видам налогов

Игорь Юрьевич Арлашкин
E-mail: arlashkin@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-4303-713X
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Субфедеральные власти обладают полномочиями по установлению ставок, предоставлению льгот или определению базы налогообложения по транспортному налогу, налогу на игорный бизнес, местным налогам и налогам на совокупный доход, что делает эти налоги важным инструментом субфедеральной политики бюджетных доходов. Вместе с госпошлиной они составляют около 10% субфедеральных налоговых доходов и при оценке налогового потенциала в расчетах дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов учитываются в целом как прочие виды налогов. Ввиду усиления роли прочих видов налогов актуализируется задача корректной оценки их налогового потенциала.
В статье на выборке из 85 регионов за 2019–2023 гг. исследуется взаимосвязь между долей региона в фактических доходах по прочим видам налогов, долей региона в численности рабочей силы и долями региона в фактических доходах от НДФЛ, налога на прибыль, НДПИ, на имущество и акцизов. Модель панельной регрессии учитывает наличие индивидуальных фиксированных эффектов, что позволяет при оценке налогового потенциала субъекта РФ учесть влияние специфических региональных факторов, в том числе уровня межрегиональной налоговой конкуренции, проявляющегося в установлении пониженных ставок и предоставлении дополнительных льгот.
Результаты оценки показывают, что налоговый потенциал региона по прочим видам налогов пропорционален его доле в общей численности рабочей силы и доле в налоговом потенциале по НДФЛ. Эти результаты позволяют уточнить формулу оценки налогового потенциала по прочим видам налогов. Поскольку в настоящее время в Российской Федерации меняются налоговые условия, в том числе по налогу на прибыль и налогу, взимаемому в связи с применением УСН, полученные оценки могут быть впоследствии уточнены на новых данных.

Ключевые слова: *налоговый потенциал, доходный потенциал, фискальное выравнивание, дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности, региональный бюджет*

JEL: *H73, H77*

Финансирование: *данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.*

Для цитирования: *Арлашкин И. Ю. Совершенствование оценки налогового потенциала регионов по отдельным видам налогов // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 25–38. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-25-38.*

© Арлашкин И. Ю., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-25-38

Improving the Assessment of Regional Tax Capacity by Selected Types of Taxes

Igor Yu. Arlashkin

RANEPA, Moscow, Russian Federation
arlashkin@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-4303-713X

Abstract
Sub-federal authorities have the power to administer transportation tax, gambling tax, local taxes and taxes on total income, including setting rates, providing benefits or determining the tax base, which makes these taxes an important instrument of sub-national revenue policy. Together with the state duty, they make up about 10% of sub-federal tax revenues and are generally referred to as other types of taxes when assessing tax capacity in calculating fiscal equalization grants to regions. Given the increasing role of other types of taxes, the task of correct assessment of tax potential for them is becoming more and more urgent.
The article examines the relationship between a region's share in actual revenues from other types of taxes, a region's share in the total labor force and a region's shares in actual revenues from individual taxes using a sample of 85 regions for 2019–2023. The panel regression model employs individual fixed effects, which allows us to account for the impact of region-specific factors, including the level of regional tax competition, such as reduced tax rates and additional tax benefits.
The assessment results show that the tax capacity for other types of taxes is proportional to the region's share in the total labor force and the region's share in the tax potential for personal income tax. These results allow us to refine the formula for assessing tax capacity for other types of taxes. Since the Russian tax system is currently undergoing significant changes, including those related to profit tax and tax levied in connection with the application of the simplified tax system, the obtained estimates can be subsequently refined using new data.

Keywords: *tax capacity, fiscal capacity, equalization grants, fiscal equalization, regional budgets*

JEL: *H73, H77*

Funding: *the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.*

For citation: *Arlashkin I.Yu. (2025). Improving the Assessment of Regional Tax Capacity by Selected Types of Taxes. Financial Journal, 17 (3), 25–38 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-25-38.*

© Arlashkin I.Yu., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно выделяются три основных метода оценки налогового потенциала: на основе репрезентативной налоговой системы (далее — РНС), исторических данных и макроэкономических показателей [Ter-Minassian (ed.), 1997; Boadway, Shah (eds.), 2007; Арлашкин, 2020]. Все они используются в тех или иных странах [Dougherty, Forman, 2021], в том числе и в сочетании. Например, во Франции одновременно применяются методы РНС и макроэкономических показателей [Jaaidane, Larribeau, 2023]. Кроме того, в литературе рассматривается вопрос использования эконометрического моделирования в рамках РНС [Di Liddo et al., 2016; Shanmugam K., Shanmugam K. R., 2022].

В России основным способом оценки налогового потенциала регионов является метод РНС. Он применяется для пяти категорий налоговых доходов из шести (налог на прибыль, НДФЛ, налог на имущество организаций, акцизы и НДПИ), совокупно составляющих порядка 90% налоговых доходов консолидированных бюджетов регионов (далее — КБР).

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 22.11.2004 № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (далее — Постановление № 670) налоговый потенциал по прочим видам налогов оценивается по следующей формуле:

$$\text{НП}_i^{\text{проч}} = \left(0{,}3 \times \frac{\text{НА}_i}{\sum \text{НА}_i} + 0{,}7 \times \frac{\text{НП}_i^{\text{НП}} + \text{НП}_i^{\text{НДФЛ}} + \text{НП}_i^{\text{НИО}}}{\sum(\text{НП}_i^{\text{НП}} + \text{НП}_i^{\text{НДФЛ}} + \text{НП}_i^{\text{НИО}})}\right) \times \text{ПН}^{\text{проч}}, \quad (1)$$

где *i* — индекс субъекта РФ;

$\text{НП}_i^{\text{проч}}$ — налоговый потенциал по прочим видам налогов;

НА_i — среднегодовая численность экономически активного населения за отчетный год (численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше);

$\text{НП}_i^{\text{НП}}$, $\text{НП}_i^{\text{НДФЛ}}$, $\text{НП}_i^{\text{НИО}}$ — налоговый потенциал соответственно по налогу на прибыль организаций, НДФЛ и налогу на имущество организаций;

$\text{ПН}^{\text{проч}}$ — прогноз поступлений в КБР прочих видов налогов (рассчитывается как разница между прогнозом поступлений совокупных налоговых доходов и прогнозами поступлений пяти основных налогов).

Прочие виды налогов включают госпошлину, транспортный налог, налог на игорный бизнес, налоги на совокупный доход и местные налоги (земельный и налог на имущество физических лиц), однако в среднем они составляют около 10% налоговых доходов КБР (табл. 1). Медианное значение доли прочих видов налогов незначительно превышает среднее, а разница между минимальной и максимальной долей объясняется не только различиями в стоимости земли и прочего имущества и в уровне развития малого и среднего предпринимательства, но и дифференциацией налоговых ставок и преференций. Существенность межрегиональных различий в ставках и льготах подтверждается в исследованиях на примере отдельных регионов или федеральных округов, в частности, по транспортному налогу [Забродин, Алгазинов, 2019; Иванова, 2019; Гринкевич, Сохарева, 2021], налогу, взимаемому в связи с применением УСН [Гринкевич, Сохарева, 2021; Алтунина, Анучина, 2023; Семенова и др., 2024], земельному налогу [Бадалова, Синенко, 2019].

Таблица 1

Доля прочих видов налогов в налоговых доходах КБР, %, в 85 субъектах РФ (без учета воссоединенных регионов)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
В среднем	10,7	10,8	10,6	10,8	9,8
Минимум	1,7	1,3	1,6	1,5	1,4
Медиана	11,8	12,1	11,3	11,8	10,9
Максимум	21,2	20,4	23,1	21,6	23,0

Источник: рассчитано автором на основании данных Единого портала бюджетной системы Российской Федерации. URL: https://budget.gov.ru/.

Можно выделить две причины того, почему налоговый потенциал по прочим видам налогов оценивается не методом РНС.

1. Меньшая сложность расчетов. Использование метода РНС потребовало бы сбора и сверки значительного объема сведений о величине налоговой базы и используемых налоговых льготах, а также прогнозирования общероссийского объема поступлений каждого из отдельных прочих видов налогов, что на практике представляется нецелесообразным.

2. Сохранение стимулов для наращивания налогового потенциала. В отношении всех прочих видов налогов, кроме госпошлины, региональные и местные власти обладают налоговыми полномочиями, в том числе по установлению налоговых ставок и налоговых льгот, которыми могут пользоваться в целях развития налоговой базы. В [Дерюгин, 2019] указывается на то, что использование баз налогообложения в рамках метода РНС могло бы снизить стимулы для регионов к развитию доходного потенциала по прочим видам налогов, поэтому использование косвенного метода оценки предпочтительнее.

Таким образом, прочие виды налогов составляют не очень значимую долю налоговых доходов КБР, и для оценки налогового потенциала по ним может применяться косвенный метод, который фактически представляет собой распределение между регионами 30% прогнозируемого объема поступлений пропорционально доле региона в численности рабочей силы и 70% — пропорционально доле региона в налоговом потенциале по трем основным налогам (налог на прибыль, НДФЛ и налог на имущество физических лиц).

В немногих работах по данной тематике предлагаются альтернативные показатели оценки. Так, в исследовании [Ерошкина, 2015] рекомендовалось учитывать только долю региона в налоговом потенциале по НДФЛ, исключив другие основные налоги из оценки, в [Дерюгин, 2019] — также учитывать только НДФЛ, а численность рабочей силы корректировать на среднегодовую стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, в [Ноговицын, Софронова, 2020] — дополнительно учитывать численность малых предприятий. При этом в 2015 г. в формуле оценки налогового потенциала не использовалась численность рабочей силы, а в 2019 и 2020 гг. обе компоненты учитывались с одинаковыми весами, а не с весами 30 и 70%, как в формуле (1).

В настоящей статье предлагается дополнить имеющиеся исследования регрессионным анализом с использованием трех из пяти показателей формулы (1) для оценки целесообразности их применения и точности значений весовых коэффициентов при них.

МЕТОДОЛОГИЯ И ДАННЫЕ

Основной вопрос исследования можно сформулировать следующим образом: действительно ли доля региона в доходах КБР от прочих видов налогов определяется долей региона в численности рабочей силы и долей региона в доходах КБР от налога на прибыль, НДФЛ и налогу на имущество организаций? Для ответа на данный вопрос можно оценить соответствующую зависимость с помощью панельной регрессии, при этом вместо данных о налоговом потенциале использовать данные о фактических налоговых доходах КБР.

Оценка производится по 85 регионам — из выборки в связи с неполнотой данных исключены воссоединенные регионы, а также федеральная территория «Сириус». Период оценки составляет пять лет: с 2019 по 2023 г. Используемые переменные указаны в табл. 2. Источником данных о значениях переменной *Labour* является сайт Минфина России[1], о значениях прочих переменных — расчеты автора на основании данных Единого портала бюджетной системы Российской Федерации[2].

---

[1] *URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/.*

[2] *URL: https://budget.gov.ru/.*

Таблица 2

Зависимая переменная и переменные интереса

Переменная	Способ расчета
Зависимая переменная	
OtherTaxes[1]	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от прочих видов налогов в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от прочих видов налогов
Переменные интереса	
Labour[2]	доля среднегодовой численности экономически активного населения региона в общей среднегодовой численности экономически активного населения всех регионов
Taxes	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от налога на прибыль, НДФЛ и налогу на имущество организаций в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от налога на прибыль, НДФЛ и налога на имущество организаций
Profit	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от налога на прибыль в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов по налогу на прибыль
Income	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от НДФЛ в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от НДФЛ
Property	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от налога на имущество организаций в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от налога на имущество организаций
Excises[3]	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от акцизов в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от акцизов
Extraction	доля фактических налоговых доходов консолидированного бюджета региона от НДПИ в общем объеме фактических налоговых доходов консолидированных бюджетов всех регионов от НДПИ

Примечания:

[1] *В составе прочих видов налогов также учитываются поступления отмененного в 2021 г. ЕНВД, поскольку его плательщики в случае, если бы ЕНВД не был введен, вероятнее всего, пользовались бы альтернативными специальными налоговыми режимами.*

[2] *Данный показатель берется с лагом в два года по сравнению с показателями фактических налоговых доходов, поскольку Минфин России при оценке налогового потенциала на очередной год использует соответствующие данные за отчетный год (то есть с лагом в два года).*

[3] *В настоящее время акцизы на нефтепродукты зачисляются в КБР по двум видам нормативов: 77,7% по нормативам, установленным в целях формирования дорожных фондов субъектов РФ, и 22,3% по нормативам, установленным в целях реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги». При оценке налогового потенциала не учитываются поступления по нормативам второго типа. Поскольку в 2019 г. применялись нормативы только первого типа, а в 2020 г. по ним распределялось не 77,7, а 87,4%, то в целях сопоставимости данных объемы поступлений акцизов на нефтепродукты в 2019–2020 гг. были пропорционально уменьшены (за исключением г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, для которых нормативы второго типа не предусмотрены).*

Источник: составлено автором.

Переменная *Income* и частично переменная *Taxes* рассчитываются на основании фактических данных о поступлениях НДФЛ. В формуле (1) используется налоговый потенциал по НДФЛ, при определении которого в соответствии с Постановлением № 670 применяется следующая корректировка: «В случае если темпы роста суммы НДФЛ, исчисленной к уплате в бюджет, по субъектам РФ, являющимся получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в текущем финансовом году, превышают соответствующие показатели, сложившиеся в среднем по РФ, то сумма НДФЛ, исчисленная к уплате в бюджет, по таким субъектам РФ (за исключением субъектов РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых в текущем финансовом году превышает 100 процентов) принимается на уровне среднероссийских показателей».

Такая корректировка искусственно занижает налоговый потенциал регионов с опережающими темпами роста НДФЛ и завышает налоговый потенциал по НДФЛ для остальных

регионов [Дерюгин, 2019]. Методика выравнивания содержит достаточное число инструментов, сохраняющих стимулы к развитию налоговой базы регионов [Дерюгин, 2016]. В частности, даже резкий прирост налогового потенциала по НДФЛ не приведет к значительному сокращению размера дотации, учитывая те ограничения, которые применяются или могут применяться к снижению размеров дотаций. Вместо ограничения на темпы роста НДФЛ также можно установить ограничение на снижение размера выравнивающей дотации, что позволит не искажать оценку налогового потенциала по НДФЛ и сохранить стимулы регионов к развитию налоговой базы [Дерюгин, 2019]. Кроме того, следует заметить, что ранее подобное ограничение действовало и для налога на прибыль, однако было отменено начиная с 2024 г.

Таким образом, при проведении дальнейших расчетов предлагается не учитывать наличие ограничения на темпы роста НДФЛ и использовать данные о фактических поступлениях НДФЛ без дополнительных корректировок.

В качестве базовых рассматриваются две регрессионные модели.

Модель 1 воспроизводит действующий порядок оценки налогового потенциала по прочим видам налогов:

$$OtherTaxes_{it} = \beta_1 \times Labour_{it} + \beta_2 \times Taxes_{it} + a_i + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где i — индекс региона;
t — индекс года;
β_1, β_2 — оцениваемые коэффициенты при переменных интереса;
a_i — индивидуальный эффект;
ε_{it} — случайная ошибка.

В случае, если коэффициенты β_1 и β_2 окажутся статистически значимыми, можно сделать вывод, что формула (1) достаточно точно оценивает налоговый потенциал по прочим видам налогов. При этом значения данных коэффициентов позволят понять, насколько обоснованно установлены веса при соответствующих показателях в формуле (1).

Модель 2 вместо агрегированного показателя по трем налогам использует отдельные показатели по всем пяти основным налогам, учитываемым при оценке налогового потенциала:

$$OtherTaxes_{it} = \beta_1 \times Labour_{it} + \beta_2 \times Profit_{it} + \beta_3 \times Income_{it} +$$
$$+ \beta_4 \times Property_{it} + \beta_5 \times Excises_{it} + \beta_6 \times Extraction_{it} + a_i + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где β_1, β_2, β_3, β_4, β_5, β_6 — оцениваемые коэффициенты при переменных интереса.

Такая спецификация позволяет оценить влияние каждого налога, а не агрегированного показателя. Следует отметить, что использование агрегированных показателей представляется целесообразным в том случае, если налоги в региональном разрезе взаимозаменяемы, однако налоги на прибыль, на доходы физических лиц и на имущество организаций таковыми не являются.

F-тесты для моделей 1 и 2 на 0,1%-ном уровне значимости подтверждают наличие значимых индивидуальных эффектов. Наличие временных эффектов не подтверждается, вероятно, в силу ограниченности исследуемых временных рядов. Поэтому в обе модели включена переменная a_i.

Содержательно это объясняется тем, что по налогам на совокупный доход, транспортному налогу, налогу на игорный бизнес и местным налогам региональные и (или) местные власти обладают полномочиями по определению налоговой базы и (или) установлению налоговых ставок и льгот. Это означает, что фактический объем доходов от прочих

видов налогов существенно зависит от решений региональных и местных властей. Однако налоговый потенциал должен оцениваться в единых для всех регионов условиях налогообложения [Ter-Minassian (ed.), 1997; Boadway, Shah (eds.), 2007], поэтому при оценке регрессии следует учитывать индивидуальные эффекты, которые отражают дифференциацию регионов по определению элементов налогообложения в отношении прочих видов налогов.

При этом предполагается, что переменные интереса могут быть коррелированы с индивидуальными эффектами (неучтенные факторы, характерные для конкретного региона, влияют на поступления не только прочих видов налогов, но и основных налогов, в частности НДФЛ), поэтому используется модель с фиксированными, а не случайными эффектами (это также подтверждается на 0,1%-ном уровне значимости результатами теста Хаусмана на обеих моделях).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В модели 1 значима переменная *Labour* (табл. 3), что представляется логичным: чем больше доля рабочей силы, тем выше региональная экономическая активность, а значит, более развиты рынок услуг и малое и среднее предпринимательство, что влияет на поступления налогов на совокупный доход. Незначимой оказывается переменная *Taxes*, из чего можно сделать вывод о том, что действующий порядок оценки налогового потенциала по прочим видам налогов при поправке на наличие фиксированных индивидуальных эффектов не отражает фактическую картину, в частности, использование второго коэффициента неоправданно.

Таблица 3

Результаты оценки модели 1

Переменная интереса	Модель 1
Labour	3,491* (1,835)
Taxes	−0,052 (0,122)
Число набл.	425
R^2	0,482
Скорр. R^2	0,350
F-статистика	157,3***

*Примечание: * — коэффициент значим на уровне 10%, *** — на уровне 1%. В скобках указаны стандартные робастные ошибки, кластеризованные на уровне региона.*
Источник: составлено автором.

Предсказательная сила модели 2 оказывается выше, чем модели 1, если ориентироваться на значения F-статистики и скорректированного R-квадрата (табл. 4). Кроме того, в ней при оценке фиксированных эффектов выше значимость переменной *Labour*. Также в этой модели значимыми оказываются переменные, отвечающие за долю региона в общем объеме налоговых доходов от отдельных налогов, а именно от НДФЛ (переменная *Income*) и НДПИ (переменная *Extraction*).

Положительное значение коэффициента при переменной *Income* может объясняться тем, что стоимость имущества (земли и имущества физических лиц) и развитость рынка услуг, как правило, коррелируют с доходами физических лиц, то есть в более обеспеченных регионах с высоким уровнем поступлений НДФЛ выше и поступления имущественных налогов и налогов на совокупный доход.

Отрицательное значение коэффициента при переменной *Extraction* может объясняться тем, что в регионах с большими поступлениями НДПИ, как правило, меньше развиты

рынок услуг и сельское хозяйство, что снижает поступления налогов на совокупный доход. Кроме того, в таких регионах может быть слишком высокая стоимость имущества и земель, из-за чего поступления имущественных налогов будут выше, чем среднероссийские, при этом поступления налогов на доходы (в т. ч. на совокупный доход) могут соответствовать среднероссийскому уровню или быть ниже.

Незначимыми являются коэффициенты при переменных *Profit* и *Property*, отвечающих соответственно за налог на прибыль и налог на имущество организаций, что дополнительно свидетельствует о нецелесообразности использования в формуле (1) агрегированного показателя по трем налогам.

Таблица 4

Результаты оценки модели 2

Переменная интереса	Модель 2
Labour	2,265** (1,009)
Profit	−0,028 (0,061)
Income	0,425*** (0,099)
Excises	0,086 (0,074)
Property	−0,013 (0,050)
Extraction	−0,014*** (0,004)
Число набл.	425
R^2	0,655
Скорр. R^2	0,561
F-статистика	105,5***

*Примечание: ** — коэффициент значим на уровне 5%, *** — на уровне 1%. В скобках указаны стандартные робастные ошибки, кластеризованные на уровне региона.*
Источник: составлено автором.

Таким образом, результаты оценки моделей 1 и 2 дают основания для корректировки формулы (1). В модели 3 в качестве независимых переменных учитываются только значимые регрессоры из модели 2:

$$OtherTaxes_{it} = \beta_1 \times Labour_{it} + \beta_2 \times Income_{it} + \beta_3 \times Extraction_{it} + a_i + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где β_1, β_2, β_3 — оцениваемые коэффициенты при переменных интереса.

В то же время значение коэффициента при переменной *Extraction* по результатам оценки модели 2 крайне мало (табл. 4) и, скорее всего, оказывает несущественное влияние на итоговую оценку, то есть при оценке налогового потенциала данной переменной можно пренебречь. Учитывая это, следует оценить модель 4:

$$OtherTaxes_{it} = \beta_1 \times Labour_{it} + \beta_2 \times Income_{it} + a_i + \varepsilon_{it}, \quad (5)$$

где β_1, β_2 — оцениваемые коэффициенты при переменных интереса.

Результаты оценки моделей 3 и 4 различаются несущественно (табл. 5): коэффициент при переменной *Labour* сохраняет свое значение, а коэффициент при переменной *Income* меняется в третьем знаке после запятой.

Таблица 5

Результаты оценки моделей 3 и 4

Переменная интереса	Модель 3	Модель 4
Labour	2,233** (0,937)	2,233** (0,940)
Income	0,444*** (0,071)	0,442*** (0,071)
Extraction	−0,014*** (0,005)	
Число набл.	425	425
R^2	0,641	0,637
Скорр. R^2	0,549	0,545
F-статистика	200,8***	297,1***

*Примечание: ** — коэффициент значим на уровне 5%, *** — на уровне 1%. В скобках указаны стандартные робастные ошибки, кластеризованные на уровне региона.*
Источник: составлено автором.

Значения коэффициентов при переменных могут быть преобразованы в веса (их сумма должна равняться 1). Тогда формула оценки налогового потенциала с учетом результатов оценки модели 3 может быть представлена в следующем виде:

$$\text{НП}_i^{\text{проч}} = \left(0{,}839 \times \frac{\text{НА}_i}{\sum \text{НА}_i} + 0{,}167 \times \frac{\text{НП}_i^{\text{НДФЛ}}}{\sum \text{НП}_i^{\text{НДФЛ}}} - 0{,}005 \times \frac{\text{НП}_i^{\text{НДПИ}}}{\sum \text{НП}_i^{\text{НДПИ}}}\right) \times \text{ПН}^{\text{проч}}, \quad (6)$$

где $\text{НП}_i^{\text{НДПИ}}$ — налоговый потенциал по налогу на добычу полезных ископаемых.

Формула оценки налогового потенциала с учетом результатов оценки модели 4 может быть представлена в следующем виде:

$$\text{НП}_i^{\text{проч}} = \left(0{,}835 \times \frac{\text{НА}_i}{\sum \text{НА}_i} + 0{,}165 \times \frac{\text{НП}_i^{\text{НДФЛ}}}{\sum \text{НП}_i^{\text{НДФЛ}}}\right) \times \text{ПН}^{\text{проч}}. \quad (7)$$

Представляется, что формула (7) будет более востребована на практике, чем формула (6), поскольку учет налогового потенциала по НДПИ оказал бы незначимое влияние на результаты оценки налогового потенциала по прочим видам налогов. Поэтому для оценки предлагается использовать формулу (7).

Для оценки влияния реализации предложений на результаты расчета индекса налогового потенциала (ИНП) была построена модель, воспроизводящая расчет налогового потенциала и ИНП на 2024–2026 гг. в следующих вариантах:

— базовый вариант: воспроизводится расчет по действующей методике (значения ИНП получены путем соотнесения среднедушевых налоговых потенциалов регионов к среднероссийскому значению — они несколько ниже официально опубликованных значений ИНП);

— новый вариант: налоговый потенциал по прочим видам налогов рассчитывается по формуле (7), при этом используется налоговый потенциал по НДФЛ, рассчитанный без учета ограничений на темпы роста НДФЛ.

Поскольку налоговый потенциал федеральной территории «Сириус» и воссоединенных регионов оценивается не по общей методике, а как прогноз налоговых доходов на соответствующий год, федеральная территория и воссоединенные регионы в моделировании не учитывались (их ИНП не меняются).

Результаты оценки ИНП приведены в таблице Приложения. У 55 регионов в 2024 и 2025 гг., а также у 72 регионов в 2026 г. ИНП меняется на уровне первого или второго

знака после запятой, то есть более чем на 0,01, что должно повлиять на результаты распределения дотаций на выравнивание[3]. Наиболее существенный рост ИНП происходит в Ненецком автономном округе (от +0,469 до +0,500). Наиболее существенное сокращение ИНП характерно в 2026 г. для Ямало-Ненецкого автономного округа (−0,206) и Сахалинской области (−0,127), а также во все три года рассматриваемого периода для Республики Саха (Якутия) (от −0,144 до −0,154) и Магаданской области (от −0,105 до −0,140).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующий порядок оценки налогового потенциала по прочим видам налогов основан на распределении между регионами прогноза поступлений соответствующих налогов пропорционально двум показателям, учитываемым с разными весами. Результаты оценок, проведенных на данных 2019–2023 гг., показывают, что из расчета второго показателя следует исключить налог на прибыль и налог на имущество организаций, а используемые весовые коэффициенты скорректировать. Новый порядок будет соответствовать вышеприведенной формуле (7): налоговый потенциал по прочим видам налогов будет представлять собой распределение между регионами прогнозируемого объема поступлений на 83,5% пропорционально доле региона в численности рабочей силы и на 16,5% пропорционально доле региона в налоговом потенциале по НДФЛ.

Новая формула в большей степени соответствует принципам оценки налогового потенциала, поскольку оценка входящих в нее показателей и весовых коэффициентов при них была очищена от влияния межрегиональной налоговой конкуренции, в частности выражающегося в дифференциации налоговых ставок и льгот по налогам на совокупный доход, налогу на игорный бизнес, транспортному и местным налогам.

В настоящее время в налоговой системе Российской Федерации происходят значительные изменения. Наиболее важным является повышение федеральной ставки по налогу на прибыль, которое косвенно может повлиять и на поступления региональной части этого налога, и на поступления налогов на совокупный доход, поскольку организации, возможно, будут использовать схемы дробления бизнеса и переходить на режим УСН (условия обложения по которому также изменились). Кроме того, по налогу, взимаемому в связи с применением УСН, регионы могут активно конкурировать друг с другом через установление налоговых ставок и предоставление налоговых льгот, что приведет к перераспределению поступлений этого налога между регионами. По этой причине проведенное исследование может быть повторено в будущем с использованием новых данных, что позволит уточнить показатели и весовые коэффициенты формулы (7) с учетом изменений в межрегиональной дифференциации по налоговым доходам.

---

[3] *Не все данные, необходимые для распределения дотаций на выравнивание, имеются в открытом доступе, поэтому оценить влияние изменения ИНП на размеры дотаций не представляется возможным.*

Список источников

1. Алтунина В. В., Анучина Д. А. Налоговые льготы для малого и среднего предпринимательства в субъектах Северо-Западного округа как отражение политики пространственного развития // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 4. С. 94–108. https://doi.org/10.5281/zenodo.10336805.
2. Арлашкин И. Ю. Сравнительная оценка подходов к расчету налогового потенциала регионов // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 58–67. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-1-58-67.
3. Бадалова А. З., Синенко О. А. Доходы местных бюджетов административных центров Дальневосточного федерального округа: земельный налог // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. URL: https://esj.today/PDF/56ECVN119.pdf.
4. Гринкевич А. М., Сохарева А. В. Влияние налоговых льгот на налоговый потенциал региона // Управленческий учет. 2021. № 12-2. С. 355–366. https://doi.org/10.25806/uu12-22021355-366.
5. Дерюгин А. Н. Выравнивание регионов: сохраняются ли стимулы к развитию? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 170–191. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-6-08.
6. Дерюгин А. Н. Особенности и проблемы оценки доходного потенциала регионов при распределении выравнивающих дотаций // Финансы. 2019. № 8. С. 10–18.
7. Ерошкина Л. А. Альтернативные подходы к измерению налогового (фискального) потенциала регионов // Казанский экономический вестник. 2015. № 6 (20). С. 22–28.
8. Забродин И. П., Алгазинов А. И. Методические подходы к сравнительному анализу уровня налоговой конкурентоспособности региона // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 10. С. 1916–1931. https://doi.org/10.24891/ea.18.10.1916.
9. Иванова Е. В., Симонова Н. Ю., Ураева А. И. Оценка налогового потенциала транспортного налога как доходного источника регионального бюджета // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2019. № 3 (31). С. 54–61.
10. Ноговицын Р. Р., Софронова Т. С. Совершенствование расчета налогового потенциала регионов Российской Федерации при выравнивании бюджетной обеспеченности // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2020. № 3 (19). С. 19–29. https://doi.org/10.25587/SVFU.2021.19.3.002.
11. Семенова Е. В., Никифорова Е. А., Петрова О. Г. Несовершенство налоговых инструментов развития субъектов Российской Федерации / Комплексное развитие территорий в условиях цифровой трансформации. Материалы международной научно-практической конференции. Молодежный: Изд-во Иркутский ГАУ, 2024. С. 229–237.
12. Boadway R., Shah A. (eds). Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice. Public Sector Governance and Accountability Series. Washington, DC: World Bank, 2007.
13. Di Liddo G., Longobardi E., Porcelli F. Measuring horizontal fiscal imbalance: the case of Italian municipalities // Local Government Studies. 2016. Vol. 42. Iss. 3. P. 385–419. https://doi.org/10.1080/03003930.2016.1150836.
14. Dougherty S., Forman K. Evaluating fiscal equalisation: Finding the right balance // OECD Working Papers on Fiscal Federalism. 2021. No. 36. https://doi.org/10.1787/253da2b8-en.
15. Jaaidane T., Larribeau S. Partisanship and the effectiveness of Fiscal Equalization: Evidence from French Municipalities // Centre de Recherche en Economie et Management Working Papers. 2023. No. WP 2023-01. URL: https://ged.univ-rennes1.fr/nuxeo/site/esupversions/944ca6fb-6383-4146-9eef-6266a3161609.
16. Shanmugam K., Shanmugam K. R. Designing Transfers Policy with Normatively Determined Revenues and Expenditures of State Governments in India // Indian Public Policy Review. 2022. Vol. 3. Iss. 3. https://doi.org/10.55763/ippr.2022.03.03.002.
17. Ter-Minassian T. (ed.). Fiscal Federalism in Theory and Practice. Washington, DC: International Monetary Fund, 1997.

References

1. Altunina V.V., Anuchina D.A. (2023). Tax Benefits for Small and Medium-Sized Businesses in the Subjects of the Northwestern District as a Reflection of the Spatial Development Policy. *Servis v Rossii i za rubezhom — Services in Russia and Abroad*, 17 (4), 94–108 (in Russ.). https://doi.org/10.5281/zenodo.10336805.
2. Arlashkin I.Yu. (2020). Comparative Assessment of Regional Fiscal Capacity Calculation Approaches. *Financial Journal*, 12 (1), 58–67 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/20751990-2020-1-58-67.
3. Badalova A.Z., Sinenko O.A. (2019). Revenues of Local Budgets of the Administrative Centers of the Far Eastern Federal District: Land Tax. *Vestnik Evrazijskoj nauki — The Eurasian Scientific Journal*, 1 (11) (in Russ.). URL: https://esj.today/PDF/56ECVN119.pdf.
4. Grinkevich A.M., Sohareva A.V. (2021). Impact of Tax Incentives on Regional Tax Potential. *Upravlencheskiy uchet — Management Accounting*, 12-2, 355–366 (in Russ.). https://doi.org/10.25806/uu12-22021355-366.
5. Deryugin A.N. (2016). Regional Equalization: Are there Incentives to Development? *Ekonomicheskaya Politika — Economic Policy*, 11 (6), 170–191 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-6-08.
6. Deryugin A.N. (2019). Features and Problems of Assessing the Regional Tax Capacity in Distributing Equalization Grants. *Finansy — Finances*, 8, 10–18 (in Russ.).
7. Eroshkina L.A. (2015). Alternative Approaches to Measurement of Tax (Fiscal) Capacity of Regions. *Kazanskij ekonomicheskij vestnik — The Kazan Economic Bulletin*, 6 (20), 22–28 (in Russ.).
8. Zabrodin I.P., Algazinov A.I. (2019). Methodological Approaches to the Comparative Analysis of Tax Competitiveness of Regions. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika — Economic Analysis: Theory and Practice*, 18 (10), 1916–1931 (in Russ.). https://doi.org/10.24891/ea.18.10.1916.
9. Ivanova E.V., Simonova N.Yu., Uraeva A.I. (2019). Assessing the Tax Potential of Transport Tax as a Source of the Regional Budget Revenues. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tehnologij — Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 3 (31), 54–61 (in Russ.).
10. Nogovitsyn R.R., Sofronova T.S. (2020). Improving the Estimation of Tax Potential for the Constituent Entities of the Russian Federation when Equalizing the Budget Security. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya — Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: Economics. Sociology. Culturology*, 3 (19), 19–29 (in Russ.). https://doi.org/10.25587/SVFU.2021.19.3.002.
11. Semenova E.V., Nikiforova E.A., Petrova O.G. (2024). Imperfection of Tax Instruments for the Development of Subjects of the Russian Federation. *Kompleksnoe razvitie territorii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii — Integrated Development of Territories in the Context of Digital Transformation*. Proceedings of the International Applied Research Conference, 229–237 (in Russ.). Molodezhnyj: Izd-vo Irkutskij GAU.
12. Boadway R., Shah A. (eds). (2007). Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice. Public Sector Governance and Accountability Series. Washington, DC: World Bank.
13. Di Liddo G., Longobardi E., Porcelli F. (2016). Measuring horizontal fiscal imbalance: the case of Italian municipalities. *Local Government Studies*, 42 (3), 385–419. https://doi.org/10.1080/03003930.2016.1150836.
14. Dougherty S., Forman K. (2021). Evaluating fiscal equalisation: Finding the right balance. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*, 36. https://doi.org/10.1787/253da2b8-en.
15. Jaaidane T., Larribeau S. (2023). Partisanship and the effectiveness of Fiscal Equalization: Evidence from French Municipalities. *Centre de Recherche en Economie et Management Working Papers*, WP 2023-01. URL: https://ged.univ-rennes1.fr/nuxeo/site/esupversions/944ca6fb-6383-4146-9eef-6266a3161609.
16. Shanmugam K., Shanmugam K.R. (2022). Designing Transfers Policy with Normatively Determined Revenues and Expenditures of State Governments in India. *Indian Public Policy Review*, 3 (3). https://doi.org/10.55763/ippr.2022.03.03.002.
17. Ter-Minassian T. (ed.). (1997). Fiscal Federalism in Theory and Practice. Washington, DC: International Monetary Fund.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты оценки Индекса налогового потенциала

Регион	ИНП, новый вариант			Разница с базовым вариантом		
	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Ненецкий автономный округ	3,517	3,471	3,401	0,492	0,500	0,469
Республика Ингушетия	0,226	0,228	0,229	0,031	0,031	0,051
Новосибирская область	0,858	0,864	0,868	0,030	0,030	0,034
Краснодарский край	0,696	0,702	0,715	0,027	0,027	0,034
Костромская область	0,557	0,557	0,556	0,025	0,025	0,036
Брянская область	0,490	0,490	0,490	0,021	0,021	0,033
Чувашская Республика	0,474	0,478	0,479	0,021	0,021	0,034
Республика Мордовия	0,498	0,499	0,500	0,020	0,020	0,035
Калининградская область	0,703	0,703	0,703	0,018	0,018	0,026
Ярославская область	0,805	0,806	0,807	0,017	0,017	0,024
Республика Марий Эл	0,450	0,452	0,453	0,017	0,017	0,029
Удмуртская Республика	0,596	0,595	0,595	0,017	0,017	0,026
Кировская область	0,530	0,531	0,532	0,017	0,017	0,029
Нижегородская область	0,845	0,846	0,843	0,017	0,017	0,024
Курганская область	0,459	0,466	0,466	0,017	0,017	0,028
Владимирская область	0,659	0,663	0,665	0,016	0,016	0,026
Ульяновская область	0,616	0,616	0,615	0,016	0,015	0,027
Пензенская область	0,491	0,497	0,498	0,015	0,015	0,027
Алтайский край	0,495	0,497	0,502	0,015	0,015	0,028
Омская область	0,599	0,600	0,599	0,015	0,015	0,026
Республика Татарстан	0,997	1,000	1,011	0,014	0,014	0,015
Саратовская область	0,530	0,527	0,525	0,014	0,014	0,025
Воронежская область	0,681	0,680	0,675	0,013	0,013	0,022
Ивановская область	0,459	0,460	0,460	0,013	0,013	0,028
Смоленская область	0,701	0,699	0,695	0,013	0,013	0,022
Тульская область	0,776	0,778	0,782	0,013	0,012	0,021
Ростовская область	0,612	0,610	0,609	0,013	0,013	0,023
Кабардино-Балкарская Республика	0,264	0,267	0,267	0,013	0,013	0,031
Чеченская Республика	0,225	0,228	0,229	0,013	0,013	0,027
Самарская область	0,805	0,807	0,807	0,013	0,012	0,019
Томская область	0,727	0,724	0,717	0,013	0,013	0,021
Орловская область	0,538	0,536	0,534	0,012	0,011	0,022
Псковская область	0,533	0,532	0,531	0,012	0,012	0,024
Республика Северная Осетия — Алания	0,359	0,363	0,365	0,012	0,012	0,025
Приморский край	0,897	0,902	0,907	0,012	0,011	0,015
Курская область	0,741	0,740	0,734	0,011	0,011	0,018
Тамбовская область	0,488	0,487	0,488	0,011	0,011	0,023
Тверская область	0,674	0,670	0,664	0,011	0,011	0,021
Республика Калмыкия	0,424	0,425	0,427	0,011	0,011	0,025
Забайкальский край	0,675	0,672	0,665	0,011	0,012	0,020
Рязанская область	0,657	0,668	0,672	0,010	0,010	0,017
Республика Тыва	0,375	0,377	0,378	0,010	0,010	0,019
Республика Карелия	0,845	0,852	0,872	0,009	0,008	0,012
Волгоградская область	0,533	0,530	0,526	0,009	0,009	0,020
Карачаево-Черкесская Республика	0,286	0,288	0,289	0,009	0,008	0,023
Ставропольский край	0,445	0,445	0,444	0,009	0,009	0,022
Оренбургская область	0,655	0,651	0,649	0,009	0,009	0,017
Республика Адыгея	0,418	0,419	0,420	0,008	0,008	0,019
г. Севастополь	0,441	0,447	0,449	0,008	0,008	0,021
Республика Хакасия	0,750	0,749	0,751	0,008	0,008	0,014
Республика Бурятия	0,566	0,567	0,567	0,007	0,007	0,014

Регион	ИНП, новый вариант			Разница с базовым вариантом		
	2024	2025	2026	2024	2025	2026
Республика Крым	0,432	0,435	0,437	0,005	0,005	0,017
Астраханская область	0,606	0,590	0,562	0,005	0,006	0,017
Пермский край	0,796	0,799	0,796	0,005	0,005	0,009
Свердловская область	0,950	0,947	0,941	0,005	0,005	0,007
Иркутская область	1,077	1,080	1,084	0,005	0,005	0,003
Еврейская автономная область	0,659	0,657	0,651	0,005	0,005	0,014
Белгородская область	0,910	0,912	0,913	0,004	0,003	0,003
Калужская область	0,815	0,819	0,821	0,004	0,004	0,010
Липецкая область	0,843	0,815	0,784	0,002	0,003	0,011
Республика Алтай	0,464	0,466	0,469	0,002	0,002	0,011
Республика Дагестан	0,229	0,230	0,230	0,001	0,001	0,016
Хабаровский край	1,023	1,025	1,029	0,001	0,001	0,003
Республика Башкортостан	0,580	0,580	0,579	0,000	0,000	0,010
Кемеровская область	1,019	1,016	1,016	0,000	0,000	−0,001
Новгородская область	0,853	0,850	0,848	−0,001	−0,001	0,003
Челябинская область	0,794	0,794	0,794	−0,001	−0,001	0,005
Красноярский край	1,410	1,353	1,277	−0,001	0,001	−0,002
Ленинградская область	1,146	1,132	1,111	−0,002	−0,002	−0,002
Московская область	1,049	1,068	1,073	−0,004	−0,004	−0,006
Вологодская область	1,094	1,077	1,058	−0,006	−0,005	−0,007
Республика Коми	1,328	1,285	1,214	−0,009	−0,008	−0,009
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	2,182	2,171	2,164	−0,016	−0,016	−0,043
г. Санкт-Петербург	1,816	1,826	1,856	−0,017	−0,017	−0,037
Амурская область	1,045	1,044	1,053	−0,019	−0,019	−0,020
Архангельская область	0,977	0,969	0,961	−0,022	−0,022	−0,021
Чукотский автономный округ	4,181	4,128	4,091	−0,025	−0,024	−0,080
Тюменская область	1,774	1,723	1,636	−0,034	−0,032	−0,047
Камчатский край	1,472	1,483	1,504	−0,050	−0,051	−0,062
г. Москва	2,663	2,677	2,703	−0,051	−0,051	−0,092
Мурманская область	1,934	1,933	1,969	−0,052	−0,053	−0,075
Ямало-Ненецкий автономный округ	6,876	6,867	6,823	−0,073	−0,073	−0,206
Сахалинская область	3,388	3,181	2,945	−0,097	−0,090	−0,127
Магаданская область	2,672	2,672	2,676	−0,105	−0,107	−0,140
Республика Саха (Якутия)	1,971	1,982	2,010	−0,154	−0,144	−0,152

Примечание: данные отсортированы по разнице с базовым вариантом 2024 г.
Источник: рассчитано автором на основании данных Единого портала бюджетной системы Российской Федерации и сайта Минфина России. URL: https://budget.gov.ru/, https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/mb/#2024-2026_gody.

Информация об авторе

***Игорь Юрьевич Арлашкин**, научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва*

Information about the author

***Igor Yu. Arlashkin**, Researcher, Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administrational (RANEPA), Moscow*

Статья поступила в редакцию 11.02.2025
Одобрена после рецензирования 05.05.2025
Принята к публикации 05.06.2025

The article submitted February 11, 2025
Approved after reviewing May 5, 2025
Accepted for publication June 5, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-39-53

CC BY

Налоговый механизм противодействия дроблению бизнеса в сельском хозяйстве

Анна Витальевна Тихонова
E-mail: AVTihonova@fa.ru, ORCID: 0000-0001-8295-8113
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Марина Владимировна Пьянова
E-mail: mvpyanova@fa.ru, ORCID: 0000-0001-5562-3772
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Предметом исследования являются налоговые риски сельскохозяйственных товаропроизводителей, связанные с дроблением бизнеса. Цель исследования — выработка предложений по совершенствованию налогообложения и налогового контроля в сельском хозяйстве, направленных на нивелирование рисков дробления бизнеса, которые негативно сказываются на финансовом состоянии субъектов отрасли.
Проанализированы общие подходы к выявлению схем дробления бизнеса, определены критерии искусственного дробления бизнеса по материалам арбитражной практики и разъяснений ФНС России. Представлена типовая схема дробления в сельском хозяйстве. Существующая концепция риск-ориентированного подхода налоговых органов не содержит специальных отраслевых критериев. В связи с этим предложен трехэлементный механизм предотвращения рисков дробления в сельском хозяйстве, а также разработаны критерии выявления схем незаконной налоговой оптимизации в отрасли. Данный механизм включает: упрощение порядка применения налоговых стимулов; установление признаков «добровольности» применения льгот в сельском хозяйстве; усиление налогового контроля в части сделок с дроблением бизнеса. Научная новизна исследования заключается в комплексной разработке нового методического подхода к формированию механизма предотвращения рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве, учитывающего актуальные полномочия налоговых органов и отраслевые особенности хозяйства. Практическая значимость состоит в возможности учета выводов и предложений данной исследовательской работы Министерством сельского хозяйства и ФНС России при разработке мер по развитию сельского хозяйства и отраслевого налогового контроля.

Ключевые слова: *налоговые льготы, нулевая ставка, стимулирование сельского хозяйства, квалифицируемая выручка, ЕСХН*

JEL: *H26, E62*

Финансирование: *статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

Для цитирования: *Тихонова А. В., Пьянова М. В. Налоговый механизм противодействия дроблению бизнеса в сельском хозяйстве // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 39–53. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-39-53.*

© Тихонова А. В., Пьянова М. В., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-39-53

Tax Mechanism to Counteract Business Fragmentation in Agriculture

Anna V. Tikhonova[1], ***Marina V. Pyanova***[2]

[1, 2] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

[1] *AVTihonova@fa.ru, https://orcid.org/0000-0001-8295-8113*
[2] *mvpyanova@fa.ru, https://orcid.org/0000-0001-5562-3772*

Abstract
The subject of this study is tax risks of agricultural producers associated with business fragmentation. The purpose of the study is to develop proposals for improving taxation and tax control in agriculture, contributing to the reduction of business fragmentation risks. The specific features of taxation in agriculture is conditioned by the mandatory compliance with the share of qualifying revenue from the sale of agricultural products and products of their primary and subsequent processing. This leads to the risk of business fragmentation for dishonest taxpayers.
The authors analyze general approaches to identifying business fragmentation schemes and identify the criteria for artificial business fragmentation on the basis of arbitration practice materials and clarifications of the Federal Tax Service. A typical splitting scheme in agriculture is presented and disclosed. It is derived from tax incentives and preferences in agriculture, systematized in tabular form. The existing concept of risk-based approach of tax authorities does not contain special industry criteria. The study proposes a three-element mechanism for preventing splitting risks in agriculture and develops criteria for identifying illegal tax optimization schemes in the industry. The proposed mechanism includes simplification of the procedure for the application of tax incentives; establishment of indicators of "voluntary" use of benefits in agriculture; strengthening of tax control over transactions involving business splitting. The proposals contribute to a more effective implementation of the following classical and modern principles of taxation: fairness, equal competition, plurality of taxation in the sectoral context.
The scientific novelty of the research lies in the comprehensive development of a new methodological approach to the formation of a mechanism for preventing the risks of business fragmentation in agriculture, taking into account the current capabilities of tax authorities and sectoral features of the economy. The practical significance of the study lies in the possibility of using the authors' proposals by the Ministry of Agriculture and the Federal Tax Service of Russia when elaborating measures for the development of agriculture and sectoral tax control.

Keywords: *tax benefits, zero rate, agricultural stimulation, qualifying revenue, Unified Agricultural Tax*

JEL: *H26, E62*

Funding: *The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.*

For citation: *Tikhonova A.V., Pyanova M.V. (2025). Tax Mechanism to Counteract Business Fragmentation in Agriculture. Financial Journal, 17 (3), 39–53 (in Russ.).*
https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-39-53.

© Tikhonova A.V., Pyanova M.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из тенденций развития современного аграрного бизнеса является консолидация, которая проявляется в укрупнении его субъектов и выкупе активов организаций крупными холдингами [Монахов, 2022], что подтверждается в том числе результатами сельскохозяйственных микропереписей. Последняя такая перепись (2021 г.) показала, что количество сельскохозяйственных организаций за период с 2016 по 2021 г. сократилось на 13,6%, крестьянских (фермерских) хозяйств (КФК) — на 27%, ИП — на 52%. Данная ситуация наблюдается на фоне роста размера сельскохозяйственных угодий в среднем на организацию — на 8,7%, на одно КФХ и одного ИП — на 30,2%[1]. Интеграция нескольких товаропроизводителей в холдинговую структуру позволяет крупнейшим аграрным холдингам, обладающим значительными финансовыми ресурсами, пользоваться налоговыми льготами при формальном соответствии критериев для их применения, не предназначенными:

— для крупного бизнеса (в части отмены НДС для плательщиков единого сельскохозяйственного налога — ЕСХН);

— для компаний, занимающихся комплексом видов деятельности, включающих производство и последующую переработку сельскохозяйственной продукции, оказание сопутствующих услуг, оптовую и розничную торговлю и т. д. (в части возможности применения нулевой ставки налога на прибыль организаций или ЕСХН).

Значимость рассмотрения данного вопроса обосновывается статистическими данными, представленными в табл. 1.

Таблица 1

Макроэкономические показатели налогообложения в сельском хозяйстве, 2021–2024 гг.

Показатель	2021 г. (факт)	2022 г. (факт)	2023 г. (факт)	2024 г. (по состоянию на 01.12.2024)
Объем налоговых расходов при применении нулевой ставки налога на прибыль сельскохозяйственными и рыбохозяйственными производителями, млрд руб.	142,7	124,4	141,7	152,7
Поступило налогов от сельскохозяйственных и рыбохозяйственных производителей, млрд руб.	213,5	203,7	255,9	277,1
Поступило налога на прибыль организаций от сельскохозяйственных и рыбохозяйственных производителей, млрд руб.	29,7	40,6	26,7	34,2
Поступило ЕСХН от сельскохозяйственных и рыбохозяйственных производителей, млрд руб.	19,8	17,3	16,7	23,5
Доля налоговых расходов от нулевой ставки налога на прибыль организаций в объеме налоговых поступлений отрасли, %	66,8	61,1	55,4	55,1
Доля поступлений налога на прибыль организаций в объеме налоговых поступлений отрасли, %	13,9	19,9	10,4	12,3
Доля поступлений ЕСХН в объеме налоговых поступлений отрасли, %	9,3	8,5	6,5	8,5

Источник: составлено авторами по данным Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/raskhod/rf?id_65=308763-informatsiya_o_normativnykh_tselevykh_i_fiskalnykh_kharakteristikakh_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii; ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

Потенциальный интерес к использованию схем незаконного дробления бизнеса в сельском хозяйстве основан на том, что нулевая ставка налога на прибыль организаций дает

[1] *Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. 420 с.*

ощутимый экономический эффект. Сумма поступающих в бюджет налогов с финансового результата (налог на прибыль и ЕСХН) существенно ниже по сравнению с предоставленными льготами. Например, в 2024 г. их совокупная доля в налоговых поступлениях составила 20,7%. При этом за каждый уплаченный сельскохозяйственными товаропроизводителями рубль налога на прибыль государство за анализируемый период предоставило льгот в размере от 3,6 до 7,2 руб. Значительный объем выпадающих доходов в результате применения нулевой ставки налога на прибыль (от 55 до 67% общего объема налогов, поступающих в бюджет от отрасли) требует пристального контроля государства за обоснованным применением данной льготы.

Вопросы необоснованного применения налоговых льгот в сельском хозяйстве, отрасли низкомаржинальной, крайне редко поднимаются в научной литературе. Основная масса современных исследований затрагивает вопросы соответствия льготного режима (ЕСХН) и стимулов при общей системе налогообложения требованиям и запросам отрасли. В одних предлагается снижение доли квалифицируемой выручки с целью применения налоговых льгот для вновь создаваемых предприятий [Солярик, Елисеева, 2018]. В других рассматриваются различные варианты трансформации НДС, позволяющие компенсировать расходы сельхозтоваропроизводителей за счет возмещения НДС [Борлакова, Узденова, 2019]. Третьи анализируют налоговые льготы комплексно как часть единой системы государственной поддержки отрасли [Оробинская и др., 2024]. В то же время работы, посвященные выявлению и предупреждению схем незаконной налоговой оптимизации в сельском хозяйстве, единичны, хотя эта проблема присутствует в практике ведения аграрного производства с применением схем искусственного дробления бизнеса.

Ситуация, в результате которой одна компания искусственно разделяется на несколько формально независимых компаний с единственной целью — занижение налоговых обязательств, в налоговой теории и практике часто именуется «дроблением». В трактовке некоторых авторов под дроблением бизнеса понимается «бизнес-процесс, в результате которого на базе одного крупного предприятия образуется ряд новых самостоятельных структур» [Зырянова, Загурский, 2018]. Дробление может применяться для сохранения права на специальные налоговые режимы, освобождения от обязанностей налогоплательщика НДС и налога на прибыль организаций, уменьшения налоговой нагрузки по имущественным налогам и др. Следует отметить, что само по себе дробление бизнеса не является противозаконным; так, налоговое законодательство не запрещает налогоплательщикам выбирать наиболее выгодный налоговый режим и использовать свое право на льготы [Ряховский, Попова, 2022]. На практике же налогоплательщики злоупотребляют своим правом и выстраивают структуру бизнеса в целях создания искусственных условий для применения специальных налоговых режимов и льгот. То есть единственной реальной целью создания такой структуры путем дробления является уклонение от уплаты налогов при отсутствии экономического смысла.

Проблема дробления бизнеса имеет свою отраслевую специфику в сельском хозяйстве. Дело в том, что значительное количество налоговых послаблений для отрасли представлены в Налоговом кодексе Российской Федерации в форме налоговых преференций, а не налоговых льгот. Отличие указанных дефиниций состоит в том, что налоговые льготы носят заявительный характер, т. е. налогоплательщик, имеющий на них право, добровольно делает выбор, применять их или нет [Авдеева, 2023]. В то же время налоговая преференция — это послабление, которое является обязательным для использования даже в том случае, если его применение может принести налогоплательщику гораздо больше рисков, чем пользы [Озерова, 2022]. «Претензии контролирующих органов предъявляются в тех случаях, когда налогоплательщик совершает неправомерные действия и лишь формально соответствует критериям для применения льгот» [Ильин, 2021, с. 13.]. Наличие этих рисков и вызывает потенциальный интерес у сельскохозяйственных

товаропроизводителей к применению схем дробления, что подтверждает актуальность темы настоящего исследования.

Цель исследования — на основе обзора и систематизации российского законодательства, практики налогового администрирования сельскохозяйственных товаропроизводителей разработать налоговый механизм противодействия дроблению бизнеса в отрасли. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1) систематизировать и обобщить выработанные в процессе налогового контроля общеотраслевые критерии дробления бизнеса;

2) выявить особенности налогообложения субъектов сельскохозяйственной отрасли;

3) выделить специфику дробления бизнеса в сельском хозяйстве;

4) разработать предложения по устранению рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве.

Исследование базируется на материалах реальной судебной практики и разъяснениях ФНС России.

КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА

Исследование методологически дополняет классические критерии дробления бизнеса, сформированные по материалам практики налогообложения и налогового контроля. Многочисленные признаки искусственного дробления бизнеса приводились неоднократно в письмах ФНС России (письма ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@, от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@) и обзорах судебной практики, однако установить исчерпывающий перечень таких признаков ввиду постоянно совершенствующихся способов налоговой оптимизации ведомство считает невозможным[2]. При этом всю совокупность критериев, свидетельствующих о применении искусственного дробления, можно условно разделить на несколько крупных групп.

Первая группа критериев — несамостоятельность субъектов деятельности. Ее признаками являются взаимозависимость участников бизнес-структуры (по критериям, выделенным в п. 1 ст. 105.1 НК РФ), взаимное осуществление расходов (предполагает оплату компаниями бизнес-группы расходов независимо от того, кем они фактически понесены), единый центр управления и единый выгодоприобретатель или выгодоприобретатели (см. обзор, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023; обзор, утвержденный Президиумом ВС РФ 04.07.2018; письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@; постановление Арбитражного суда (далее — АС) Западно-Сибирского округа от 21.01.2022 по делу № А70-89012021).

Вторая группа критериев — общая база деятельности и персонал. Ее признаками являются наличие общего офиса, складов, сайта, контактов, банков, ККТ; отсутствие у участников собственного имущества, оборотных средств, кадрового состава; формальное распределение общего персонала; общие представители; одни и те же обслуживающие компании — подрядчики (письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@), постановление АС Уральского округа от 19.07.2023 № Ф09-4380/23 по делу № А60-55680/2022; постановление АС Дальневосточного округа от 28.07.2023 № Ф03-8912023 по делу № А80-3622021).

Третья группа критериев — одинаковые виды деятельности. Ее признаки — идентичные или схожие виды деятельности или виды деятельности, являющиеся частью одного технологического или производственного процесса (письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@; постановление АС Поволжского округа от 17.12.2021 № Ф06-11663/2021 по делу № А72-16325/2020; постановление АС ВСО от 15.08.2022 № Ф02-3699/2022 по делу № А33-32879/2017).

---

[2] *Письмо Минфина России от 9 ноября 2023 г. № 03-02-07/107221.*

В четвертую группу объединены критерии, характеризующие работу с контрагентами: общие контрагенты у всех участников бизнес-структуры; единственным контрагентом одного участника выступает другой участник; контрагенты распределены исходя из применяемых участниками налоговых режимов (письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@), постановления АС Западно-Сибирского округа от 21.10.2022 по делу № А46-213/2021, АС Дальневосточного округа от 12.10.2022 по делу № А04-8498/2021, АС Северо-Западного округа от 06.10.2022 по делу № А52-5932/2021).

Пятая группа — отсутствие деловой цели деятельности. Она содержит признаки, непосредственно указывающие на уменьшение налоговых обязательств искусственным путем:

— деятельность нескольких юридических лиц или ИП, применяющих специальные налоговые режимы, фактически ведется одним налогоплательщиком, подпадающим под общую систему налогообложения;

— в результате дробления происходит масштабирование деятельности группы, а налоговые обязательства не увеличиваются;

— создание новых участников происходит непосредственно перед расширением деятельности без наличия существенных обстоятельств, обосновывающих целесообразность выделения компании (например, лицензирование, получение доступа к кредитам, аккредитация и т. п.);

— показатели деятельности участников группы близки к пороговым для целей применения спецрежимов (письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@; определение Верховного Суда РФ от 24.10.2017 № 308-КГ17-15031; обзор, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023; постановление АС Уральского округа от 03.02.2023 № Ф09-9857/22 по делу № А76-45551/2021).

Все вышеперечисленные критерии прямо или косвенно указывают на возможное применение участниками бизнес-структуры искусственного дробления. Однако, как показывает судебная практика, само по себе наличие того или иного критерия в деятельности участников бизнеса не свидетельствует об однозначном получении необоснованной налоговой выгоды и может быть экономически обоснованным [Ботнарюк, Протасова, 2024].

На основе анализа судебной практики можно выделить ряд маркеров, которые однозначно свидетельствуют об искусственном дроблении с целью уклонения от уплаты налогов:

1) отсутствие деловой цели;

2) производственная несамостоятельность участников;

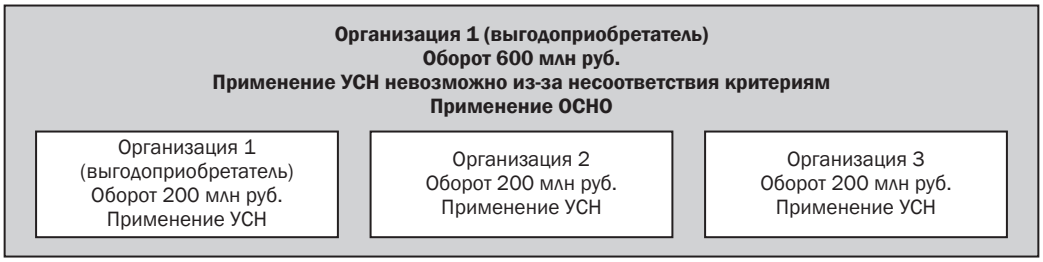
3) применение специальных налоговых режимов участниками бизнес-структуры (сочетание ОСН и спецрежимов).

В экономической литературе описаны различные схемы искусственного дробления бизнеса [Мясников, 2023; Пинская, 2019]. В силу разнообразия вариантов незаконного дробления охарактеризовать их все не представляется возможным, поэтому выделим только некоторые.

Схема, представленная на рис. 1, чаще всего используется организациями, применяющими специальные налоговые режимы. Поскольку применение упрощенной системы налогообложения (далее — УСН) ограничено предельной величиной дохода, организации, расширяющие масштабы своей деятельности, но не желающие применять общую систему налогообложения, прибегают к дроблению на несколько хозяйственных единиц, как правило, подконтрольных основному выгодоприобретателю. Целью применения данной схемы является уклонение от уплаты ряда налогов: НДС, налога на прибыль организаций или НДФЛ, налога на имущество организаций или физических лиц.

Рисунок 1

Пример схемы дробления одной организации на несколько малых

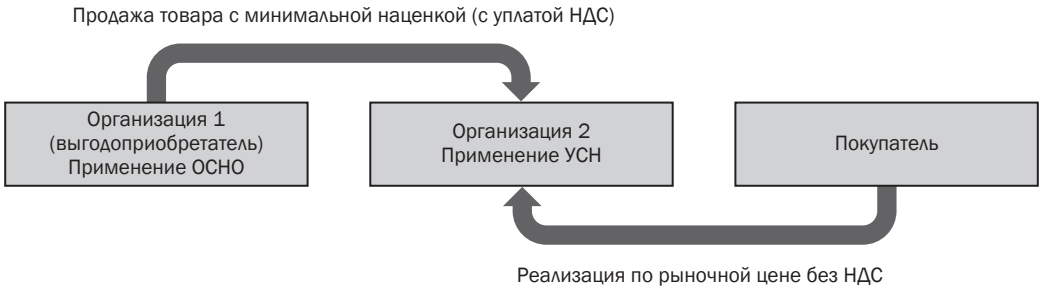


Источник: рисунок авторов.

При использовании схемы дробления, представленной на рис. 2, организация-выгодоприобретатель уклоняется от уплаты НДС и налога на прибыль организаций за счет перевода значительной части дохода от реализации дополнительно созданному подконтрольному участнику, применяющему специальный налоговый режим.

Рисунок 2

Схема выделения отдельной организации в бизнес-структуре с целью перераспределения дохода

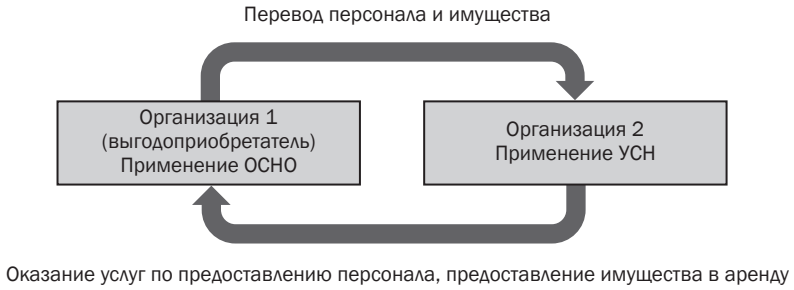


Источник: рисунок авторов.

Применение схемы дробления, связанной с переводом имущества и персонала в подконтрольную организацию (рис. 3), позволяет основной организации существенно сэкономить на уплате налога на прибыль и налога на имущество организаций, а также на страховых взносах.

Рисунок 3

Схема создания отдельной организации для перевода имущества и сотрудников



Источник: рисунок авторов.

Преимуществом данных способов «оптимизации» является формальное отсутствие каких-либо нарушений налогового законодательства в прямом смысле. Однако ст. 54.1 НК РФ предусмотрено, что налогоплательщик вправе уменьшать налоговую базу и сумму подлежащего уплате налога только в случаях, когда основной целью таких действий не является неуплата или неполная уплата налогов. Таким образом, выявление фактической деловой цели выступает в качестве своего рода теста в процессе выявления налоговыми органами умысла в действиях налогоплательщика, направленного на извлечение необоснованной экономической выгоды.

БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика дробления бизнеса в сельском хозяйстве, помимо стандартных выявленных выше критериев, во многом проистекает из особенностей налогообложения отрасли [Беловол, 2022]. Рассмотрим основные налоговые стимулы для сельскохозяйственных товаропроизводителей в табл. 2.

Таблица 2

Применяемые налоговые льготы и преференции в сельском хозяйстве

№ п/п	Налоговый стимул	Форма предоставления (льгота / преференция)	Применяемая система налогообложения (ОСН — общая, ЕСХН — единый сельскохозяйственный налог)	Основание
1	Нулевая ставка налога на прибыль организаций	Преференция	ОСН	Ст. 284, п. 1.3 НК РФ
2	Применение ЕСХН:			
2.1	— пониженная ставка единого налога (0–6%);	Преференция	ЕСХН	Ст. 346.8 НК РФ
2.2	— отмена уплаты части налога на имущество организаций;	Преференция	ЕСХН	Ст. 346.1, п. 3 НК РФ
2.3	— отмена уплаты НДС (для компаний с выручкой до 60 млн руб.)	Льгота	ЕСХН	Ст. 145, п. 1 НК РФ
3	Освобождение от налогообложения сельскохозяйственных транспортных средств, машин и оборудования	Льгота	ЕСХН, ОСН	Ст. 358, п. 2, пп. 5 НК РФ

Источник: составлено авторами на основании НК РФ.

Как показал проведенный анализ, наиболее важные и фискально значимые стимулы (в виде нулевого налога на прибыль организаций и пониженного единого сельскохозяйственного налога) предоставляются в форме преференций. Как отмечается в научных исследованиях, отличительной чертой преференций является то, что отказаться от их применения нельзя [Харитонова, 2023]. Обязательным условием использования таких стимулов на практике является выполнение критерия по доле выручки от реализации самостоятельно произведенной сельскохозяйственной продукции и продукции ее переработки (назовем ее далее — «квалифицируемая выручка»), которая не должна быть менее 70%. В частности, в письме Минфина России от 13 сентября 2018 г. № 03-03-06/1/65651 отмечено, что организации, имеющие статус сельскохозяйственного товаропроизводителя, обязаны применять налоговую ставку в размере 0 процентов и отказаться от ее применения нельзя. Министерство делает акцент на том, что налоговая ставка не является налоговой льготой, а потому представляет собой не право, а обязанность налогоплательщика. При этом, если по итогам налогового периода налогоплательщик не будет соответствовать критериям сельскохозяйственного товаропроизводителя,

он считается утратившим право на применение ЕСХН с начала налогового периода, в котором допущено нарушение указанного ограничения и (или) выявлено несоответствие установленным условиям. Согласно анализу материалов арбитражной практики последних 10 лет и разъяснений Минфина России, именно определение доли квалифицируемой выручки является самым распространенным налоговым риском отрасли. Существенно снизить долю такой выручки могут операции по сдаче имущества в аренду, разовые операции по реализации основных средств. Судебная практика знает примеры, когда выручка от сельскохозяйственной продукции недобросовестным покупателям также квалифицируется налоговым органом как прочий доход (например, в деле № А12-20688/2018 АО «Птицефабрика Краснодонская» против МИФНС № 2 по Волгоградской области).

В случае применения сельскохозяйственным производителем общей системы налогообложения под нулевую ставку попадает только прибыль от сельскохозяйственной деятельности; отмеченные выше доходы от аренды имущества, продажи основных средств недобросовестных контрагентов будут облагаться по ставке 20%. В дополнение к этому ряд сельскохозяйственных услуг (несмотря на включение их в квалифицируемую выручку при расчете доли) также облагается налогом на прибыль организаций по ставке 20%. В частности, к таким относятся вспомогательные виды деятельности для сельскохозяйственного производства, а также близкие сельскому хозяйству, не используемые в целях производства, произведенные за вознаграждение или на договорной основе; деятельность, осуществляемая после сбора урожая, направленная на подготовку сельскохозяйственной продукции к сбыту на рынке (письмо Минфина России от 11.09.2020 № 03-11-06/1/80106).

Судебная практика признает наличие отдельной проблемы дробления бизнеса в отрасли. Например, неоднозначность подходов демонстрирует дело № Ф04-6775/2016 ЗАО «Ныдинское», которое применяло режим ЕСХН. Обществом было создано второе юридическое лицо ООО «Интер», которое получало выручку от несельскохозяйственной деятельности. Суммирование доходов двух компаний показало, что доля квалифицируемой выручки составила ниже 70%, а следовательно, ЗАО «Ныдинское» не имело права применять ЕСХН. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали позицию налоговых органов, однако суд кассационной инстанции счел, что контролирующие органы не привели достаточных доказательств наличия схемы уклонения от налогообложения. В другом деле (постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2017 № 16АП-5081/2016 по делу № А63-11401/2016) наличие схемы дробления бизнеса в сельском хозяйстве по факту доказательности номинальных критериев применения ЕСХН было признано судом.

Неоднозначно относятся налоговые органы и к вопросам применения отраслевых налоговых льгот участниками сельскохозяйственных кооперативов — это еще одно проявление рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве (например, в постановлении АС Волго-Вятского округа от 26.03.2018 № Ф01-6599/2017 поддержана позиция налогового органа).

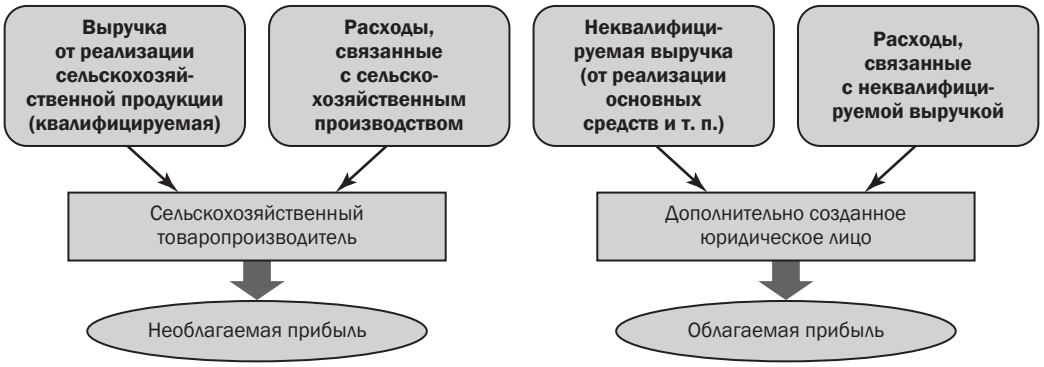
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика дробления бизнеса в сельском хозяйстве

С учетом того, что налоговые стимулы в сельском хозяйстве ограничены не размерами предприятий (выручкой, численностью), а условиями их применения, основная причина дробления бизнеса в отрасли связана с разделением квалифицируемой и неквалифицируемой выручки. В общем виде схема дробления представлена на рис. 4.

Рисунок 4

Типовая схема дробления бизнеса в сельском хозяйстве



Источник: рисунок авторов.

Основной целью дробления бизнеса в сельском хозяйстве является распределение прибыли таким образом, чтобы доля квалифицируемой выручки выгодоприобретателя (сельскохозяйственного товаропроизводителя) не была ниже 70%. В ряде случаев данная схема дополнительно расширяется за счет того, что часть «квалифицируемых» расходов переносится в формирование облагаемой прибыли, уменьшая ее. В частности, подобная ситуация возникает, когда квалифицируемые и неквалифицируемые виды деятельности схожи между собой (более подробно представлено в смоделированном кейсе ниже).

При этом, в отличие от ИТ-отрасли, где выделение самостоятельного юридического лица не признается дроблением бизнеса (согласно письму ФНС России 17.03.2022 № СД-4-2/3289), аналогичных разъяснений для сельского хозяйства нет.

С целью обоснования «потенциала» применения схем незаконного дробления бизнеса в сельском хозяйстве проанализируем структуру налоговой нагрузки отрасли (рис. 5).

Рисунок 5

Структура налоговой нагрузки в сельском хозяйстве, 2023 г.

Источник: рисунок авторов на основании формы 1-НОМ за 2023 г. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13705211/.

Как представлено на рис. 5, в структуре налоговой нагрузки отрасли налоги, уплачиваемые с финансового результата, в 2023 г. составили 51%. С учетом того, что (1) незаконная налоговая оптимизация с использованием имущественных налогов (доля которых составляет совокупно 21%) затруднена из-за официальной регистрации объектов налогообложения в государственных структурах, (2) НДС и акцизы имеют отрицательное значение (то есть возмещаются налогоплательщикам из бюджета из-за превышения объема начислений над объемами налоговых вычетов), (3) сборы за пользование объектами водных

биологических ресурсов (20% в структуре) уплачиваются рыболовными компаниями, которые не используют специальных отраслевых льгот, — единственным налогом, который может быть использован для целей уклонения от уплаты налогов, является налог на прибыль организаций.

С целью оценки возможного эффекта от применения схемы дробления бизнеса в сельском хозяйстве смоделируем следующий кейс. В схеме задействовано три юридических лица: первое является сельскохозяйственным товаропроизводителем на общей системе (занимается производством молока) и применяет нулевую ставку налога на прибыль организаций; второе закупает сельскохозяйственную продукцию (молоко) у населения и перерабатывает ее с последующей продажей, применяя общую систему без каких-либо льгот. Расчет экономического эффекта представлен в табл. 3.

Таблица 3

Эффект налога на прибыль организаций от применения схемы дробления в смоделированном кейсе

Участник	Основные условия налогообложения	Доходы, руб.	Расходы, руб.		Налоговая база	Сумма налога при схеме «дробление»	Сумма налога без учета «дробления»
			в декларации	перераспределенные при схеме «дробления»			
1	2	3	4	5	6 = 3 − 4	7 = 6*25%	8 = (3 − 4 − 5)*25%
Первый	ОСН. Нулевая ставка налога на прибыль организаций	500 млн	280 млн	−170 млн	220 млн	0	X
Второй	ОСН. Без льгот	400 млн	370 млн	170 млн	30 млн	7,5 млн	X
Объединение компаний		900 млн	650 млн	0	250 млн	X	62,5 млн

Источник: составлено авторами.

В табл. 3 расходы определены исходя из среднеотраслевой рентабельности за 2023 г. по следующим видам деятельности: «разведение крупного рогатого скота, производство сырого молока» (для первого участника — 10,81%); «производство молочной продукции» (для второго участника — 8,22%)[3]. Как показывают расчеты, применение схемы дробления дает экономию для компании среднего размера в сумме 55 млн руб., что позволяет увеличить чистую прибыль, остающуюся в бизнес-структуре, на 22%.

Отмеченные выше налоговые риски потери права на применение налоговых льгот являются причиной весьма распространенного выбора упрощенной системы налогообложения при определении налоговой стратегии сельхозтоваропроизводителями. В пользу УСН часто свидетельствует и то, что до 2025 г. его плательщики полностью освобождались от НДС (независимо от размера выручки). При использовании УСН субъекты сельского хозяйства как минимум не рискуют потерять право на применение специального налогового режима из-за структуры выручки, тем более что данный режим распространяется даже на производство подакцизных сельскохозяйственных продуктов (винограда, вина и виноматериалов). Вместе с тем принятые в 2024 г. изменения в Налоговый кодекс (вступили в силу с 01.01.2025), наделяющие плательщиков УСН статусом плательщика НДС при выручке свыше 60 млн руб. (п. 2 ст. 346 НК РФ, п. 1 ст. 145 НК РФ), еще более обостряют риски дробления бизнеса в сельском хозяйстве, даже без учета его отраслевой специфики.

Несмотря на то, что основная причина дробления в отрасли сельского хозяйства не соответствует мотиву дробления (например, в торговле и сфере услуг), риск-маркеры

[3] *https://www.fedstat.ru/indicator/58036.*

выявления схемы уклонения от налогообложения в большинстве случаев совпадают. В частности, для сельскохозяйственных товаропроизводителей применимы четыре из пяти представленных выше групп критериев, за исключением одинаковых видов деятельности.

Предложения по устранению рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве

Для устранения рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве целесообразно предусмотреть следующий экономический механизм, учитывающий принципы налогообложения и налогового контроля, отраслевую специфику бизнеса и уровень цифровизации налогового администрирования (рис. 6).

Рисунок 6

Механизм снижения рисков дробления бизнеса в сельском хозяйстве

1. Упрощение порядка применения налоговых стимулов

- Цель: снижение негативных последствий налоговых рисков для налогоплательщика
- Инструмент: установление необходимости пересчета налогового обязательства при несоблюдении критерия в 70% только с начала того отчетного периода, в котором этот критерий был не соблюден

2. Установление признаков «добровольности» применения льгот в сельском хозяйстве

- Цель: расширение возможности выбора налоговой стратегии хозяйствующего субъекта в рамках легального правового поля
- Инструмент: заявительный отказ от применения налоговых льгот в сельском хозяйстве на срок не менее чем два налоговых периода (два календарных года)

3. Усиление налогового контроля в части сделок с дроблением бизнеса

- Цель: предотвращение схем уклонения от налогообложения и рост доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации
- Инструмент: специфические критерии дробления в сельском хозяйстве в рамках риск-ориентированного подхода

Источник: рисунок авторов.

В качестве предложений выделен особый порядок определения обязательств по ЕСХН и налогу на прибыль организаций в случае несоблюдения критерия квалифицируемой выручки, предполагающий пересчет налога с начала отчетного периода, в котором этот критерий был не соблюден, а не с начала года. В настоящий момент такой пересчет осуществляется с начала года, при этом во многих случаях спланировать превышение минимального размера доли квалифицируемой выручки не представляется возможным. Данная ситуация, например, может возникнуть при продаже основного средства в процессе модернизации производства.

В рамках второго направления целесообразно предусмотреть заявительный порядок отказа от применения нулевой ставки налога на прибыль организаций. При этом в целях упрощения налогового контроля за обоснованностью использования льготы предлагается зафиксировать выбранный порядок учета на срок не менее чем два налоговых периода (два календарных года). В частности, если сельскохозяйственный товаропроизводитель не уверен в возможности соблюдения условий для применения льготы, он сможет в добровольном порядке отказаться от нее и снизить свои налоговые риски.

Наконец, с целью предотвращения роста случаев использования схем уклонения от налогообложения в рамках риск-ориентированного подхода необходимо дополнить общие критерии дробления бизнеса отраслевыми риск-маркерами. В качестве таких маркеров можно предложить следующие:

— наличие взаимозависимых лиц, деятельность которых предполагает совершение операций (продажа, аренда, лизинг) с совместно используемым имуществом;

— неоднократная передача на безвозмездных или льготных условиях активов взаимозависимым лицам с целью их последующей продажи;

— систематическое заключение трехсторонних сделок с разделением выручки по «отраслевому» принципу (сельскохозяйственная и несельскохозяйственная);

— значение доли квалифицируемой выручки от 70 до 75% в течение нескольких налоговых периодов.

Таким образом, предлагаемый авторами настоящего исследования механизм снижения рисков включает в себя три направления. Первые два нацелены на снижение рисков налогоплательщика в сельском хозяйстве. Их применение будет содействовать реализации принципов множественности налогообложения (предполагающих многовариантность выбора налоговых мер), а также повышению адресности мер налоговой поддержки (предоставление поддержки тем категориям плательщиков, которые в ней действительно нуждаются). Третье направление ориентировано на повышение эффективности налогового контроля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Налоговая система любого государства должна, с одной стороны, обеспечивать доходную часть бюджетов страны, с другой — регулировать справедливое распределение налоговой нагрузки, формировать равные условия для участников финансового рынка, а также способствовать экономическому росту.

Главный дискуссионный момент в настоящем исследовании связан с целесообразностью наличия льготного налогового режима ЕСХН в отечественной практике при минимальной нагрузке по налогу на прибыль в рамках общей системы налогообложения. Научные позиции по данному вопросу представлены двумя направлениями. Одна группа ученых отмечает общую эффективность ЕСХН и необходимость точечной донастройки режима, определяя целесообразность предоставления налоговых льгот как при основном, так и при льготном налоговом режиме [Малис, 2017; Пьянова, 2015]. Другая группа обращает внимание на несостоятельность единого сельскохозяйственного налога в текущих экономических условиях, считая целесообразным предоставление стимулов только в рамках общей системы налогообложения. В частности, отмечается, что ЕСХН не способствует развитию отрасли, он утратил свою актуальность как для государства, так и для налогоплательщиков [Лялина и др., 2021]. По нашему мнению, отмена ЕСХН может оказать значительное негативное влияние на малый бизнес в отрасли, так как преимущественно именно субъекты МСП применяют специальный налоговый режим, снижая налоговую нагрузку по НДС и налогу на имущество организаций.

Практика налогового контроля свидетельствует, что значительная часть налоговых льгот является источником возникновения схем уклонения от налогообложения. Как отмечено в настоящей статье, дробление бизнеса — это наиболее распространенная схема незаконной налоговой оптимизации. При этом в сельском хозяйстве данное правонарушение отличается своей спецификой. Разработанный механизм выявления схем дробления бизнеса в отрасли и сформулированные критерии дробления имеют высокое практическое значение: они могут способствовать росту эффективности налогового контроля и повышению налоговой дисциплины.

Список источников

1. Авдеева В. М. Преференции по налогу на прибыль организации как инструмент стимулирования инновационной деятельности // Налоги и налогообложение. 2023. № 1. С. 17–26. https://doi.org/10.7256/2454-065X.2023.1.39552.
2. Беловол Я. О. Налогообложение в сельском хозяйстве как фактор продовольственного обеспечения региона // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2022. Т. 11. № 4. С. 4–8. https://doi.org/10.12737/2306-627X-2022-11-4-4-8.
3. Борлакова Т. М., Узденова А. С. Актуальные проблемы налогообложения предприятий сельского хозяйства // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 26 (4). С. 27–32.
4. Ботнарюк М. В., Протасова И. И. Дробление бизнеса: признаки схемы и порядок применения амнистии // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 458–462.
5. Зырянова Т. В., Загурский А. О. Налоговые последствия дробления бизнеса // Дискуссия. 2018. № 4 (89). С. 6–14.
6. Ильин А. Ю. Особенности налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей: практика правоприменения // Правовой альманах. 2021. № 3 (7). С. 10–17.
7. Лялина Ж. И., Кедровская А. В., Гришин Д. В. Исследование актуальности использования единого сельскохозяйственного налога // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 201–207. https://doi.org/10.34925/EIP.2021.129.4.038.
8. Малис Н. И. Налоговое стимулирование развития сельского хозяйства РФ — залог его успешного развития // Налоги и финансы. 2017. № 1 (33). С. 7–12.
9. Монахов С. В. Обоснование стратегических направлений развития интегрированных агропромышленных образований в современных условиях // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 10 (92). С. 110–115.
10. Мясников О. А. Как выявить налоговую схему дробления бизнеса // Налоговая политика и практика. 2023. № 10 (250). С. 67–71.
11. Озерова Е. С. Целесообразность разделения понятий налоговых льгот и налоговых преференций в российской налоговой практике // Global and Regional Research. 2022. Т. 4. № 4. С. 32–38.
12. Оробинская И. В., Гашенко И. В., Зима Ю. С. Развитие налоговых инструментов обеспечения стабильного развития отраслей АПК (на примере ЦЧР) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 2 (78).
13. Пинская М. Р. Налоговые риски государства, связанные с дроблением бизнеса, в ЕАЭС // Налоги. 2019. № 4. С. 42–45.
14. Пьянова М. В. Налоговое стимулирование сельского хозяйства в условиях угрозы продовольственной безопасности // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 3. С. 115–118.
15. Ряховский Д. И., Попова О. С. Дробление бизнеса: формирование критериев, выстраивание линии защиты со стороны налогоплательщиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 7 (250). С. 67–79.
16. Солярик М. А., Елисеева Н. В. Проблемы и перспективы налогообложения для сельского хозяйства // Калужский экономический вестник. 2018. № 3. С. 3–6.
17. Харитонова А. Е. Прогнозирование налоговой нагрузки сельскохозяйственных предприятий методами машинного обучения // Налоги и налогообложение. 2023. № 4. С. 28–38.

References

1. Avdeeva V.M. (2023). Preferences for corporate income tax as a tool for stimulating innovation. *Nalogi i nalogooblozheniye — Taxes and taxation*, 1, 17–26 (in Russ.).
2. Belovol Ya.O. (2022). Taxation in agriculture as a factor in the food supply of the region. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy — Scientific research and development. Economics of the firm*, 11 (4), 4–8 (in Russ.).
3. Borlakova T.M., Uzdenova A.S. (2019). Actual Problems of Taxation of Agricultural Enterprises. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya — Natural Sciences and Humanities Research*, 26 (4), 27–32 (in Russ.).
4. Botnaryuk M.V., Protasova I.I. (2024). Business fragmentation: signs of the scheme and the procedure for applying the amnesty. *Vestnik Akademii znanij — Bulletin of the Academy of Knowledge*, 5 (64), 458–462 (in Russ.).
5. Zyryanova T.V., Zagursky A.O. (2018). Tax consequences of business fragmentation. *Diskussiya — Discussion*, 4 (89), 6–14 (in Russ.).
6. Ilyin A.Yu. (2021). Features of taxation of agricultural producers: law enforcement practice. *Pravovoy al'manakh — Legal almanac*, 3 (7), 10–17 (in Russ.).
7. Lyalina Zh.I., Kedrovskaya A.V., Grishin D.V. (2021). Study of the relevance of using a single agricultural tax. *Ekonomika i predprinimatel'stvo — Economy and entrepreneurship*, 4 (129), 201–207 (in Russ.).

8. Malis N.I. (2017). Tax incentives for the development of agriculture in the RF — the key to its successful development. *Nalogi i finansy — Taxes and finance*, 1 (33), 7–12 (in Russ.).
9. Monakhov S.V. (2022). Justification of strategic directions for the development of integrated agro-industrial entities in modern conditions. *Ekonomika, trud, upravleniye v sel'skom khozyaystve — Economy, labor, management in agriculture*, 10 (92), 110–115 (in Russ.).
10. Myasnikov O.A. (2023). How to identify a tax scheme for business fragmentation. *Nalogovaya politika i praktika — Tax policy and practice*, 10 (250), 67–71 (in Russ.).
11. Ozerova E.S. (2022). Expediency of separating the concepts of tax benefits and tax preferences in Russian tax practice. *Global and Regional Research — Global and Regional Research*, 4 (4), 32–38 (in Russ.).
12. Orobinskaya I.V., Gashchenko I.V., Zima Yu.S. (2024). Development of Tax Instruments to Ensure Stable Development of AIC Branches (using the Central Chernozem Region as an Example). *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal — Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*, 2 (78) (in Russ.).
13. Pinskaya M.R. (2019). Tax risks of the state associated with business fragmentation in the EAEU. *Nalogi — Taxes*, 4, 42–45 (in Russ.).
14. Pyanova M.V. (2015). Tax incentives for agriculture in the face of a threat to food security. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal — Symbol of Science: international scientific journal*, 3, 115–118 (in Russ.).
15. Ryakhovsky D.I., Popova O.S. (2022). Business fragmentation: formation of criteria, building a line of defense on the part of taxpayers. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii — Property relations in the Russian Federation*, 7 (250), 67–79 (in Russ.).
16. Solarik M.A., Eliseeva N.V. (2018). Problems and Prospects of Taxation for Agriculture. *Kaluzhskiy ekonomicheskiy vestnik — Kaluga Economic Bulletin*, 3, 3–6 (in Russ.).
17. Kharitonova A.E. (2023). Forecasting the tax burden of agricultural enterprises using machine learning methods. *Nalogi i nalogooblozheniye — Taxes and taxation*, 4, 28–38 (in Russ.).

Информация об авторах

***Анна Витальевна Тихонова**, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*
***Марина Владимировна Пьянова**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

Information about the authors

***Anna V. Tikhonova**, Doctor of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*
***Marina V. Pyanova**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*

Статья поступила в редакцию 24.02.2025
Одобрена после рецензирования 30.04.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted February 24, 2025
Approved after reviewing April 30, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-54-71

CC BY

Уклонение от уплаты налогов в современном мире: институциональные аспекты

Александр Игоревич Погорлецкий
E-mail: a.pogorletskiy@spbu.ru, ORCID: 0000-0003-4495-5557
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Цель статьи — систематизация институциональных характеристик уклонения от уплаты налогов в системе мирохозяйственных связей. Приводятся оценки масштабов, обобщаются трактовки и выявляются сущностные причины уклонения от уплаты налогов, объясняемые институциональными факторами. Определяется роль институциональных структур в предотвращении неисполнения физическими и юридическими лицами своих налоговых обязательств.
Объект исследования — институциональная среда, формирующая механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов на национальном и глобальном уровнях.
Методология исследования включает графический и сравнительно-правовой методы, а также системный и функциональный подходы к характеристике институтов и социально-экономических реалий в контексте уклонения от уплаты налогов. Проводится исторический и логический анализ институциональных аспектов данного явления в глобальной экономической среде.
База исследования — фундаментальные работы, посвященные выявлению причин и последствий уклонения от уплаты налогов, опубликованные ведущими теоретиками финансовой и налоговой науки, а также классиками и современными учеными в области общественных наук. Для оценки масштабов уклонения от уплаты налогов и влияния этой проблемы на современную систему мирохозяйственных связей использованы отчеты и исследования ряда международных организаций (ОЭСР, ООН, МВФ и др.), а также исследовательских центров.
Гипотеза исследования: институциональные факторы являются значимыми как при объяснении причин уклонения от уплаты налогов, так и при выборе адекватных механизмов противодействия данному явлению.
Результатом исследования стала ранее отсутствовавшая в имеющихся публикациях и впервые предложенная автором типологизация институциональных предпосылок и последствий уклонения от уплаты налогов, призванная помочь регуляторам более осмысленно воздействовать на это явление в современной мировой экономике.
Основные выводы свидетельствуют о том, что институциональные факторы оказывают значимое влияние на уклонение от уплаты налогов: формальные правила налогообложения, устанавливаемые государством, а также негласные морально-этические нормы поведения, в основе которых лежат культура и религия, определяют поведение хозяйствующих субъектов, воздействие на которое со стороны межгосударственных институциональных структур налогового регулирования представляется необходимым.

Ключевые слова: *глобальное налоговое регулирование, институты налогового регулирования, институты налогообложения, налоговая оптимизация, уклонение от уплаты налогов*

JEL: *B52, F55, H26*

Финансирование: *статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

Для цитирования: *Погорлецкий А. И. Уклонение от уплаты налогов в современном мире: институциональные аспекты // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 54–71. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-54-71.*

© Погорлецкий А. И., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-54-71

Tax Evasion in the Modern World: Institutional Aspects

Alexander I. Pogorletskiy[1, 2]

[1] *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation*
[2] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

[1, 2] *a.pogorletskiy@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4495-5557*

Abstract
The purpose of the article is to systematize the institutional characteristics of tax evasion in the system of international economic relations. The role of institutional structures in preventing individuals and legal entities from failing to fulfill their tax obligations is characterized.
The object of the research is the institutional environment that constitutes the mechanisms of tax evasion at the national and global levels.
The research methodology includes graphical and comparative methods, as well as system and functional approaches to the characterization of institutions and socio-economic phenomena in the context of tax evasion. Historical and logical analysis of institutional aspects of this phenomenon in the global economic environment is carried out. The information base consists of fundamental works on the identification of the causes and consequences of tax evasion, published by leading theorists of financial and tax science, as well as authoritative classic and modern works in the fields of social sciences. In order to assess the scale and impact of tax evasion on the modern system of global economic relations, reports and studies of international organizations (OECD, UN, IMF, etc.) and a number of research centers were used.
The hypothesis of the study was that institutional factors are significant both for explaining the causes of tax evasion and for choosing appropriate mechanisms to counteract this phenomenon.
The research resulted in a typology of institutional preconditions and consequences of tax evasion, previously absent in existing publications and first proposed by the author, designed to help regulators to have more meaningful impact on this process in the contemporary world economy.
The main findings suggest that institutional factors significantly affect tax evasion. Formal rules of taxation established by the state, as well as tacit moral and ethical norms of behavior based on culture and religion, determine the behavior of individuals and business entities, the influence on which by interstate institutional structures of tax regulation seems necessary.

Keywords: *global tax regulation, institutes of tax behavior, institutes of tax regulation, institutes of taxation, offshore activities, tax evasion, tax optimization*

JEL: *B52, F55, H26*

Funding: *The article is based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.*

For citation: *Pogorletskiy A.I. (2025). Tax Evasion in the Modern World: Institutional Aspects. Financial Journal, 17 (3), 54–71 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-54-71.*

© Pogorletskiy A.I., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Уклонение от уплаты налогов понимается как злонамеренные действия субъектов налоговых обязательств по минимизации своих платежей в казну государства, связанные с сокрытием доходов от обложения, а также с неуплатой налогов вовремя или в полном объеме[1]. В то же время уклонение от уплаты налогов может находиться и в «серой зоне» механизмов налоговой оптимизации [Майбуров и др. (ред.), 2013]. Нечеткость толкования данного термина в теории и практике международного налогообложения обуславливает необходимость исследований для понимания данного явления в институциональном аспекте. Характеристика сущности и масштабов уклонения от уплаты налогов, его институциональные особенности и оценки соответствующих перспектив трансформации глобального налогового регулирования — задачи, поставленные в данной статье.

Исследования, посвященные проблеме уклонения от уплаты налогов, распространены в экономико-правовой литературе как России, так и зарубежных стран. Можно отметить работы классиков экономической и финансовой науки, которых данный вопрос интересовал много столетий назад (напр.: [Smith A., 1776; Canard, 1801]), а также именитых ученых новейшего времени (напр.: [Becker, 1974; Беккер, 2003; Адамс, 2018]. Российское сообщество исследователей налогообложения, объединенных под эгидой постоянно действующего Международного симпозиума «Теория и практика налоговых реформ», в 2025 г. посвящает уклонению от уплаты налогов очередное масштабное обсуждение (предыдущие ознаменовались значимыми в России публикациями на данную тему [Кириенко (ред.), 2012; Майбуров и др. (ред.), 2013]). Хотя некоторые институциональные характеристики уклонения от уплаты налогов уже были обозначены[2], систематизация данного явления с позиций институциональной экономики и ряда теоретических концепций представляет, на взгляд автора, важную задачу развития теории и практики финансовой и налоговой науки.

В раскрытии темы статьи мы будем опираться на такие методы исследования, как системный и функциональный подходы (в характеристике институтов и социально-экономических явлений), исторический и логический анализ, графический и сравнительно-правовой методы. Источники, которые помогут нам в этом, представляют собой, с одной стороны, фундаментальные работы в области налогообложения, экономики, философии, социологии, а с другой — данные исследований, проведенных под эгидой международных организаций и институтов, таких как ООН, ОЭСР, МВФ, Обсерватория налоговых исследований Европейского союза (*EU Tax Observatory*), Сеть налогового правосудия (*Tax Justice Network — TJN*) и исследовательских центров (напр., Центра налоговых исследований *Skatteforsk*).

ПРОБЛЕМА И МАСШТАБЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Уклонение от уплаты налогов характерно для всей истории человечества. Противостояние «жертвы» и «налога»[3], в современном понимании — налогоплательщика и государства, когда вводимые в общественных интересах натуральные повинности, трансформировавшиеся в налог как обязательный денежный платеж, находят разный отклик у субъектов

---

[1] *101 термин налогового права: крат. законодат. и доктринальное толкование / Н. А. Соловьева и др. Москва: Инфортропик Медиа, 2015.*

[2] *Энциклопедия теоретических основ налогообложения / Под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016; 101 термин налогового права: крат. законодат. и доктринальное толкование / Н. А. Соловьева и др. Москва: Инфортропик Медиа, 2015.*

[3] *Понимание налогов как необходимых и принудительных жертвенных лишений со стороны их плательщиков в адрес государства, соразмерность которых определяет минимум уклонений от их уплаты, одним из первых представил Н. Ф. Канар [Canard, 1801]. См. также: Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир / Под ред. Б. Е. Ланина. Москва: Прогресс, 1992. 408 с.*

налогообложения, включая уклонение от данных обязанностей, — неотъемлемый элемент института налогообложения[4]. В текущих условиях уклонение от уплаты налогов приобрело масштабный характер среди физических и юридических лиц. По оценке *Tax Justice Network*, сделанной в 2024 г., ежегодные потери стран мира от злоупотреблений с налогами достигли почти 500 млрд долл. США[5]. Данные ООН свидетельствуют, что в мире каждый год «отмывается» (без уплаты налогов) 1,6 трлн долл. (2,7% совокупного глобального ВВП), а еще триллионы долларов состоятельных физических лиц и компаний находятся в офшорных юрисдикциях вне контроля налоговых регуляторов[6].

Стремление не выполнять или минимизировать индивидуальные либо корпоративные налоговые обязательства, в том числе путем уклонения от уплаты налогов, — распространенная в мире практика. Поскольку на уровне национальных экономик меры, направленные на предотвращение злоупотреблений в уплате налогов, получили широкое распространение и отличаются, как правило, своей жесткостью (вплоть до применения персональной ответственности в виде высшей меры уголовного наказания), физическим лицам и корпорациям проще уклоняться от налогообложения в своей мобильной трансграничной деятельности, становясь т. н. «исчезающими налогоплательщиками»[7].

Атлас офшорного мира (*The Atlas of the Offshore World*) — совместный проект Обсерватории налоговых исследований Европейского союза и Центра налоговых исследований *Skatteforsk* при финансовом участии Норвежского агентства по развитию (*Norad*) — представляет масштабы потерь от деятельности подобных «исчезающих налогоплательщиков» по переводу своих финансовых активов в низконалоговые юрисдикции — налоговые гавани для национальных экономик. В соответствии с этими оценками не менее 10% т. н. офшорного ВВП на базе деятельности, связанной с минимизацией налогов, имеются у развитых стран (Великобритании, Франции, Канады и др.), и у ведущих государств с развивающимися рынками (Китая, России, Турции и др.)[8]. Эти офшорные финансовые активы находятся под контролем как физических, так и юридических лиц.

Достаточно распространенным способом уклонения от уплаты налогов со стороны транснациональных корпоративных структур (ТНК) является механизм размывания налоговой базы и перевода прибыли в низконалоговые юрисдикции. Для этого используются различные способы уменьшения налогооблагаемой прибыли (трансфертное ценообразование, внутрифирменное кредитование, вынос ряда видов деятельности по созданию прибыли ТНК в страны с изначально низким или нулевым уровнем налогов [Rapakko, 1989; Полежарова, 2016]). По оценкам Глобального отчета об уклонении от уплаты налогов, представленного в 2023 г. учеными Обсерватории налоговых исследований Европейского союза под руководством лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица [EU Tax Observatory, 2023], прибыль, выведенная ТНК в налоговые убежища, составила в 2022 г. 1 трлн долл. США. Это было эквивалентно трети прибыли, полученной ТНК за пределами юрисдикций местонахождения своих штаб-квартир. Потери поступлений от корпоративного налога на прибыль, вызванные такими действиями ТНК, составили почти 10% доходов от него, собранных во всем мире [EU Tax Observatory, 2023].

---

[4] *В данном контексте, следуя логике определения данной категории Г. Б. Клейнером [Клейнер, 2016], мы принимаем за институт фискальный механизм регулирования отношений отчуждения, распределения и перераспределения созданных обществом благ, направляемых в пользу государства как субъекта публичного права.*

[5] *The State of Tax Justice 2024. Tax Justice Network. 2024. 19 November. URL: https://taxjustice.net/reports/the-state-of-tax-justice-2024/.*

[6] *ООН: из-за финансовых преступлений правительства теряют сотни миллиардов долларов, которые можно было бы потратить на социальное развитие / Новости ООН. 2020, 24 сентября. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386622.*

[7] *См. The disappearing taxpayer // The Economist. 1997. May 29. URL: https://www.economist.com/leaders/1997/05/29/the-disappearing-taxpayer.*

[8] *См.: Atlas of the Offshore World. URL: https://atlas-offshore.world.*

При этом масштабы подобной деятельности ТНК нарастают, и это характерно для всех стран и регионов мира.

Оценки, сделанные А. Кобхэмом и П. Янски в 2018 г., свидетельствуют о том, что в относительном выражении уклонение от уплаты налогов в результате перераспределения прибыли ТНК между юрисдикциями с высоким и низким уровнями налогообложения в большей степени сказывается на развивающихся странах, не являющихся членами ОЭСР: они в среднем недополучают налоговые поступления в размере около 1,3% ВВП (14 из них — от 3 до 7% ВВП). В то же время бюджетные потери большинства развитых стран — членов ОЭСР от недопоступлений корпоративного налога на прибыль не превышают 1% ВВП, составляя в среднем 0,66% ВВП [Cobham A., Janský, 2018].

Каковы институциональные предпосылки, влияющие на уклонение от уплаты налогов, и как их следует учитывать для минимизации подобной деятельности? Ответ на данные вопросы способствует лучшему пониманию механизма уклонения от уплаты налогов для исследователей-теоретиков и практиков в сфере финансов и налогообложения.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Из-за размытости понятия «уклонение от уплаты налогов» оно нуждается в четкой характеристике с институциональной точки зрения. Налоговый кодекс РФ такого определения в прямом смысле не дает (в ст. 122 и др. НК РФ используется термин «неуплата или неполная уплата налогов»), а толкования в российской экономической и юридической литературе, а также в Уголовном кодексе РФ (ст. 198 и 199 УК РФ) акцентируют внимание на умышленной противоправности соответствующих действий налогоплательщика[9]. В международной практике российскому термину «уклонение от уплаты налогов» в английском языке и англосаксонском праве наиболее точно будет соответствовать категория *tax evasion*, во французском — *l'évasion fiscale*.

Налоговое законодательство США (Section 7201 of Title 26 of the United States Code) характеризует уклонение от уплаты налогов (*tax evasion*) и налоговое мошенничество (*tax fraud*) — эти термины в английском языке синонимичны — как действия, когда люди или предприятия намеренно не выполняют свои налоговые обязательства[10]. Это классифицируется как серьезное преступление, за которое предусмотрено соответствующее наказание.

В соответствии с разъяснениями Правительства Великобритании, уклонение от уплаты налогов (tax evasion) — это незаконная неуплата или недоплата налогов, обычно в результате подачи недостоверной декларации (отсутствия декларации) о доходах, подлежащих налогообложению, что влечет за собой юридические санкции, если преступник будет пойман[11].

Во Франции уклонение от уплаты налогов (*l'évasion fiscale*) трактуется шире: это «серая зона» на стыке налоговой оптимизации и мошенничества. Уклонение охватывает все виды поведения отдельных лиц или предприятий, направленные на снижение суммы налогов, которые необходимо уплатить как обязательства субъектов налогообложения. Уклонение от уплаты налогов включает в себя деятельность, при которой отдельные физические лица или компании искусственно перемещают свои доходы или прибыль в юрисдикцию, отличную от той, в которой они ведут свою экономическую деятельность, и в которой налоговые ставки очень низкие или даже нулевые[12]. В данном контексте во Франции

---

[9] *Энциклопедия теоретических основ налогообложения / Под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016; 101 термин налогового права: крат. законодат. и доктринальное толкование / Н. А. Соловьева и др. Москва: Инфортропик Медиа, 2015.*

[10] *Tax Evasion. URL: https://www.thefederalcriminalattorneys.com/white-collar-crimes/tax-fraud.*

[11] *Anti-Tax Evasion Policy. URL: https://www.wiltshire.gov.uk/article/9907/What-is-Tax-Evasion.*

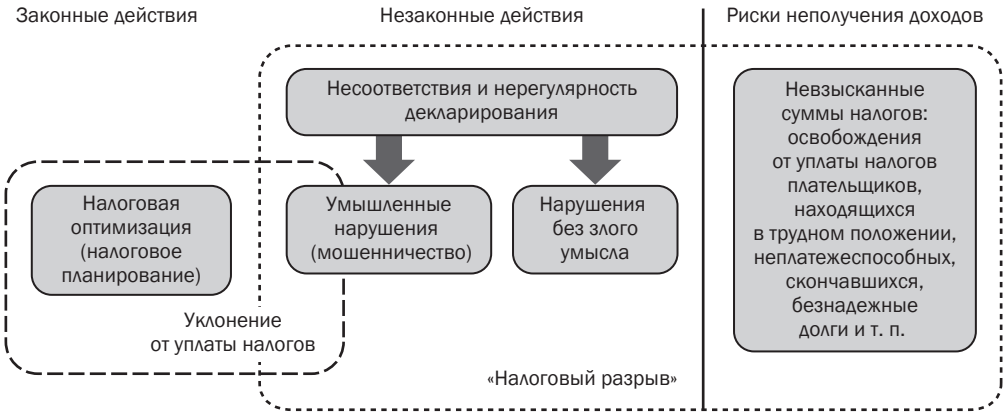
[12] *Évasion fiscale: définition, conséquences et solutions. OXFAM France, 2021. URL: https://www.oxfamfrance.org/inegalites-et-justice-fiscale/evasion-fiscale-definition-consequences-solutions/.*

и франкоязычных странах более близким к англоязычному термину *tax evasion* оказывается термин «налоговое мошенничество» (*fraude fiscale*), которому соответствует аналогичный термин англосаксонского права (*tax fraud*).

По сути, уклонение от уплаты налогов в его франкофонной интерпретации сочетает как англоязычное понятие tax avoidance (избежание налогов), которое предполагает легальные способы минимизации (оптимизации) налогов[13], так и определенные умышленные виды уменьшения налоговых обязательств, относящиеся к налоговому мошенничеству. Соответствующее разъяснение дано в трактовке уклонения от уплаты налогов Счетной палатой Франции (la Cour des comptes)[14]. На рис. 1 отражен взгляд Правительства Франции на уклонение от уплаты налогов, который можно считать расширенной трактовкой данного явления. На подобной интерпретации строятся оценки глобальной практики занижения налоговых обязательств физическими лицами и транснациональным бизнесом.

Рисунок 1

Уклонение от уплаты налогов: терминологическая характеристика в разъяснениях Счетной палаты Франции



Примечание: перевод автора.
Источник: Lettre de la DAJ — Détection de la fraude fiscale des particuliers: conclusions de la Cour des comptes. URL: https://www.economie.gouv.fr/daj/lettre-de-la-daj-detection-de-la-fraude-fiscale-des-particuliers-conclusions-de-la-cour-des.

Официальная российская точка зрения на уклонение от уплаты налогов схожа с американской и британской: в ней превалирует понимание данного явления как противозаконного [Подшивалова, 2021]. Неуплата налогов при этом характеризуется государством как экономическое преступление [Санина, 2012]. Тем не менее российские исследователи, так же как и в толковании уклонения от уплаты налогов французскими институциональными структурами (рис. 1), допускают расширенное понимание данного явления как включающего различные механизмы налоговой оптимизации, в том числе «избежание налогов» или «обход налогов» [Майбуров и др. (ред.), 2013]. Отметим более узкую трактовку уклонения от уплаты налогов, характерную для США, Великобритании и России, и более широкую, свойственную франкоязычным странам мира и глобальным институциональным исследованиям, затрагивающим неуплату налогов со стороны физических лиц и ТНК.

---

[13] *The Difference between Tax Avoidance and Tax Evasion. URL: https://apps.irs.gov/app/understandingTaxes/whys/thm01/les03/media/ws_ans_thm01_les03.pdf.*

[14] *Lettre de la DAJ — Détection de la fraude fiscale des particuliers: conclusions de la Cour des comptes. 23.11.2023. URL: https://www.economie.gouv.fr/daj/lettre-de-la-daj-detection-de-la-fraude-fiscale-des-particuliers-conclusions-de-la-cour-des.*

ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В ПОСТУЛАТАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Систематизируем основания и последствия уклонения от уплаты налогов с позиции институциональной экономики. При этом в соответствии с общепринятыми в России постулатами институциональной экономики, преподаваемой в вузах, мы будем считать институтами:

— правила игры, определяющие поведение организаций и индивидуумов в их хозяйственной активности;

— культурные, морально-этические и религиозные установки общества;

— организационные структуры, занимающиеся экономической деятельностью как на национальном, так и на межгосударственном уровне [Одинцова, 2009].

Схематически соответствующие основания и их последствия можно представить в виде нижеследующей таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Институциональные основания и последствия уклонения от уплаты налогов

Институциональные основания уклонения от уплаты налогов		
Нормативно-правовой подход:	**Экономико-поведенческий подход:**	**Морально-этический подход:**
— нарушение обязанности платить налоги; — необходимость наказания за уклонение от уплаты налогов	— искажение справедливости и разумности налогообложения; — соотнесение выгод и издержек, связанных с уклонением от уплаты налогов	— допустимость модели поведения, связанной с уклонением от уплаты налогов; — нарушение моральной и этической ответственности налогоплательщиков

Институциональные последствия уклонения от уплаты налогов для:				
государства:	**национальной экономики:**	**общества:**	**корпорации как бизнес-структуры и института развития:**	**межгосударственного взаимодействия по предотвращению:**
— подрыв финансовой базы (недофинансирование) для обеспечения безопасности, реализации экономической и социальной политики, поддержания общественной инфраструктуры и осуществления регуляторных функций; — формирование негативной государственной идентичности	— негативное влияние на развитие из-за оттока капиталов и инвестиций в низконалоговые юрисдикции; — испорченная репутация национальных бизнес-структур среди международных инвесторов (при масштабном характере уклонений от уплаты налогов)	— сокращение возможностей развития человеческого капитала из-за недофинансирования образования, здравоохранения, социального обеспечения; — нарушение канонов социальной справедливости в распределении и перераспределении созданных общественных благ	— нарушение условий конкуренции (необоснованная налоговая выгода); — создание офшорных фондов вне национального контроля регуляторов; — расхождение корпоративных интересов с интересами государства и общества	— недобросовестной международной налоговой конкуренции; — усиления позиций низконалоговых (офшорных) юрисдикций, поощряющих уклонение от уплаты налогов; — расширения масштабов глобальной преступной коммерческой деятельности

Источник: составлено автором.

Институциональными основаниями уклонения от уплаты налогов при этом будут являться: (1) нарушение *правил нормативно-правового характера*, закрепляющих обязанности по уплате налогов законодательным образом, что предусматривает наказание субъектов налогообложения за подобные деяния; (2) *экономико-поведенческие установки*, определяющие действия налогоплательщиков и их возможные намерения по сокрытию доходов от обложения; (3) искажение *морально-этических норм*, связанных с культурой и религиозными установками, характерными для общества и его предпринимательской среды.

В части институциональных последствий уклонения от уплаты налогов стоит выделить воздействие данного явления на деятельность таких институтов, как государство, общество,

корпорация. Кроме того, необходимо определить институциональное влияние уклонения от уплаты налогов на национальную экономику, затрагивающее ее развитие и интересы ряда хозяйствующих субъектов. Нужно также сделать акцент на глобальной характеристике уклонения от уплаты налогов, связанной с условиями международной налоговой конкуренции и позиционированием юрисдикций, специализирующихся на привлечении капиталов и инвестиций из-за рубежа путем низкого уровня налогов на доходы физических и юридических лиц.

Хотя уклонение от уплаты налогов представляет собой исключительно негативное явление для ведущих государств мира как институциональных субъектов налогового регулирования, однако для частных хозяйствующих субъектов данный процесс может способствовать сокращению издержек и оптимизации конечных финансовых результатов предпринимательской деятельности. Кроме того, определенные выгоды получают и низконалоговые юрисдикции, в которых размещены индивидуальные и корпоративные активы налоговых «уклонистов» из развитых стран мира и государств с развивающимися рынками.

Отметим, что настоящее исследование посвящено исключительно негативной составляющей уклонения от уплаты налогов для институциональных регуляторов ведущих стран мира. Ниже рассмотрим данную составляющую более подробно в институционально-теоретическом аспекте.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Среди основных подходов институциональной экономики, определяющих отношение как государства, так и субъектов налогообложения к уклонению от уплаты налогов, выделим следующие: (1) нормативно-правовой; (2) экономико-поведенческий; (3) морально-этический.

Нормативно-правовой подход, устанавливающий обязанность платить налоги и ответственность за их неуплату, связан со становлением и функционированием института государства, которое нуждается в финансовых ресурсах для своей деятельности. В данном случае государство выступает в качестве субъекта публичного права, действуя от имени своих предпринимательского и гражданского сообществ. В связи с этим неуплата налогов рассматривается государством как одно из самых тяжелых по своим последствиям правонарушений против экономики и общества. Тем не менее государство должно соизмерять налоговую нагрузку с экономическими возможностями субъектов налогообложения: необходимо облагать налогом рентный доход или прибыль, а не капитал; налоги должны носить умеренный характер, а их платеж должен осуществляться наиболее удобным для плательщика и дешевым для государства способом[15]. Нарушение данных установок со стороны государства снижает лояльность к нему со стороны граждан и бизнес-сообщества.

Когда возможности по легальной уплате налогов со стороны налогоплательщиков отсутствуют, в том числе из-за чрезмерно высокого уровня налогообложения, начинает преобладать уклонение от уплаты налогов [Canard, 1801]. Если уклонение приняло массовый характер и слишком жестко преследуется государством, которое развивает не инклюзивные, а экстрактивные институты (см., напр.: [Аджемоглу, Робинсон, 2015]), то это может вылиться в революционные протесты, за которыми последует слом прежней системы государственных институтов и становление новой, с более подходящими текущим условиям институтами налогообложения. К примеру, Американская революция конца XVIII в. и подписание в 1776 г. Декларации независимости США трактуется как «колониальное

[15] *Свод данных принципов получил название «правил налогообложения», которые разработали классики экономической науки, в частности А. Смит.*

восстание против налогов» и «налоговые баталии за более совершенный союз» [Адамс, 2018, с. 301–328]. В современной истории налогообложения массовое недовольство налогоплательщиков налоговой политикой действующих правительств, как правило, приводит к приходу к власти в результате выборов политических сил, предлагающих налоговую повестку, в которой заинтересована бóльшая часть избирателей.

Возможность влияния налогоплательщиков на нормативно-правовой подход государства с институциональной точки зрения может трактоваться постулатами структуры деловой культуры общества, для которого свойственна короткая или длинная дистанция власти. Это направление исследований предложил и развивал Г. Хофстеде [Hofstede, 1980]. Расчетный индекс дистанции власти по Хофстеде, который может объяснить бóльшие или меньшие возможности установления правил налогообложения, к которым был бы лоялен плательщик, для некоторых стран мира представлен в табл. 2. Страны с более низким индексом имеют больше возможностей влияния общества, включая его гражданские и предпринимательские сообщества, на позиции государства и законодателей (левая сторона табл. 2). Напротив, страны с высоким индексом дистанции власти (правая сторона табл. 2) имеют меньше возможностей для оперативных корректировок налогообложения, в которых заинтересованы граждане и бизнес. Соответственно, склонность к уклонению от уплаты налогов, связанная с бóльшей дистанцией власти по Хофстеде, в данном случае будет выше в группе последних государств.

Таблица 2

Индекс дистанции власти по Хофстеде

Группы стран мира в соответствии с балльной оценкой дистанции власти (результаты получены в ходе исследования Г. Хофстеде)					
Низкая дистанция власти		Средняя дистанция власти		Высокая дистанция власти	
1–20	21–40	41–60	61–80	81–100	101–120
18 Дания 13 Израиль 11 Австрия	40 США 38 Нидерланды 36 Австралия 35 Великобритания 35 Германия 34 Швейцария 33 Финляндия 31 Норвегия 31 Швеция 28 Ирландия 22 Н. Зеландия	60 Ю. Корея 58 Иран 58 Тайвань 57 Испания 57 Чехия 55 Пакистан 54 Япония 50 Италия 49 Аргентина 49 ЮАР 46 Венгрия	80 Китай 80 Египет 80 Кувейт 80 ОАЭ 78 Индонезия 77 Индия 77 Нигерия 74 Сингапур 69 Бразилия 68 Гонконг 68 Польша 66 Турция 68 Франция 65 Бельгия 64 Таиланд	95 Панама 94 Филиппины 81 Венесуэла 81 Мексика	101 Малайзия

Источник: Power distance index. URL: https://clearlycultural.com/geert-hofstede-cultural-dimensions/power-distance-index/.

Наличие пробелов в налоговом праве, т. е. отсутствие в источниках права нормы, регламентирующей отношения в области правового регулирования налогообложения [Демин, 2010], исходя из расширенного подхода к уклонению от уплаты налогов, инициирует т. н. обход или избежание налогов (*tax avoidance*). Подобная деятельность как раз и находится в «серой зоне» операций по налоговой оптимизации физических и юридических лиц, в особенности ТНК.

Экономико-поведенческий подход, объясняющий намерения уклоняться от уплаты налогов, с институциональной точки зрения может быть представлен теорией человеческого поведения Г. Беккера, объясняющего преступные намерения рациональными экономическими расчетами [Becker, 1974; Беккер, 2003]. По Беккеру, в основе правонарушений,

включая уклонение от уплаты налогов, лежит сопоставление соответствующих выгод и издержек со стороны как лиц, преступающих закон, так и государства. Налогоплательщики оценивают вероятность обнаружения своих неправомерных действий и размер наказания, который за этим последует. Государство, в свою очередь, учитывает издержки по выявлению нарушителей и установлению их вины. Следуя подходу Беккера, чем ниже будет размер налогов при высокой вероятности обнаружения уклонения от них, тем меньше подобные действия будут популярны у налогоплательщиков. Напротив, если выгода от уклонения от уплаты налогов будет велика даже при растущем риске попасться, масштабы налоговых правонарушений будут заметнее.

Многие страны мира персонифицируют ответственность за уклонение от уплаты налогов, поэтому в постулатах концепции экономического поведения Г. Беккера масштабы сокрытия доходов от налогообложения со стороны юридических лиц при прочих равных условиях предполагаются бóльшими, чем для индивидуумов. Персональная вина за такие преступные действия со стороны наемных менеджеров компаний, как правило, законодательно не определена, а штрафные санкции при обнаружении уклонения от уплаты налогов не затрагивают личные доходы управляющих и бухгалтеров.

Выводы Г. Беккера разделяют В. Танци и П. Шом, которые считают, что теоретические объяснения уклонения от уплаты налогов находятся исключительно в области оценки рисков налогоплательщиков и наличия у них полной информации о действиях налоговых администраций[16].

Морально-этический подход к уклонению от уплаты налогов формируется длительным историческим сочетанием развития религиозных и морально-нравственных устоев общества. Результаты исследования, проведенного Б. Торглером [Torgler, 2003], показывают, что религиозность повышает налоговую мораль. Причем религиозный фактор оказывается достаточно значимым даже с учетом коррупции, доверия к партнерам, возраста, экономического положения, образования, пола, семейного положения и статуса занятости. Таким образом, по Тоглеру, в компаниях, где руководство и сотрудники являются добропорядочными прихожанами (не важно какой церкви), стремление руководствоваться в бизнесе налоговой моралью и этикой будет выше, чем в бизнес-структурах, для которых религиозный фактор менее существенен.

Аналогичное исследование, выполненное Д. Буном, И. Кхураной и К. Раманом [Boone et al., 2013], также показывает, что религиозность является важным фактором, определяющим возможность уклонения от уплаты налогов корпоративными налогоплательщиками. Ученые обнаружили, что юридические лица со штаб-квартирами в более религиозных округах США реже уклоняются от налогов. В целом религиозность, по их мнению, связана с меньшим уклонением от уплаты налогов.

Если ответственность за уклонение от уплаты налогов определяется не общественным порицанием с морально-этической и религиозной точек зрения, а зависит только от размера штрафа или срока тюремного заключения или общественно полезных работ в виде наказания, то уровень восприятия налогового законодательства со стороны субъектов налогообложения в таком сообществе оказывается ниже. Таким образом, субъективно-идеологические причины уклонения от уплаты налогов, зависящие от морально-этических и религиозных установок в обществе и государстве, крайне важны для институционального понимания налоговой ответственности юридических лиц [Тищенко, Енина-Березовская, 2011].

Публично-правовые законы — по И. Канту, философия которого важна для понимания морально-этических основ предпринимательства, — обладают признаками принуждения в установлении общественного порядка, включая обязанность платить налоги. Этически

---

[16] *A Primeron Tax Evasion. IMF, 1993. March 1. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/A-Primeron-Tax-Evasion-1025.*

субъекты предпринимательской активности могут быть объединены и под началом общественных законов, руководствуясь добродетельностью в своем стремлении жертвовать часть заработанных доходов ради общего блага (понимание налогов как обязанностей — добродетелей, отсутствие которых неэтично и аморально) [Кант, 1980].

Исследование воздействия религии на предпринимательство, проведенное М. Вебером [Вебер, 2021], показывает, что наиболее успешными в предпринимательской активности оказывались те, кто исповедовал духовно-нравственные ценности, основанные на внутренних моральных законах, свойственных протестантству. Для России это было характерно также для старообрядчества (примеры добровольных пожертвований на общественные нужды, включая финансирование здравоохранения и образования, со стороны московских и сибирских промышленников и купцов[17]), а для Китая, Кореи и Японии необходимо принять во внимание конфуцианство, близкое по своим идеям к философии И. Канта и протестантской этике М. Вебера. Применяя концепцию М. Вебера для характеристик распространенности уклонения от уплаты налогов и его зависимости от влияния соответствующих религий, можно заметить, что в странах с доминирующей протестантской религией (скандинавские государства), протестантских кантонах Швейцарии и землях Германии, а также среди исповедующих конфуцианство китайских и корейских предпринимателей налоговое мошенничество, как правило, распространено меньше, чем в государствах и отдельных их регионах, где превалируют иные религиозные конфессии, в рамках которых морально-этические основы отношения к окружающему миру и добродетельность не индивидуализируются.

Особняком применительно к религиозному воздействию на уклонение от уплаты налогов в ряду ведущих стран мира стоят США и Великобритания, часть населения которых исповедует протестантизм в его различных версиях (англиканская, евангелическо-лютеранская, баптистская церковь и др.). Здесь стоит отметить, что собственно протестантское население США, строго придерживающееся религиозных традиций главной линии протестантизма, — это всего лишь 15% жителей данной страны[18]. Кроме того, характерное для США и Великобритании англосаксонское право, признающее, в отличие от континентального европейского права, механизм трастового управления собственностью, который способствует офшорной деятельности юридических и физических лиц по размещению своих активов в низконалоговых юрисдикциях (см., напр.: [Урри, 2017]), по сути, является мощным инструментом подавления морально-этических основ протестантства. В данной связи для англиканской Великобритании и ее зависимых территорий, а также для большей части США прямой зависимости между приверженностью протестантизму и воздержанием от уклонения от уплаты налогов не прослеживается. Напротив, США и Великобритания в силу расширенных возможностей доверительного (трастового) управления имуществом лидируют среди стран, физические и юридические лица которых склонны обращаться к различным способам минимизации своего налогового бремени, включая уклонение от уплаты налогов.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Прежде всего, уклонение от уплаты налогов наносит ущерб государству как основному институту общественного и экономического устройства. Неисполнение физическими и юридическими лицами налоговых обязательств подрывает способность государства

---

[17] *Отметим в данном контексте строительство Морозовской больницы в Москве на средства мецената А. В. Морозова — представителя знаменитой старообрядческой купеческой династии Морозовых, а также создание Томского университета на благотворительные взносы промышленников и купцов-старообрядцев.*

[18] *US States by Mainline Protestant Population. URL: https://www.worldatlas.com/articles/us-states-by-mainline-protestant-population.html.*

обеспечить своим резидентам базовый набор услуг, связанных с безопасностью и финансированием программ в рамках исполнения гарантий по общественному договору между государством и его гражданами. Сокращение налоговых поступлений сужает финансовую базу существования государства, делает его слабым, провоцируя не только институциональный кризис, но и угрозу национальному суверенитету с возможным внешним вмешательством более сильных в финансовом смысле стран.

Для национальной экономики и общества уклонение от уплаты налогов означает сокращение возможностей развития и устойчивого роста из-за недопоступления денежных средств на финансирование объектов инфраструктуры и социальных институтов (транспортная система, образование, здравоохранение, социальное обеспечение), а также общественного воспроизводства (сокращение объемов выпуска продукции из-за переноса части деятельности за рубеж, в офшорные юрисдикции; уменьшение заработной платы и социальных гарантий персоналу компаний, уклоняющихся от уплаты налогов). При этом нарушаются принципы социальной справедливости в распределении и перераспределении доходов с использованием механизмов налогообложения, ухудшается качество человеческого капитала, что идет вразрез с долгосрочными целями государственного, общественного и корпоративного развития. Злоупотребления в виде уклонения от уплаты налогов в национальной экономике создают отрицательную репутацию и для потенциальных иностранных инвесторов, в особенности из стран с высоким уровнем налоговой культуры. Степень уклонения от уплаты налогов, таким образом, учитывается при оценке инвестиционного климата страны с целью принятия во внимание репутационных рисков добропорядочных юридических лиц.

С точки зрения институциональной структуры корпорация является не только ключевым субъектом предпринимательской деятельности юридических лиц, но и важным институтом развития национальной и мировой экономики. Соответственно, уклонение корпораций от уплаты налогов может нарушить конкурентную среду [Hebous, 2021], создав необоснованные выгоды для тех, кто ведет свою деятельность либо недобросовестно (налоговое мошенничество), либо создает финансовые фонды вне доступа национальных регуляторов (в офшорных компаниях и трастах) [Урри, 2017; Канашевский, 2015]. Уклонение от уплаты налогов демонстрирует и расхождение корпоративных интересов с интересами государства и общества, формируя группы юридических лиц, деятельность которых не соответствует декларируемым в государстве правилам и целям социально-экономического развития [Санина, 2012].

Международная институциональная среда, способная воспрепятствовать уклонению от уплаты налогов физическими и юридическими лицами, представлена на рис. 2. Ее основная задача — нейтрализация недобросовестной (губительной) налоговой конкуренции (*harmful tax competition*), которую стимулируют низконалоговые офшорные юрисдикции для привлечения доходов и инвестиций из-за рубежа. Кроме того, воздействие на глобальную криминальную активность физических и юридических лиц, участвующих в схемах уклонения от уплаты налогов, невозможно без консолидации усилий на межгосударственном уровне по линии соответствующих институциональных структур.

Вершиной межгосударственной системы институционального регулирования уклонения от уплаты налогов являются международные организации, специализирующиеся на координации налогообложения. Важнейшей из них, разрабатывающей международные правила поведения как физических, так и транснациональных юридических лиц в налоговой среде, на сегодняшний день является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ее деятельность необходима как для координации обмена информацией по налоговым вопросам между странами, так и для разработки реальных инструментов предотвращения уклонений от уплаты налогов в глобальных масштабах.

Рисунок 2

Международная институциональная среда, препятствующая уклонению от уплаты налогов

Международные организации налогового регулирования	
Межправительственные организации	**Негосударственные организации**
Глобальные: — Группа 20 (G 20) (общая стратегия налогового регулирования); — ОЭСР, ООН (основные межправительственные налоговые регуляторы); — МВФ, ЮНКТАД (административная и теоретико-методологическая поддержка налогового регулирования); — ВТО (недискриминационные меры регулирования торговли и инвестиций, включая налогообложение)	**Профессиональные объединения:** Международная налоговая ассоциация (IFA) **Информационно-просветительские:** Международное бюро фискальной документации (IBFD) и др. **Активистско-инициативные:** Сеть налогового правосудия (Tax Justice Network); Ассоциация по налогообложению финансовых операций и защите граждан (ATTAC)
Региональные (институциональные структуры в рамках региональной экономической интеграции): Европейская комиссия, Евразийская экономическая комиссия, Межпарламентская ассамблея стран СНГ и др.	**Исследовательские:** Обсерватория налоговых исследований Европейского союза (EU Tax Observatory) и др.

Международные правила и нормы, направленные на предотвращение уклонения от уплаты налогов	
Межправительственные соглашения двустороннего и многостороннего характера об обмене информацией в налоговых целях и административно-правовом сотрудничестве по налоговым вопросам	Неофициальные инициативы по соблюдению этических норм (морального кодекса) ведения бизнеса с целью недопущения уклонения от уплаты налогов
Инициатива против размывания налоговой базы и перевода прибыли ТНК в низконалоговые юрисдикции (План BEPS) **Директива ЕС против практики уклонения от уплаты налогов на внутреннем рынке**	Предложения по ужесточению налогового контроля деятельности физических лиц с высокими доходами и транснациональных бизнес-структур и введению для них особых налогов, которые могут быть направлены на цели глобального развития

Транснациональные корпорации и физические лица с высоким уровнем доходов как объекты регулирования

Источник: рисунок автора.

Так, исследование, проведенное С. Биром, М. Коэло и С. Ледюком, показало, что введение автоматического обмена информацией по налоговым вопросам между странами мира при непосредственном участии ОЭСР сократило количество депозитов, принадлежащих иностранным компаниям, в офшорных юрисдикциях в период с 1995 по 2018 г. в среднем на 25%. Результаты исследования подтверждают, что автоматический (а не по запросу) обмен информацией заметно влияет на трансграничные депозиты в офшорных юрисдикциях, для которых характерны низкие ставки подоходных налогов и конфиденциальность [Beer et al., 2019].

Под эгидой стран Группы 20 в 2013 г. ОЭСР предложила Инициативу, направленную против размывания налоговой базы и перевода прибыли ТНК в низконалоговые юрисдикции (План BEPS)[19], реализация которой препятствует не только налоговому

[19] *Base erosion and profit shifting (BEPS). URL: https://www.oecd.org/en/topics/base-erosion-and-profit-shifting-beps.html.*

мошенничеству со стороны ТНК, но и операциям по налоговой оптимизации. В отношении деятельности юридических лиц это содействует борьбе с уклонением от уплаты налогов в его расширенной трактовке.

Важную административную роль в предотвращении налоговых и финансовых преступлений играет Международный валютный фонд (МВФ), задачей которого стала информационная и консультативная поддержка национальных правительств в совершенствовании налогового регулирования[20]. Комиссия Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) также оказывает консультационную поддержку национальным правительствам, предлагая методологическую основу для оценки налоговых рисков при осуществлении незаконных международных финансовых операций[21].

Наряду с Планом BEPS, для предотвращения уклонения от уплаты налогов на международном уровне важно расширение взаимодействия в рамках интеграционных сообществ стран. Так, государства Европейского союза (ЕС) в 2016 г. ввели собственные правила, препятствующие уклонению от уплаты налогов, — «европейский BEPS»[22]. Это затрудняет «агрессивное налоговое планирование» со стороны ТНК, ведущих свою деятельность на внутреннем рынке стран ЕС.

Кроме межгосударственных инициатив по предотвращению практики уклонения от уплаты налогов, в современном мире значение имеют и международные предложения со стороны негосударственных организаций и структур. Это могут быть как призывы к соблюдению этики и культуры ведения бизнеса от имени гражданских и предпринимательских сообществ, что распространяется и на ответственное отношение к исполнению налоговых обязательств, так и обращения к людям с высоким уровнем доходов и ТНК для обеспечения финансовой базы глобального развития, поступающие от радикальных структур вроде Ассоциации по налогообложению финансовых операций и защите граждан (ATTAC). Данная неправительственная организация в целях обеспечения социальной справедливости для индивидуумов выступает, в частности, за бóльшую фискальную ответственность транснациональных банков и компаний[23].

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УКЛОНЕНИЙ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Современная геополитическая ситуация оказывает влияние на институциональную трансформацию международного налогового регулирования. Если к моменту начала финансового кризиса 2008–2009 гг. лишь одна организация — ОЭСР — оказалась в состоянии взять на себя функции глобального налогового регулятора, объединив под своей эгидой как развитые страны, так и развивающиеся экономики, не входящие в данную организацию, то к середине 2020-х гг. конфигурация системы мирохозяйственных связей начала меняться. И страны Глобального Юга, представительство которых в ОЭСР незначительно, и поддерживающие их политики государств Глобального Запада выступили инициаторами изменения прежнего подхода к экономическому развитию и налоговому

---

[20] *МВФ и борьба с незаконными финансовыми потоками. МВФ. URL: https://www.imf.org/ru/About/Factsheets/Sheets/2023/Fight-against-illicit-financial-flows.*

[21] *Обновленный проект для пилотного тестирования. Методологическое руководство по оценке налоговых и коммерческих незаконных финансовых потоков. Методы для пилотного тестирования. ЮНКТАД, 2021. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/IFF_GuidelinesForPilot_RUS.pdf.*

[22] *COUNCIL DIRECTIVE (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market // Official Journal of the European Union. L 193/2. 19.7.2016. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/1164/oj/eng/pdf.*

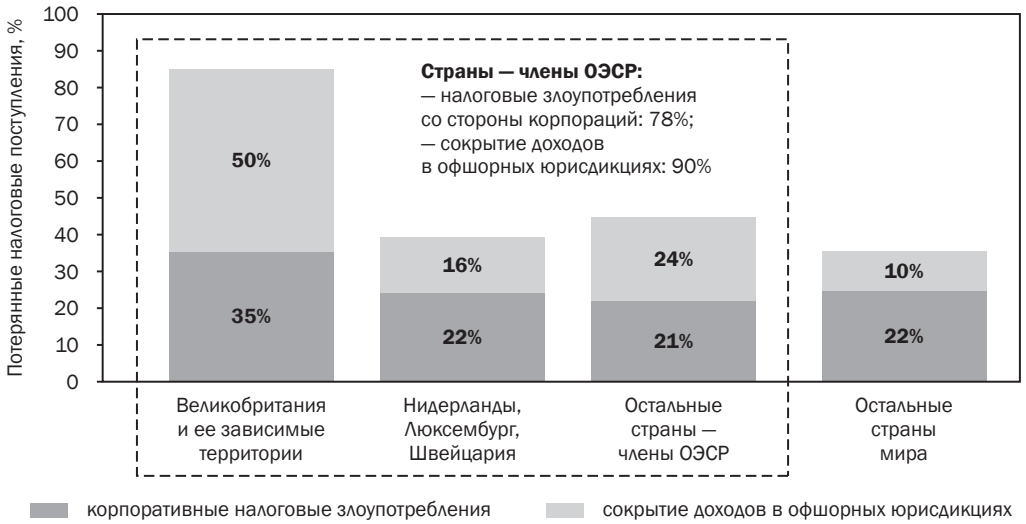
[23] *Сайт ATTAC. URL: https://france.attac.org/.*

регулированию[24]. Очевидно, что потенциал налогового регулирования, в том числе в части предотвращения уклонения от уплаты налогов, оказывается выше у структур ООН, в которой состоят более 190 стран мира, чем у ОЭСР, членами которой являются 38 государств, и при этом ни одна из крупнейших развивающихся экономик планеты, таких как Китай, Индия, Бразилия, Россия, Индонезия, Саудовская Аравия, Аргентина, ОАЭ, Таиланд, в эту организацию не входит.

К примеру, в Африке, ни одна из стран которой не состоит в ОЭСР (статусом наблюдателя в данной организации обладает только ЮАР), ежегодно незаконные финансовые потоки, не подпадающие под налогообложение, оцениваются в 50 млрд долл. США. Всего за последние 50 лет Черный континент недосчитался около 1 трлн долл. активов, выведенных из-под налогообложения. Примерно в такую же сумму за тот же период оценивается и международная помощь Африке. Соответственно, необходимы меры налогового регулирования, принятию и реализации которых могла бы способствовать деятельность ООН, чтобы снизить налоговые потери стран Африки в результате уклонения от уплаты налогов. Именно с такой целью для всего глобального сообщества Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН инициирован Проект международного налогового сотрудничества по предотвращению уклонения от уплаты налогов для повышения справедливости, прозрачности и эффективности налоговых систем[25]. ООН могла бы стать такой глобальной институциональной структурой, которая в большей степени отвечает интересам всех стран мира в части международного налогового регулирования, направленного на нейтрализацию уклонения от уплаты налогов, в том числе с использованием ТНК и обеспеченных физических лиц офшорных юрисдикций[26].

Рисунок 3

Вклад различных стран мира (в относительном выражении, в процентах) в глобальную потерю налоговых поступлений



Источник: Why the World Needs UN Leadership on Global Tax Policy. URL: https://taxjustice.net/2023/07/25/why-the-world-needs-un-leadership-on-global-tax-policy/.

---

[24] *U.N. Revisits the International Tax Architecture // Forbes. 2023. June 26. URL: https://www.forbes.com/sites/taxnotes/2023/06/26/un-revisits-the-international-tax-architecture/.*

[25] *Смерть и налоги. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: https://www.un.org/ru/desa/death-and-taxes.*

[26] *Why the World Needs UN Leadership on Global Tax Policy. Tax Justice Network, 2023. July. URL: https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2023/08/Why-the-world-needs-UN-leadership-Briefing-Tax-Justice-Network.pdf.*

Несовершенство ОЭСР как институционального налогового регулятора, который не препятствует глобальным потерям налогооблагаемой прибыли, подчеркивается в Отчете о состоянии налоговой справедливости в 2024 г., выпущенном Сетью налогового правосудия (*Tax Justice Network*)[27]. По оценкам TJN, государства ОЭСР принимают на себя бóльшую часть финансовых активов, выводимых из-под налогообложения (рис. 3 дает представление о юрисдикциях, в наибольшей степени вовлеченных в процесс сокрытия доходов от налогообложения).

Для совершенствования глобального налогового регулирования, препятствующего уклонению от уплаты налогов, ООН в настоящее время выступает с предложением по обновлению Типового налогового соглашения ООН (ТНС ООН)[28]. В основе текста ТНС ООН лежат иные подходы, чем для широко распространенной в мире основы заключения межправительственных налоговых соглашений в виде Модельной налоговой конвенции ОЭСР (МНК ОЭСР). Преобладание принципа удержания налога у источника его образования как основной концепции ТНС ООН (в противовес принципу резидентства МНК ОЭСР) будет в большей степени служить налоговой справедливости и нейтрализации налоговой оптимизации, построенной на переводе доходов ТНК в низконалоговые юрисдикции по льготным ставкам соглашений об избежании двойного налогообложения в соответствии со стандартами ОЭСР. Как ожидается, обновленное ТНС ООН будет лучше способствовать интересам стран Глобального Юга, чем МНК ОЭСР, в том числе и в деле предотвращения избегания уплаты налогов со стороны ТНК и налогоплательщиков — физических лиц с высоким уровнем доходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Институциональные факторы оказывают значимое влияние на уклонение от уплаты налогов, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Формальные правила налогообложения, устанавливаемые государством, а также негласные морально-этические нормы определяют соответствующее поведение физических лиц и корпоративных хозяйствующих субъектов. Деятельность межгосударственных институциональных структур налогового регулирования занимает важное место в международной системе противодействия уклонению от уплаты налогов.

2. Существующая в мире институциональная структура межгосударственного налогового регулирования в большей степени отвечает интересам стран Глобального Запада, позволяя переводить и накапливать скрытые от налогообложения доходы физических лиц и ТНК в юрисдикции государств — членов ОЭСР и подконтрольных им территорий. Придание более весомой роли ООН и ее институтам в глобальном налоговом регулировании, совершенствование нормативно-правовой базы будет способствовать интересам всего мирового сообщества, часть стран и даже отдельные континенты которого в настоящее время лишены возможности участвовать в международных налоговых процессах.

3. Россия, которая по-новому идентифицирует себя в мировом сообществе и стремится играть более активную роль в глобальных трансформационных процессах, заинтересована в становлении новой системы международного налогового регулирования, нацеленной на предотвращение уклонений от уплаты налогов, под эгидой теперь уже не ОЭСР, а ООН.

---

[27] *State of Tax Justice 2024. The Tax Justice Network. 2024. November. URL: https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2024/11/State-of-Tax-Justice-2024-English-Tax-Justice-Network.pdf.*

[28] *Travers E. Why the world needs a UN global tax convention // UN News. 2024. August 16. URL: https://news.un.org/en/story/2024/08/1153301.*

Список источников

1. Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. Москва; Челябинск: Социум, Мысль, 2018. 639 с.
2. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Москва: Издательство АСТ, 2015. 665 с.
3. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: АСТ, 2021. 352 с.
5. Демин А. А. Нормы налогового права. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 410 с.
6. Канашевский В. А. Правовой режим офшорных компаний и трастов: монография. Москва: Международные отношения, 2015. 184 с.
7. Кант И. Трактаты и письма. Москва: Издательство Наука, 1980. 710 с.
8. Клейнер Г. Б. Институты: определение, признаки и направления исследования // Управление. 2016. Т. 13. № 3. С. 5–11. https://doi.org/10.12737/21290.
9. Одинцова М. И. Институциональная экономика. Москва: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009.
10. Подшивалова Д. Я. Подход Российской Федерации к понятию «уклонение от налогообложения» // Государство и право. 2021. № 8. С. 164–170. https://doi.org/10.31857/S102694520011577-5.
11. Полежарова Л. В. Международное налогообложение: современная теория и методология. Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2016. 416 с.
12. Кириенко А. П. (ред.). Проблемы противодействия уклонению от уплаты налогов на современном этапе развития российской налоговой системы: материалы международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 20–21 сентября 2012 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. 298 с.
13. Санина А. Г. Уклонение от уплаты налогов как фактор формирования отрицательной государственной идентичности // Государство и право. 2012. № 9. С. 65–71.
14. Тищенко А. Н., Енина-Березовская А. А. Основные причины уклонения от уплаты налогов // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». 2011. № 4. С. 119–125.
15. Майбуров И. А. и др. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения / Под ред. И. А. Майбурова, А. П. Киреенко, Ю. Б. Иванова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 383 с.
16. Урри Д. Офшоры. Москва: Издательский дом «Дело», 2017. 288 с.
17. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Essays in the Economics of Crime and Punishment. Ed. by Becker G. and Landes W. NBER, 1974. URL: https://www.nber.org/system/files/chapters/c3625/c3625.pdf.
18. Beer S., Coelho M., Leduc S. Hidden Treasures: The Impact of Automatic Exchange of Information on Cross-Border Tax Evasion // IMF Working Paper WP/19/286. International Monetary Fund, 2019.
19. Boone J., Khurana I., Raman K. Religiosity and Tax Avoidance // Journal of the American Taxation Association. 2013. Vol. 35. No. 1. P. 53–84. https://doi.org/10.2308/atax-50341.
20. Canard N. F. Principes d'économie politique. Paris: F. Boisson, 1801. 236 p.
21. Cobham A., Janský P. Global distribution of revenue loss from corporate tax avoidance: re-estimation and country results // Journal of International Development. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 206–232. https://doi.org/10.1002/jid.3348.
22. Global Tax Evasion Report 2024. EU Tax Observatory, 2023. URL: https://www.taxobservatory.eu//www-site/uploads/2023/10/global_tax_evasion_report_24.pdf.
23. Hebous S. Has Tax Competition became Less Harmful // Corporate Income Taxes under Pressure. Ed. by R.A. de Mooij et al. Washington: International Monetary Fund, 2021.
24. Hofstede G. Culture's consequences, international differences in work-related values. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1980. 475 p.
25. Rapakko A. Base company taxation. Deventer, Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1989. 256 p.
26. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 1776.
27. Torgler B. The Importance of Faith: Tax Morale and Religiosity // CREMA Working Paper. No. 2003-08. Basel: Center for Research in Economics, Management and the Arts. URL: https://www.econstor.eu/ bitstream/10419/214284/1/2003-08.pdf.

References

1. Adams C. (2018). The impact of taxes on the development of civilization. Moscow; Chelyabinsk: Socium, Mysl'. 639 p. (in Russ.).
2. Acemoğlu D., Robinson D. (2015). Why are some countries rich and others poor? Moscow: AST Publishing. 665 p. (in Russ.).
3. Becker G.S. (2003). Human behavior: an economic approach. Moscow: GU VSE. 672 p. (in Russ.).
4. Weber M. (2021). Protestant ethics and the Spirit of Capitalism. Moscow: AST. 352 p. (in Russ.).
5. Demin A.A. (2010). The norms of tax law. Krasnoyarsk: Siberia Federal University. 410 p. (in Russ.).
6. Kanashevskiy V.A. (2015). Legal regime of offshore companies and trusts. Moscow: International Relations. 184 p. (in Russ.).

7. Kant I. (1980). Treatises and letters. Moscow: Nauka Publishing. 710 p. (in Russ.).
8. Kleiner G.B. (2016). Institutes: definition, signs and directions of research. *Management*, 13 (3), 5–11 (in Russ.). https://doi.org/10.12737/21290.
9. Odintsova M.I. (2009). Institutional economy. Moscow: Publishing House of the State University — Higher School of Economics. 397 p. (in Russ.).
10. Podshivalova D.Y. (2021). The approach of the Russian Federation to the concept of "tax evasion". *State and law*, 8, 164–170 (in Russ.).
11. Polezharova L.V. (2026). International taxation: modern theory and methodology. Moscow: Magister: INFRA-M. 416 p. (in Russ.).
12. Kirienko A.P. (ed.) (2012). Problems of countering tax evasion at the current stage of development of the Russian tax system. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, September 20–21. Irkutsk: BGUEP Publishing. 298 p. (in Russ.).
13. Sanina A.G. (2012). Tax evasion as a factor in the formation of a negative State identity. *State and law*, 9, 6–71 (in Russ.).
14. Tishshenko A.N., Enina-Berezovskaya A.A. (2011). The main reasons for tax evasion. *Bulletin of Ural Federal University. The series "Economics and Management"*, 4, 119–125 (in Russ.).
15. Mayburov I.A. (2013). Tax evasion. Problems and solutions. Ed. by I.A. Mayburov, A.P. Kireenko, Y.B. Ivanov. Moscow: UNITY-DANA. 383 p. (in Russ.).
16. Urri D. (2017). Offshores. Moscow: DELO Publishing House. 288 p. (in Russ.).
17. Becker G. (1974). Crime and Punishment: An Economic Approach. Essays in the Economics of Crime and Punishment. Ed. by G. Becker and W. Landes. NBER. Available at: https://www.nber.org/system/files/chapters/c3625/c3625.pdf.
18. Beer S., Coelho M., Leduc S. (2019). Hidden Treasures: The Impact of Automatic Exchange of Information on Cross-Border Tax Evasion. IMF Working Paper WP/19/286.
19. Boone J., Khurana I., Raman K. (2013). Religiosity and Tax Avoidance. *Journal of the American Taxation Association*, 35 (1), 53–84. https://doi.org/10.2308/atax-50341.
20. Canard N.F. (1801). Principes d'économie politique. Paris: F. Boisson. 236 p.
21. Cobham A., Janský P. (2018). Global distribution of revenue loss from corporate tax avoidance: re-estimation and country results. *Journal of International Development*, 30 (2), 206–232. https://doi.org/10.1002/jid.3348.
22. EU Tax Observatory (2023). Global Tax Evasion Report 2024. Available at: https://www.taxobservatory.eu//www-site/uploads/2023/10/global_tax_evasion_report_24.pdf.
23. Hebous S. (2021). Has Tax Competition became Less Harmful. Corporate Income Taxes under Pressure. Eds. R.A. de Mooij, A.D. Klemm and V.J. Perry. Washington: International Monetary Fund, 8–106.
24. Hofstede G. (1980). Culture's consequences, international differences in work-related values. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. 475 p.
25. Rapakko A. (1989). Base company taxation. Deventer [Netherlands]; Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers. 256 p.
26. Smith A. (1776). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London.
27. Torgler B. (2003). The Importance of Faith: Tax Morale and Religiosity. *CREMA Working Paper*. No. 2003-08. Basel: Center for Research in Economics, Management and the Arts (CREMA). Available at: https://www.econstor.eu/ bitstream/10419/214284/1/2003-08.pdf.

Информация об авторе

***Александр Игоревич Погорлецкий**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

Information about the author

***Alexander I. Pogorletskiy**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg; Chief Researcher of the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow*

Статья поступила в редакцию 11.03.2025
Одобрена после рецензирования 20.05.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted March 11, 2025
Approved after reviewing May 20, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-72-89

CC BY

Применение инструментов обеспечения бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости в российских регионах

Наталья Евгеньевна Барбашова
E-mail: barbashova-ne@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-1614-7368
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Ольга Владимировна Сучкова
E-mail: suchkova-ov@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-3378-9426
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Одной из приоритетных задач бюджетной политики Российской Федерации является обеспечение долгосрочной сбалансированности и долговой устойчивости на всех уровнях бюджетной системы. Для решения данной задачи субъекты Российской Федерации реализуют программы и комплексы мероприятий в сфере повышения качества управления финансами. Цель данной статьи — выявление инструментов управления региональными финансами, применение которых наиболее эффективно.
В работе проанализированы теоретические подходы к использованию инструментов управления региональными финансами. Проведен обзор программ и комплексов мероприятий, направленных на повышение эффективности и качества управления финансами, используемых субъектами Российской Федерации в период с 2000 до начала 2025 г. На основе эконометрического анализа выявлены направления региональных программ управления финансами, реализация которых оказывает положительное влияние на бюджетную сбалансированность и долговую устойчивость регионов. В число таких направлений вошли ограничение дефицита бюджета региона, ограничение величины регионального и муниципального долга, установление графика погашения долга, стимулирование роста доходов, сокращение неэффективных расходов. На основе анализа практики субъектов Российской Федерации, продемонстрировавших значительное улучшение параметров бюджетного баланса и государственного долга в 2014–2023 гг., составлен перечень наиболее эффективных мер по ограничению дефицита и долга, использование которых рекомендуется в рамках реализации региональных программ управления финансами.

Ключевые слова: *инструменты управления региональными финансами, сбалансированность бюджета, долговая устойчивость*

JEL: *H61, H62, H63*

Финансирование: *статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.*

Для цитирования: *Барбашова Н. Е., Сучкова О. В. Применение инструментов обеспечения бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости в российских регионах // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 72–89. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-72-89.*

© Барбашова Н. Е., Сучкова О. В, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-72-89

Application of Financial Management Tools to Ensure Budget Balance and Debt Sustainability in Russian Regions

Natalia E. Barbashova[1], ***Olga V. Suchkova***[2]

[1, 2] *RANEPA, Moscow, Russian Federation*

[1] *barbashova-ne@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-1614-7368*
[2] *suchkova-ov@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3378-9426*

Abstract
One of the priority task of the budget policy of the Russian Federation is to ensure long-term balance and debt sustainability at all levels of the budget system. To solve this task, the subjects of the Russian Federation implement programs and sets of measures of improving the quality of financial management. The purpose of this article is to identify the tools of regional finance management, the use of which is most effective for ensuring medium- and long-term balance and debt sustainability of the budgets of Russian regions.
The article analyzes theoretical approaches to the use of regional financial management tools. The inventory of programs and sets of measures aimed at improving the efficiency and quality of financial management used by the subjects of the Russian Federation in the period from 2000 to the present is carried out. By means of econometric analysis, the authors identify the directions of regional financial management programs, the implementation of which has a positive impact on the balance and debt sustainability of regional budgets. These areas include limiting the regional budget deficit, limiting the amounts of regional and municipal debt, setting a debt repayment schedule, stimulating income growth and reducing inefficient expenditures. A list of the most effective measures to limit the deficit and debt was compiled, based on the analysis of the practice of the subjects of the Russian Federation which demonstrated a significant improvement in the parameters of the budget balance and public debt in 2014–2023.

Keywords: *regional financial management tools, budget balance, debt sustainability*

JEL: *H61, H62, H63*

Funding: *The article was prepared within the framework of the RANEPA state assignment research program.*

For citation: *Barbashova N.E., Suchkova O.V. (2025). Application of Financial Management Tools to Ensure Budget Balance and Debt Sustainability in Russian Regions. Financial Journal, 17 (3), 72–89 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-72-89.*

© Barbashova N.E., Suchkova O.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Сбалансированность и долговая устойчивость бюджета — ключевые характеристики качества управления государственными финансами. Сбалансированность предполагает достаточность бюджетных средств для выполнения законодательно установленных расходных обязательств, долговая устойчивость — контролируемый уровень долговой нагрузки. Для большинства бюджетов российских регионов основным фактором обеспечения сбалансированности и устойчивости является поддержка со стороны федерального центра. Вместе с тем вызовы настоящего времени могут ограничить возможности федеральных органов власти по финансовой помощи регионам. В связи с этим высокую актуальность приобретает вопрос поддержания стабильности функционирования бюджетной системы страны посредством рычагов управления, доступных на уровне субъектов Российской Федерации.

Действующее бюджетное законодательство устанавливает для регионов обязательные для выполнения нормы (в частности, предельно допустимые размеры дефицита и долга, зафиксированные в Бюджетном кодексе РФ) и в то же время предоставляет широкие возможности для выбора оптимального набора инструментов в целях достижения желаемых параметров бюджетной системы. Многие субъекты Российской Федерации активно реализуют различные мероприятия в сфере управления общественными финансами (главным образом в рамках государственных программ). Однако открытым остается вопрос, действительно ли регионы, реализующие программные мероприятия, имеют лучшие характеристики бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости, чем те регионы, которые не применяют подобных мер? Вторая важная проблема касается выбора конкретных рычагов управления региональными финансами, применение которых оказывает наиболее значимое влияние на показатели бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости регионов.

Тема оценки эффективности различных бюджетных мер в рамках управления общественными финансами достаточно широко освещена в отечественных научных исследованиях (Л. Якобсон, Е. Гурвич, А. Лавров, В. Климанов, А. Михайлова, Е. Тимушев и др.). При этом по-прежнему наблюдается дефицит исследований, использующих количественные методы оценки результатов реализации мероприятий в рассматриваемой сфере. Анализ статистической связи между реализуемыми на региональном уровне бюджетными мерами и фактическими показателями сбалансированности и устойчивости региональных бюджетов важен для выявления конкретных инструментов бюджетной политики, применение которых в среднесрочной перспективе можно оценить как наиболее эффективное.

Цель данного исследования — проверка гипотезы о том, что реализация мероприятий в сфере управления государственными финансами оказывает значимое влияние на показатели бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости субъектов Российской Федерации, а также выявление наиболее результативных инструментов в данной сфере.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ

В контексте данного исследования понятие «инструменты управления региональными финансами» имеет следующую интерпретацию: это заложенные в бюджетном законодательстве рычаги влияния на параметры системы региональных общественных финансов в целях приведения этих параметров к состоянию, отвечающему приоритетам бюджетной политики региона. Данное определение согласуется с положениями классических работ по теории управления Ф. Тейлора [Taylor, 1911] и М. Вебера [Weber, 1947].

Наиболее очевидный инструмент обеспечения бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости на региональном уровне — это законодательно установленные

ограничения на параметры бюджетного дефицита и государственного долга, или региональные бюджетные правила [Кудрин, Дерюгин, 2018]. В Российской Федерации бюджетные правила для регионов утверждены на федеральном уровне (ст. 92.1 и 107 Бюджетного кодекса РФ). Субъекты РФ обладают правом уточнять федеральные параметры и/или вводить более строгие бюджетные правила, однако такая практика слабо распространена [Барбашова, 2023]. При этом регионы имеют рычаги влияния на показатели доходов и расходов в целях недопущения (минимизации) дефицита бюджета.

В качестве инструментов управления региональными финансами, направленных на рост доходов, исследователи выделяют мероприятия по стимулированию малого бизнеса, сокращению теневого сектора экономики [Малис, 2018], сокращению неэффективных налоговых льгот [Власенкова, 2013]. В работе [Соколов, Векерле, 2022] указывается на положительный финансовый эффект от внедрения инициативного бюджетирования. В работе [Арлашкин, 2020] отмечается, что налоговая децентрализация оказывает стимулирующее влияние на налоговый потенциал консолидированного бюджета региона.

Среди инструментов повышения эффективности бюджетных расходов в публикациях отмечаются прежде всего такие средства, как нормирование затрат на оказание услуг в общественном секторе [Ковтун, 2022], внедрение бюджетного мониторинга [Лукашов, 2022], повышение прозрачности государственных закупок [Белев и др., 2023].

Кроме того, в системе управления государственными финансами на региональном уровне предусмотрены контрциклические механизмы, направленные на минимизацию дефицита в условиях вероятной экономической нестабильности. К данной категории можно отнести региональные резервные фонды, роль которых в обеспечении бюджетной консолидации подчеркивается в работе [Тимушев, Яговкина, 2023].

В исследованиях, посвященных проблемам обеспечения долговой устойчивости на региональном уровне, уделяется внимание такой мере, как оптимизация структуры долга [Строев, Власюк, 2017]. Проблема низкой эффективности управления государственным долгом субъектов РФ, в соответствии с работой [Казаков, 2013], непосредственно связана с низким качеством среднесрочного планирования.

Некоторые авторы отмечают косвенное положительное влияние на параметры бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости регионов тех инструментов бюджетной политики, которые ориентированы на другие аспекты управления общественными финансами. Например, повышение качества финансового планирования позволяет принять сбалансированный бюджет [Алфименко, 2021]. Цифровизация и введение электронного документооборота способствуют снижению операционных издержек и экономии ресурсов [Марков, 2022]. Роль повышения открытости данных в рассматриваемой сфере проанализирована в статье [Беленчук, Лавров, 2016].

Особый исследовательский интерес представляют работы, в которых изучается не применение отдельных инструментов, а реализация комплекса мероприятий или программ, направленных на совершенствование управления региональными финансами. В силу того, что бюджетные институты составляют систему взаимосвязанных элементов, при разработке, анализе и мониторинге конкретных инструментов представляется некорректным не учитывать эффект от функционирования других. Более того, зачастую при применении бюджетного инструментария приоритет целенаправленно отдается реализации комплекса мероприятий или программ, направленных на совершенствование управления финансами, а не отдельным механизмам, что обусловлено потенциально большей эффективностью влияния системы мер на бюджетные параметры [Gaizatullin, 2014].

ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ

Развитие инструментов управления региональными финансами в России можно условно разделить на два этапа: с 2001 до 2014 г. и с 2014 г. по настоящее время.

В 2001–2014 гг. внедрение инструментов управления региональными финансами в субъектах РФ происходило в рамках программ, инициированных на федеральном уровне. В 2001–2009 гг. разрабатывались и реализовывались программы реформирования региональных и муниципальных финансов, в 2009–2014 гг. — программы повышения эффективности бюджетных расходов. Хотя механизм стимулирования бюджетных реформ в субъектах РФ в рассматриваемом периоде претерпел несколько трансформаций, его логика в целом была неизменной:

— проведение федерацией конкурсного отбора ограниченного числа регионов;

— реализация отобранными регионами программы, состоящей из заданного набора мероприятий;

— оценка выполнения программы федеральными органами власти;

— предоставление региону субсидии в случае положительной оценки реформ.

Всего за рассмотренный период в конкурсах на получение субсидий участвовало 68 субъектов РФ, то есть около двух третей от их общего числа.

Для вхождения в конкурсную процедуру регионам необходимо было создать хорошие начальные условия, то есть обеспечить достаточно качественный уровень управления региональными финансами. В состав показателей для оценки исходного уровня обязательно включались количественные характеристики дефицита бюджета и долга. Таким образом, реализация вышеописанных программ действительно создавала положительные стимулы с точки зрения качества управления финансами в субъектах РФ. Многие эксперты [Данилова, Лавров и др., 2015; Мау, Дробышевский и др., 2020] отмечают такие результаты данного этапа реформ, как переход на новый уровень системы бюджетного планирования и учета, совершенствование налогового администрирования и управления долгом, построение системы распределения межбюджетных трансфертов, основанной на объективных критериях, внедрение программно-целевого подхода, выработка подходов к финансированию государственных и муниципальных услуг на основе государственного задания. Можно сказать, что в период 2000–2014 гг. был заложен фундамент системы управления региональными и муниципальными финансами. Те механизмы, которые внедрялись после 2014 г., действуют по настоящее время и являются в той или иной степени развитием этих базовых установок.

В 2014 г. на фоне введения международных санкций и падения цен на нефть на федеральном уровне произошел отказ от практики субсидирования бюджетных реформ в российских регионах. Таким образом, концепция внедрения новых механизмов на региональном уровне изменилась. Реформы в данный период были направлены, главным образом, на ликвидацию последствий цепочки кризисов и поэтому требовали оперативных решений. Внедрение тех или иных новых инструментов управления государственными финансами производилось непосредственно путем внесения поправок в бюджетное законодательство. В связи с тем, что основные элементы системы регионального финансового менеджмента к 2014 г. практически сформировались, инициативы в данной сфере уже не носили системный характер, а являлись «точечными», не требующими пересмотра общей архитектуры управления региональными бюджетами. К таким реформам можно отнести, например, внедрение в 2017–2020 гг. инициативного бюджетирования и самообложения граждан в качестве инструмента увеличения доходов. Более важные трансформации происходили в сфере долговой политики. Рост доступности бюджетных кредитов в 2014–2015 гг. привел к критическому увеличению долговой нагрузки в отдельных регионах. В связи с этим на федеральном уровне были инициированы мероприятия по реструктуризации задолженности, произошли временный отказ от практики предоставления бюджетных кредитов после 2018 г. и ее возобновление в целях консолидации бюджетных средств на время преодоления кризиса пандемии COVID-19. В настоящее время практикуется внедрение инфраструктурных бюджетных

кредитов в качестве формы софинансирования региональных инвестиционных проектов на возвратной основе.

Модель бюджетного федерализма в Российской Федерации обладает высоким уровнем централизации, поэтому региональные инициативы в сфере управления государственными финансами строго ограничены рамками федерального бюджетного законодательства. Рассмотрим отдельные направления финансового менеджмента, по которым субъекты РФ обладают определенной свободой выбора.

Во-первых, регионы имеют право уточнять параметры бюджетных норм ограничительного характера (фактически — делать их более строгими). В частности, они могут вводить дополнительные бюджетные правила, то есть законодательно установленные ограничения на показатели бюджетного дефицита, долга, заимствований. Однако, как отмечалось выше, в масштабах страны такая практика не получила широкого распространения.

Во-вторых, регионы вправе применять отдельные инструменты бюджетной политики, использование которых в соответствии с федеральным законодательством является опциональным. К таким инструментам можно отнести формирование резервных фондов, внедрение самообложения граждан и инициативного бюджетирования, установление нормативов отчислений от налогов в местные бюджеты, установление налоговых льгот, передача отдельных полномочий на местный уровень.

В-третьих, субъекты РФ могут самостоятельно разрабатывать порядки, алгоритмы, методические подходы в тех сферах, в которых федеральное законодательство в отношении регионов носит рамочный характер. К данной категории относятся, например, порядок оценки расходных обязательств, разработка государственных программ и установление для них целевых показателей, организация системы контроля, утверждение плана мероприятий по реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам.

Самый распространенный комплексный инструмент финансового менеджмента в российских регионах — это государственные программы в сфере управления финансами, которые входят в систему государственных программ субъекта РФ и реализуются региональными финансовыми органами. В каждом регионе существуют свои нюансы, связанные со сроком действия программы, ее структурой, содержанием, целевыми показателями, степенью участия в ней муниципальных образований.

Программы в сфере управления региональными финансами в настоящее время действуют в 82 субъектах РФ (исключения составляют г. Москва, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, а также воссоединенные регионы). Некоторые субъекты Федерации реализуют в данной сфере несколько программ одновременно. К таким регионам относятся Белгородская область, Республика Коми, Самарская область, Республика Саха (Якутия).

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ НА БЮДЖЕТНУЮ СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ И ДОЛГОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Проверка гипотезы о значимом влиянии применения инструментов управления региональными финансами на показатели бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости осуществлена нами посредством эконометрического анализа. Эти показатели характеризуют такие традиционные переменные, как отношение сальдо бюджета к валовому региональному продукту (ВРП) и отношение долга к ВРП соответственно. Период для расчетов включает 2014–2022 г. Верхняя временная граница анализируемого периода объясняется доступностью статистических данных в региональном разрезе.

В целях идентификации инструментов управления региональными финансами и выявления фактов их применения проанализировано содержание программных документов, принятых финансовыми органами исполнительной власти субъектов РФ в 2014–2022 гг., размещенных в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс». Факт применения

субъектами РФ определенных инструментов управления государственными финансами на временно́м интервале 2014–2022 гг. описывается набором бинарных показателей (дамми-переменных). Основанием для выделения дамми-переменных являлось одновременное выполнение двух условий:

— наличие в региональной программе целевого показателя, указывающего на желаемое значение (состояние) объекта управления в сфере государственных финансов;

— наличие комплекса мероприятий, реализация которых направлена на достижение целевого значения (состояния) данного показателя.

Таким образом, в контексте эконометрического исследования понятие «применение инструмента» соответствует понятию «применение мер (реализация мероприятий), направленных на достижение определенной цели», что согласуется с определением «инструмент управления», приведенным в предыдущем разделе.

В случае, если указанные условия в отношении инструмента управления X в году Y одновременно выполнялись, то дамми-переменной присваивалось значение 1, а в противном случае — 0.

Регулирующие меры, выделенные в базе данных, соответствуют наиболее часто встречающимся направлениям государственных программ, реализуемых региональными финансовыми органами. Дамми-переменные, соответствующие определенным инструментам, сгруппированы по тематическим блокам: «Дефицит», «Долг», «Доходы», «Расходы», «Качество управления финансами», «Бюджетный процесс, организационные и обеспечивающие функции финансового органа», «Финансовые отношения с муниципальными образованиями». Описательная статистика для бинарных переменных, характеризующих опыт применения инструментов управления региональными финансами в 85 субъектах РФ, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Описательная статистика опыта применения инструментов управления региональными финансами в 85 субъектах Российской Федерации в 2014–2022 гг.

№	Обозначение переменной	Инструмент управления региональными финансами	Среднее	Станд. откл.	Число регионов, применявших инструмент в 2014 г.	Число регионов, применявших инструмент в 2022 г.
1	D_def	Меры по ограничению объема дефицита	0,539	0,499	36	46
2	D_debt1	Меры по ограничению объема долга	0,709	0,454	45	62
3	D_debt2	Требования к структуре / структурным элементам долга	0,236	0,425	15	20
4	D_debt3	Ограничение расходов на обслуживание долга	0,610	0,488	43	51
5	D_debt4	Минимизация просроченной задолженности по долговым обязательствам	0,597	0,491	42	49
6	D_debt5	Меры по своевременному погашению долга	0,166	0,372	8	16
7	D_debt6	Иные меры по блоку «Долг»	0,321	0,467	26	25
8	D_rev1	Стимулирование роста совокупного объема доходов	0,426	0,495	29	37
9	D_rev2	Стимулирование поступлений по конкретным видам доходов	0,0984	0,298	7	9
10	D_rerv3	Применение налоговых льгот	0,173	0,379	15	14
11	D_rev4	Иные меры по блоку «Доходы»	0,126	0,332	12	9
12	D_exp1	Меры по снижению неэффективных расходов, повышению эффективности расходов	0,206	0,405	14	17
13	D_exp2	Управление инвестиционными расходами	0,0824	0,275	7	7
14	D_exp3	Иные меры по блоку «Расходы»	0,215	0,411	18	16

№	Обозначение переменной	Инструмент управления региональными финансами	Среднее	Станд. откл.	Число регионов, применявших инструмент в 2014 г.	Число регионов, применявших инструмент в 2022 г.
15	D_q1	Повышение качества управления финансами (оценка Минфина России)	0,279	0,449	19	24
16	D_q2	Повышение качества финансового менеджмента ГРБС	0,390	0,488	30	31
17	D_plan	Совершенствование бюджетного планирования, прогнозирования и исполнения бюджета	0,632	0,482	49	50
18	D_pur	Совершенствование системы государственных закупок	0,262	0,440	15	22
19	D_inf	Информатизация бюджетного процесса	0,407	0,492	29	33
20	D_transp	Повышение уровня открытости данных	0,305	0,461	21	28
21	D_other	Прочие мероприятия в сфере осуществления бюджетного процесса	0,556	0,497	41	47
22	D_loc_def	Меры по сокращению дефицита муниципального бюджета	0,137	0,344	12	12
23	D_loc_debt	Меры по сокращению муниципального долга	0,361	0,481	27	28
24	D_loc_prog	Стимулирование реализации муниципальных мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие	0,121	0,326	13	8
25	D_loc_q	Повышение качества управления муниципальными финансами	0,572	0,495	40	46
26	D_loc_eq	Выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований	0,605	0,489	42	52
27	D_loc_stim	Предоставление субсидий стимулирующего характера муниципальным образованиям	0,252	0,435	20	20
28	D_loc_other	Иное по блоку «Работа с муниципальными образованиями»	0,670	0,471	44	56

Источник: составлено по расчетам авторов.

Для эконометрической оценки влияния инструментов управления региональными финансами на сбалансированность российских регионов использована функция фискальной реакции Бона (*fiscal reaction function*), разработанная изначально для странового уровня и следующая из модели межвременного бюджетного ограничения государства, перенесенная на региональный уровень.

Спецификация эконометрической модели функции фискальной реакции с учетом влияния инструментов управления региональными финансами имеет следующий вид:

$$pb_{it} = \beta_0 + \beta_1 pb_{it-1} + \beta_2 debt_{it-1} + \beta_3 hp_growth_{it} + \beta_4 dummy_{it} + \mu_i + \alpha_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где pb_{it} — отношение первичного (без учета расходов на обслуживание долга) баланса i-го региона, к ВРП в периоде t;

pb_{it-1} — лаг зависимой переменной, отношение первичного (без учета расходов на обслуживание долга) баланса i-го региона, к ВРП в периоде t − 1;

$debt_{it-1}$ — отношение долга (регионального и муниципального за вычетом бюджетных кредитов муниципалитетам) i-го региона в предшествующем периоде (t − 1) к ВРП;

hp_growth_{it} — разрыв выпуска в регионе i в периоде t, который отвечает за циклическую составляющую колебаний выпуска (рассчитанную с помощью фильтра Ходрика — Прескотта со сглаживающим параметром 100, стандартным для данных с ежегодной периодичностью) и отражает реакцию сальдо бюджета региона на изменение фазы экономического цикла;

$dummy_{it-1}$ — бинарная (дамми) переменная, принимающая значение 1, если в регионе i в периоде (t − 1) применяется определенный инструмент управления региональными финансами, и 0, если данный инструмент не применяется (перечень дамми-переменных приведен в табл. 1);
μ_i — фиксированный эффект региона i, который позволяет учитывать неизменные либо медленно изменяющиеся в рассматриваемые годы характеристики регионов;
α_t — фиксированный эффект периода t, который позволяет учитывать структурные сдвиги, происходящие одновременно во всех регионах;
ε_{it} — случайный шок в регионе i в периоде t.

По аналогии с исследованием [Дерюгин и др., 2022], при оценках регрессий из выборки исключены несколько субъектов РФ по причине низкого качества, высокой волатильности или несопоставимости данных: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, город Москва, Чукотский автономный округ, Тюменская область, Архангельская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа.

В подобном анализе необходимо принимать во внимание потенциальную проблему эндогенности, которая может приводить к несостоятельным эконометрическим оценкам. Ее источником, как правило, служит обратное направление связей между показателями (повышение бюджетной устойчивости может обеспечивать условия для продолжения данной политики). Для исключения эндогенности дополнительно были оценены модели с учетом временно́го лага между рассматриваемыми мероприятиями и зависимыми показателями бюджетной устойчивости. Кроме того, рассматривался вариант модели с дополнительным включением в число контрольных переменных показателя доли бюджетных кредитов в объеме совокупного долга. Параметры модели оценивались для каждой из дамми-переменных в отдельности. В табл. 2 приведены результаты оценки моделей, в которых коэффициенты при дамми-переменных с лагом оказались значимыми, то есть выявлено значимое влияние соответствующего комплекса мер по управлению региональными финансами на баланс бюджета.

Таблица 2

Оценка влияния инструментов управления региональными финансами на первичное сальдо бюджета

Коэффициент модели	Дамми-переменная					
	Меры по ограничению объема дефицита	Меры по ограничению объема долга	Стимулирование роста совокупного объема доходов	Хотя бы одна мера* по работе с расходами	Меры по сокращению муниципального долга	Меры по повышению качества управления муниципальными финансами
Константа	0,229*** (0,0421)	0,256*** (0,0420)	0,206*** (0,0338)	0,204*** (0,0362)	0,246*** (0,0394)	0,245*** (0,0426)
Разрыв выпуска	−0,0677 (0,0803)	−0,0792 (0,0803)	−0,0604 (0,0800)	−0,0625 (0,0802)	−0,0810 (0,0804)	−0,0775 (0,0806)
Лаг долга (% ВРП)	−0,0464 (0,126)	−0,0525 (0,125)	−0,0629 (0,126)	−0,0518 (0,126)	−0,0493 (0,125)	−0,0547 (0,125)
Доля бюджетных кредитов	0,110* (0,0582)	0,127** (0,0587)	0,0966* (0,0578)	0,103* (0,0578)	0,106* (0,0575)	0,114** (0,0581)
Лаг дамми-переменной	0,0461** (0,0186)	0,077** (0,0378)	0,0720** (0,0310)	0,0162** (0,0081)	−0,0690 (0,0442)	−0,0945** (0,0473)
Лаг первичного сальдо	0,433*** (0,0493)	0,420*** (0,0497)	0,429*** (0,0494)	0,438*** (0,0490)	0,422*** (0,0495)	0,426*** (0,0495)
Исправленный R^2	0,153	0,159	0,155	0,152	0,158	0,156

*Примечание: * см. табл. 1, переменные 8–11.*
Источник: расчеты авторов.

В табл. 2 представлены также результаты по тем инструментам управления региональными финансами, которые оказывают значимое влияние на сальдо бюджета: ограничение дефицита бюджета, ограничение размера долга, стимулирование совокупного объема доходов, меры по работе с расходами, меры по повышению качества управления муниципальными финансами. Эти показатели значимы как с включением доли бюджетных кредитов в модель, так и без нее. Переменная, отвечающая за меры воздействия на муниципальный долг, незначима с включением доли бюджетных кредитов. Доля бюджетных кредитов значима, и с ее включением формульный критерий качества подгонки модели (исправленный R^2) растет, однако при ее включении результаты не изменяются, что согласуется и с оценками предыдущих исследований [Дерюгин и др., 2022]. Стандартные для функции фискальной реакции показатели (лаг долга и разрыв выпуска) статистически незначимы, что может трактоваться как слабая реакция со стороны бюджетной политики регионов на фактическую экономическую динамику.

Для эконометрической оценки влияния инструментов управления региональными финансами на долговую устойчивость российских регионов оценивается следующая эконометрическая модель:

$$debt_{it} = \beta_0 + \beta_1 hp_growth_{it} + \beta_2 dummy_{it} + \beta_3 debt_{it-1} + \mu_i + \alpha_t + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где $debt_{it}$ — отношение долга (региональный и муниципальный за вычетом бюджетных кредитов муниципалитетам) i-го региона в текущем периоде t к ВРП;
hp_growth_{it} — разрыв выпуска в регионе i в периоде t, который отвечает за циклическую составляющую колебаний выпуска (рассчитанную с помощью фильтра Ходрика — Прескотта со сглаживающим параметром 100) и отражает реакцию сальдо бюджета региона на изменение фазы экономического цикла;
$dummy_{it}$ — бинарная (дамми) переменная, характеризующая применение инструментов управления региональными финансами в соответствии с табл. 1;
μ_i — фиксированный эффект региона i, который позволяет учитывать неизменные либо медленно изменяющиеся в рассматриваемые годы характеристики регионов;
α_t — фиксированный эффект периода t, который позволяет учитывать структурные сдвиги, происходящие одновременно для всех регионов;
ε_{it} — случайный шок в регионе i в периоде t.

Результаты оценок влияния инструментов управления региональными финансами на динамику регионального долга представлены в табл. 3.

Таблица 3

Оценка влияния инструментов управления региональными финансами на динамику регионального долга

Коэффициент модели	Дамми-переменная	
	Меры по ограничению дефицита бюджета	Меры, направленные на достижение сбалансированности муниципальных бюджетов
Константа	0,0647*** (0,0114)	0,0479*** (0,00921)
Разрыв выпуска	0,00626 (0,0262)	0,00893 (0,0264)
Доля бюджетных кредитов	0,0143 (0,0189)	0,00933 (0,0189)
Лаг дамми-переменной	−0,0375** (0,0157)	−0,0107* (0,0062)
Испр. R^2	0,029	0,032

Источник: расчеты авторов.

Как можно увидеть из табл. 3, меры по ограничению дефицита бюджета региона и ограничению дефицита бюджетов муниципалитетов отрицательно связаны с долговой нагрузкой региона, в то время как доля бюджетных кредитов не оказывает значимого влияния на долговую нагрузку. Модели с остальными инструментами управления региональными финансами не дают значимых оценок. Дополнительно были оценены эконометрические уравнения, соответствующие стандартной модели динамики долга с включением в правую часть уравнения показателей: накопленного на конец предыдущего периода долга, первичного дефицита бюджета, а также темпов роста ВРП. Ввиду включения в модель лагов зависимой переменной оценка производилась с помощью обобщенного метода моментов (GMM Ареллано — Бонда, двухшаговая оценка). Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оценка влияния инструментов управления региональными финансами на динамику регионального долга с помощью обобщенного метода моментов Ареллано — Бонда

Коэффициент модели	Дамми-переменная	
	Меры по ограничению дефицита бюджета	Меры, направленные на достижение сбалансированности муниципальных бюджетов
Лаг зависимой переменной (долга, % ВРП)	0,1305** (0,0612)	0,1278** (0,0624)
Лаг темпа роста ВРП	0,0309*** (0,0055)	0,0367*** (0,0044)
Первичное сальдо бюджета	−0,0164 (0,0123)	−0,0059 (0,0112)
Лаг дамми-переменной	−0,0127* (0,0074)	−0,0023 (0,0078)
p-значение теста Ареллано на AR(2) в остатках	0,3036	0,3293
p-значение теста на сверхидентификацию ограничений (на экзогенность инструментов)	0,0898	0,0790
p-значение теста Вальда на совместную значимость	0,0000	0,0000

Источник: расчеты авторов.

Формальные статистические тесты показывают удовлетворительное качество модели: отсутствие автокорреляции второго порядка в остатках по тестам Ареллано, экзогенность инструментов по тесту на сверхидентификацию Саргана, а также совместную значимость включенных переменных по тесту Вальда.

Как видно из табл. 4, выводы относительно применения мер по ограничению дефицита бюджета остаются неизменными. Результат же для мер, направленных на достижение сбалансированности муниципальных бюджетов, неустойчив — он не является статистически значимым, хотя знак при коэффициенте по-прежнему отрицательный.

Таким образом, для выборки регионов за 2014–2022 гг. положительно связаны с динамикой сальдо бюджета региона: ограничение объема дефицита бюджета, ограничение объема долга, меры по погашению долга, динамика совокупного объема доходов, показатели применения хотя бы одной меры по управлению расходами. Отрицательно связаны с динамикой сальдо бюджета региона меры по ограничению муниципального долга. Для регионов, которые не участвовали в федеральных инициативах по реализации программ реформирования региональных финансов до 2014 г., те же самые инструменты управления региональными финансами становятся незначимыми.

Что касается динамики регионального долга (в процентах от ВРП), то практически ни один из инструментов управления региональными финансами не имеет с ним статистической связи, кроме мер по ограничению дефицита бюджета региона и дефицита бюджетов муниципалитетов.

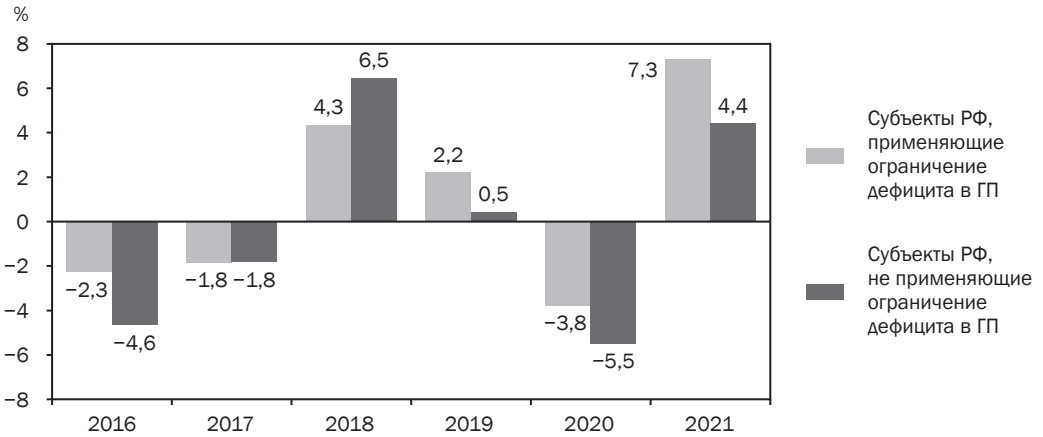
Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что меры по ограничению долга положительно влияют на баланс бюджета, а меры по ограничению бюджетного дефицита способствуют сокращению государственного долга. Данное заключение не противоречит логике бюджетного процесса, поскольку государственные заимствования являются основным источником финансирования бюджетных обязательств в случае нехватки собственных доходов. Справедливо и обратное: высокий уровень долга требует больших расходов на его обслуживание, что отрицательно влияет на бюджетный баланс.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ

Из 85 субъектов Российской Федерации на рассмотренном интервале 2014–2022 гг. мероприятия и целевые показатели в сфере ограничения дефицита были зафиксированы в 50 регионах. Эффективность указанных мер может быть визуализирована на примере прохождения регионами кризиса, связанного с пандемией COVID-19 (рис. 1). На рисунке приведена сравнительная динамика показателя отношения бюджетного дефицита к налоговым и неналоговым доходам в регионах, применяющих и не применяющих меры по ограничению дефицита в рамках государственных программ. Значение показателя для каждого года рассчитано как среднее по соответствующей группе регионов.

Рисунок 1

Показатели отношения бюджетного сальдо к налоговым и неналоговым доходам в субъектах Российской Федерации, применяющих и не применяющих меры по сокращению дефицита в рамках государственных программ (ГП) в 2016–2021 гг.



Источник: рисунок авторов.

Как можно заключить из рисунка, регионы, применяющие меры по ограничению дефицита на уровне государственных программ, имеют более стабильную траекторию показателя, характеризующего сбалансированность бюджета, чем прочие регионы. У субъектов РФ, применяющих рассматриваемые меры, уровень бюджетного дефицита в 2020 г. в среднем составил 3,8% от налоговых и неналоговых доходов, в то время как для прочих

регионов данный показатель вырос до 5,5%. В 2021 г. на фоне снятия наиболее жестких коронавирусных ограничений и мощного притока финансовой помощи из федерального центра большинство регионов исполнило бюджеты с профицитом. Из рис. 1 видно, что профицит регионов, регулирующих параметры долга на программном уровне, составил в среднем бóльшее значение, чем у субъектов РФ, не применяющих таких мер. Также важно отметить факт меньшей стабильности показателя бюджетного дефицита регионов, не реализующих мероприятий по его ограничению. Коэффициент вариации бюджетного баланса таких регионов, рассчитанный для интервала 2014–2023 гг., составляет 0,14, тогда как для регионов, реализующих ограничительные меры, коэффициент вариации баланса равен 0,10.

Как показывает анализ региональных государственных программ по состоянию на 2023 г., ограничение бюджетного дефицита на уровне целевых показателей и программных мероприятий было предусмотрено в 48 субъектах РФ. При этом в отдельных регионах, не предусматривающих реализацию подобных мероприятий, наблюдались существенные проблемы с бюджетной сбалансированностью. В частности, в Чеченской Республике отношение дефицита к налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета в 2023 г. составило 39,8% (это самое высокое значение данного показателя по Российской Федерации), в Республике Хакасия — 16,2%, в Республике Тыва — 11,9%. Можно также выделить группу регионов, размер дефицита которых за период 2020–2023 гг. имел отчетливую тенденцию к росту, хотя не достиг критического уровня: Орловская область, Республика Карелия, Камчатский край, город федерального значения Севастополь, Новосибирская область.

Использование показателя ограничения долга в рамках региональных государственных программ встречается чаще, чем применение ограничения дефицита. В 2023 г. ограничение уровня долга присутствовало в составе государственных программ 65 субъектов Российской Федерации. По состоянию на начало 2025 г. показатель отношения долга к налоговым и неналоговым доходам превышает лимиты, установленные Бюджетным кодексом, только в тех регионах, которые допустили неправомерный рост долга в 2014–2016 гг. и до сих пор не справились с последствиями долгового коллапса. Пример — Республика Мордовия, в которой объем долга превышал уровень налоговых и неналоговых доходов на протяжении 2015–2020 гг. более чем в два раза, а в 2023 г. снизился до 113,5% к налоговым и неналоговым доходам. На фоне кризиса долговой устойчивости многих регионов в 2015–2016 гг. на федеральном уровне были приняты достаточно жесткие меры по ограничению наращивания задолженности, в связи с чем в настоящее время долговая нагрузка большинства регионов находится на безопасном уровне.

Вместе с тем стоит отметить, что для некоторых субъектов РФ, не принявших мер по ограничению объема долга на программном уровне, в течение рассматриваемого периода наблюдается устойчивый рост показателей долговой нагрузки (хотя для регионов, использующих ограничение по долгу, а также в среднем по России долговая нагрузка в 2014–2023 гг. постепенно снижалась). К регионам с растущей долговой нагрузкой относятся город Москва, город Санкт-Петербург, Тюменская область, Пермский край, Амурская область. По состоянию на начало 2025 г. уровень отношения долга к налоговым и неналоговым доходам перечисленных регионов некритичен с точки зрения долговой устойчивости (для каждого из регионов долговая нагрузка не превышает 15%), однако данная тенденция указывает на необходимость пристального контроля за уровнем долга. Также можно выделить группу субъектов Российской Федерации, не использующих мер по ограничению долга в рамках государственных программ, для которых долговая нагрузка не имеет выраженной тенденции к росту, но в течение длительного времени находится на уровне, близком к предельно допустимому (65–80%). К таким регионам можно отнести Ярославскую, Псковскую, Ульяновскую, Омскую области. Указанным субъектам РФ также

рекомендуется использовать инструменты, направленные на ограничение объема долга, в рамках государственных программ финансового органа.

Для определения конкретного содержания мероприятий, реализация которых ведет к снижению бюджетного дефицита и государственного долга в среднесрочной перспективе, следует рассмотреть опыт субъектов РФ, продемонстрировавших наилучшие результаты по преодолению бюджетной несбалансированности и повышенной долговой нагрузки на протяжении 2014–2023 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Субъекты Российской Федерации, демонстрирующие лучшие показатели сокращения бюджетного дефицита и долговой нагрузки в 2014–2023 гг.

Наименование субъекта Российской Федерации	Отношение бюджетного дефицита (–) / профицита (+) к налоговым и неналоговым доходам, %									
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Костромская область	–22,1	–18,9	– 19,7	–12,4	5,1	7,3	2,6	7,8	–8,4	–5,3
Краснодарский край	–13,5	–8,6	1,1	6,9	5,8	9,9	–0,3	10,8	2,6	0,2
Карачаево–Черкесская Республика	–33,4	–8,7	–7,7	0,6	0,8	3,9	1,2	9,1	–5,3	–8,9
Республика Мордовия	–20,6	–35,8	–15,7	–37,0	–24,5	4,5	5,7	10,9	37,2	0,0
Курганская область	–19,4	–25,4	–12,7	–9,7	–1,4	0,4	–3,2	2,3	4,4	8,8
Наименование субъекта Российской Федерации	Отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам									
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Белгородская область	114,8	103,8	100,5	73,2	50,0	43,3	47,9	23,0	33,5	30,9
Смоленская область	136,6	139,8	129,5	111,4	101,5	99,0	90,8	63,6	52,8	45,0
Астраханская область	112,1	122,1	146,5	105,8	72,3	42,1	56,1	39,0	32,2	32,8
Республика Алтай	113,0	101,3	76,7	68,3	57,3	48,9	40,0	28,6	34,7	39,5
Чукотский автономный округ	148,8	104,1	78,8	99,8	92,6	71,1	46,6	48,9	51,1	40,4

Примечание: цветом отмечены годы, в которые субъект Российской Федерации реализовал процессные мероприятия, направленные на сокращение дефицита (долговой нагрузки) в рамках государственных программ.
Источник: составлено авторами.

Анализ показывает, что субъекты РФ, реализующие государственные программы (комплексы мероприятий), направленные на ограничение объемов бюджетного дефицита и государственного долга, демонстрируют лучшие характеристики бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости, чем регионы, не реализующие подобных мер. Вместе с тем, как свидетельствует практика применения регионами конкретных инструментов (мер) в целях повышения бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости, универсального перечня таких мероприятий не существует. Регионы используют различные наборы инструментов сокращения дефицита и долга в зависимости от наиболее проблемных аспектов управления финансами, причем состав этих инструментов может меняться с течением времени по мере решения одних проблем и обострения других. При этом можно выделить обобщенный перечень инструментов обеспечения сбалансированности бюджета, объединив положительный опыт вышерассмотренных регионов (рис. 2). Данный перечень следует рассматривать как рекомендательный для субъектов РФ, для которых актуальна проблема бюджетного дефицита. Аналогичный перечень инструментов на основе примеров лучшей практики сформирован в отношении ограничения государственного долга (рис. 3).

Рисунок 2

Обобщенный перечень инструментов обеспечения сбалансированности региональных бюджетов (на основе анализа лучшей практики российских регионов)

Источник: рисунок авторов.

Рисунок 3

Обобщенный перечень инструментов управления региональным долгом (на основе анализа лучшей практики российских регионов)

*Примечание: * ОНДП — основные направления долговой политики.*
Источник: рисунок авторов.

Отдельные пункты предлагаемых перечней рассматривались выше в качестве переменных в эконометрической модели, однако по отдельности они не показали значимого влияния на бюджетные параметры регионов (такие, например, как разработка долгосрочного бюджетного прогноза, развитие системы финансового менеджмента главных распорядителей бюджетных средств). В связи с этим можно сделать вывод, что применение перечисленных инструментов влияет на бюджетный баланс и уровень долга только в комплексе с другими мерами.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о положительном влиянии реализации российскими регионами программных мероприятий, направленных на сокращение бюджетного дефицита и государственного долга, на показатели бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости регионов. Следует обратить внимание, что требования к ограничению размеров дефицита и долга для регионов установлены в бюджетном законодательстве Российской Федерации (пункт 2 статьи 92.1 Бюджетного кодекса РФ устанавливает предельную границу бюджетного дефицита, а статья 107 — «потолок» регионального и муниципального долга). Однако, как показано в данном исследовании, федеральные ограничения работают более эффективно в том случае, когда они подкреплены региональными инициативами, то есть зафиксированными в программных документах целевыми значениями параметров дефицита и долга, а также комплексом мер, направленных на достижение этих показателей. Иными словами, при прочих равных условиях требования бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости лучше соблюдаются в тех субъектах Российской Федерации, в которых они являются результатом осознанной и целенаправленной бюджетной политики. Таким образом, государственные программы и комплексы мероприятий, содержащие требования к ограничению дефицита и долга, можно считать в широком смысле основными инструментами управления региональными финансами, доказанно влияющими на бюджетную сбалансированность и долговую устойчивость регионов. Включение мероприятий, направленных на ограничение бюджетного дефицита и долга, в государственную программу финансового органа субъекта Российской Федерации при прочих равных условиях снижает риск несбалансированности бюджета, обеспечивает более стабильную и предсказуемую траекторию бюджетного сальдо и государственного долга. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет не об антикризисных мерах срочного действия, а о процессных мероприятиях, закрепленных в программных документах на среднесрочной и долгосрочной основе. Рекомендуемые перечни таких мероприятий, сформированные на основе анализа лучших региональных практик, приведены на рис. 2 и 3.

Для построения сбалансированной и устойчивой бюджетной системы недостаточно использовать конкретный перечень инструментов. Большую роль играет логика их применения, внутренняя взаимосвязь и направленность на получение определенного результата. Во всех государственных программах и комплексах мероприятий регионов, отнесенных к лучшей практике, присутствует не просто перечисление мер, а их взаимная связь и оценка вклада в конечный результат, что крайне важно для достижения поставленных целей. Также следует обратить внимание, что в этих документах подробно описана ответственность исполнителей мероприятий за промежуточные и конечные результаты и приведен механизм контроля за их реализацией. Многие регионы, демонстрирующие лучшую практику, используют оценку рисков реализации программы.

Рекомендации субъектам Российской Федерации по выбору и применению инструментов управления региональными финансами, направленных на обеспечение сбалансированности и долговой устойчивости региональных бюджетов, могут быть использованы как для разработки новых государственных программ (комплексов мероприятий), так и для актуализации действующих документов.

Список источников

1. Алфименко С. С. Повышение сбалансированности регионального бюджета путем повышения точности прогнозов расходования бюджетных средств // Финансовые рынки и банки. 2021. № 12. С. 9–13.
2. Арлашкин И. Ю. Межбюджетные инструменты стимулирования регионального экономического роста в России // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 6. С. 54–68. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-54-68.
3. Барбашова Н. Е. Корректировка региональных бюджетных правил как инструмент антикризисной политики // Финансы. 2023. № 3. С. 6–12.
4. Белев С. Г., Ветеринаров В. В., Матвеев Е. О. Переход к электронным процедурам в государственных закупках в условиях фаворитизма // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 47–64. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-47-64.
5. Беленчук А. А., Лавров А. М. Формирование национальной системы оценки качества управления общественными финансами // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 7–27.
6. Власенкова Е. А. Направления увеличения доходной базы региональных и местных бюджетов // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 16. С. 45–49.
7. Данилова Я. А., Лавров А. М., Онищенко В. В., Покатович Е. В. Стимулирование субнациональных властей в проведении бюджетных реформ: Российский опыт // Финансовый журнал. 2015. № 5 (27). С. 5–25.
8. Дерюгин А. Н., Филиппова И. Н., Арлашкин И. Ю. Влияние внутрирегиональной налоговой децентрализации на развитие доходной базы регионов // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 8–33. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-8-33.
9. Казаков В. В. Современные проблемы развития и направления реформирования региональных финансовых систем // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 141–146.
10. Ковтун Л. Р. Государственное задание как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов // Финансы. 2022. № 3. С. 13–18.
11. Кудрин А. Л., Дерюгин А. Н. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт // Экономическая политика. 2018. № 1. С. 8–35.
12. Лукашов А. И. Эволюция бюджетного мониторинга как одного из механизмов повышения эффективности бюджетных расходов // Финансы. 2022. № 2. С. 14–20.
13. Малис Н. И. Совершенствование налоговой политики на региональном уровне: основные направления // Финансовый журнал. 2018. № 1 (41). С. 51–59. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-1-51-60.
14. Марков Р. И. Инструменты эффективного управления региональными финансами в условиях цифровой трансформации // Бюджет. 2022. № 9. С. 10–13.
15. Мау В., Дробышевский С. и др. Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 760 с.
16. Соколов И. А., Векерле К. В. Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 2. С. 34–61. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-2-34-61.
17. Строев П. В., Власюк Л. И. Долговая нагрузка регионов и региональная политика // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. Вып. 5. С. 90–99. https://doi.org/10.26794/2587–5671–2017–21–5-90–99.
18. Тимушев Е. Н., Яговкина В. А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78.
19. Gaizatullin R. R. et al. Modelling of regional system of budget resources management // Asian Social Science. 2014. Vol. 10. № 20. P. 143–147.
20. Taylor F. W. The Principles of Scientific Management. Harper & Brothers, New York, 1911.
21. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: London: Free Press; Collier Macmillan, 1947.

References

1. Alfimenko S.S. (2021). Improving the Balance of the Regional Budget by Improving the Accuracy of Forecasts of Spending Budget Funds. *Financial markets and banks*, 12, 9–13 (in Russ.).
2. Arlashkin I.Ju. (2020). Intergovernmental Fiscal Instruments for Stimulating Regional Economic Growth in Russia. *Financial Journal*, 6 (12), 54–68 (in Russ.). https://doi.org/ 10.31107/2075-1990-2020-6-54-68.
3. Barbashova N.E. (2023). Adjustment of Regional Budget Rules as an Anti-Crisis Policy Tool. *Finance*, 3, 6–12 (in Russ.).
4. Belev S.G., Veterinarov V.V., Matveev E.O. (2023). Estimation of Electronic Procedures Effects in Public Procurement under Favoritism. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 47–64 (in Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-47-64.

5. Belenchuk A.A., Lavrov A.M. (2016). Establishment of the National System of Quality Assessment in Public Finance Management. *Financial Journal*, 2, 7–27 (in Russ.).
6. Vlasenkova E.A. (2013). Directions for Increasing the Revenue Base of Regional and Local Budgets. *Regional Economics: Theory and Practice*, 16, 45–49 (in Russ.).
7. Danilova Ya.A., Lavrov A.M., Onischenko V.V., Pokatovich E.V. (2015). Stimulation of the Sub-National Authorities in Realization of the Fiscal Reforms: Russian Experience. *Financial Journal*, 5 (27), 5–25 (in Russ.).
8. Deryugin A.N., Filippova I.N., Arlashkin I.Yu. (2021). Impact of Intraregional Tax Decentralization on a Region's Tax Base. *Economic Policy*, 16 (2), 8–33 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-8-33.
9. Kazakov V.V. (2013). Modern Problems of Regional Development and Directions of Reforming Financial Systems. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 373, 141–146 (in Russ.).
10. Kovtun L.R. (2022). Public Assignment as a Tool for Increasing the Efficiency of Budget Expenditures. *Finance*, 3, 13–18 (in Russ.).
11. Kudrin A.L., Deryugin A.N. (2018). Subnational Budget Rules: Foreign and Russian Experience. *Economic Policy*, 1, 8–35 (in Russ.).
12. Lukashov A.I. (2022). The Evolution of Budget Monitoring as One of the Mechanisms for Increasing the Efficiency of Budget Expenditures. *Finance*, 2, 12–20 (in Russ.).
13. Malis N.I. (2018). Improvement of Tax Policy at the Regional Level: Main Directions. *Financial Journal*, 1 (41), 51–59 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-1-51-60.
14. Markov R.I. (2022). Tools for Effective Management of Regional Finances in the Context of Digital Transformation. *Budget*, 9, 10–13 (in Russ.).
15. Mau V., Drobyshevskij S. et al. (2020). Economic Policy of Russia. Turbulent Decade 2008–2018. *Izdatel'skij dom "Delo", RANEPA*, 760 (in Russ.).
16. Sokolov I.A., Vekerle K.V. (2022). Prospects and Demand Factors of Participatory Budgeting in Russia. *Economic Policy*, 2 (17), 34–61 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-2-34-61.
17. Stroev P.V., Vlasyuk L.I. (2017). The Debt Burden of Regions and Regional Policy. *Finance: Theory and Practice*, 5 (21), 90–99 (in Russ.). https://doi.org/10.26794/2587–5671–2017–21–5-90–99.
18. Timushev E.N., Yagovkina V.A. (2023). Reserve Funds in Russian Regions: Factors of Formation and Efficiency Assessment. *Financial Journal*, 5 (15), 61–78 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78.
19. Gaizatullin R.R. et al. (2014). Modelling of regional system of budget resources management. *Asian Social Science*, 10, 20, 143–147.
20. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. Harper & Brothers, New York, 1911.
21. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: London: Free Press; Collier Macmillan, 1947.

Информация об авторах

Наталья Евгеньевна Барбашова*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва*
Ольга Владимировна Сучкова*, научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва*

Information about the authors

Natalia E. Barbashova*, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow*
Olga V. Suchkova, *Researcher, Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow*

Статья поступила в редакцию 04.03.2025
Одобрена после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted March 4, 2025
Approved after reviewing May 13, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-90-107

CC BY

Теоретические и прикладные аспекты казначейского финансового контроля в контексте повышения финансовой дисциплины

Андрей Иванович Лукашов
E-mail: alukashov@roskazna.ru, ORCID: 0000-0002-5650-6487
РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
В статье автор рассматривает ключевые аспекты осуществления и перспективы развития отдельных видов казначейского обслуживания, казначейского сопровождения и бюджетного (казначейского) мониторинга. Указанные механизмы, в основе которых лежит текущая форма контроля, позволяют минимизировать различные нарушения, что способствует повышению финансовой дисциплины участников и неучастников бюджетного процесса. В научный оборот вводится новый термин — «казначейский финансовый контроль». Предлагается методика определения результативности и эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения, использование которой будет способствовать, с одной стороны, расширению теоретического базиса исследований казначейской системы, с другой — получению объективной оценки применения данных механизмов.

Ключевые слова: *Казначейство России, казначейский финансовый контроль, казначейское обслуживание, казначейское сопровождение, бюджетный (казначейский) мониторинг*

JEL: *E62, E63, H61, H72, G28, P35*

Для цитирования: *Лукашов А. И. Теоретические и прикладные аспекты казначейского финансового контроля в контексте повышения финансовой дисциплины // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 90–107. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-90-107.*

© Лукашов А. И., 2025

---

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-90-107

Theoretical and Applied Aspects of Treasury Financial Control in the Context of Improving Financial Discipline

Andrey I. Lukashov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

alukashov@roskazna.ru, https://orcid.org/0000-0002-5650-6487

Abstract
The article considers the key aspects of introduction and prospects of development of certain types of treasury services, treasury support and budget (treasury) monitoring. These mechanisms, based on

the current form of control, allow to minimize various violations, which helps to increase the financial discipline of participants and non-participants of the budget process. A new term — "treasury financial control" — is introduced into scientific discourse. The methodology for determining the effectiveness and efficiency of treasury services and treasury support is proposed, the use of which will contribute, on the one hand, to the expansion of the theoretical basis for the study of the treasury system, on the other hand, to obtaining an objective assessment of the application of these mechanisms.

Keywords: *Treasury of Russia, treasury financial control, treasury services, treasury support, budget monitoring*

JEL: *E62, E63, H61, H72, G28, P35*

For citation: *Lukashov A.I. (2025). Theoretical and Applied Aspects of Treasury Financial Control in the Context of Improving Financial Discipline. Financial Journal, 17 (3), 90–107 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-90-107.*

© Lukashov A.I., 2025

«Интересы Родины напрямую связаны с финансовой дисциплиной.
И наоборот: нарушения финансовой дисциплины не соответствуют интересам Родины».
В. В. Путин

ВВЕДЕНИЕ

Задачи по повышению финансовой дисциплины посредством исключения или минимизации нарушений, обеспечению эффективности бюджетных расходов перманентно находятся в фокусе внимания теоретиков и практиков, исследующих сферу публичных финансов.

Как правило, в качестве механизма, позволяющего решать указанные задачи, рассматривается государственный и муниципальный финансовый контроль.

В настоящее время «государственный и муниципальный финансовый контроль осуществляется в целях обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, правовых актов, обусловливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также соблюдения условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета»[1]. При этом Федеральное казначейство реализует внутренний государственный финансовый контроль в последующей форме, т. е. по итогам исполнения федерального бюджета, с использованием таких методов, как проверка, ревизия и обследование [Лукашов, 2024а].

Вместе с тем в арсенале Казначейства России имеются и иные механизмы, позволяющие решать рассматриваемые задачи. Среди них следует выделить бюджетный (казначейский) мониторинг, казначейское обслуживание и казначейское сопровождение.

В настоящей статье будут рассмотрены отдельные аспекты осуществления казначейского обслуживания, казначейского сопровождения и бюджетного (казначейского) мониторинга как механизмов, которые в совокупности мы рассматриваем как казначейский финансовый контроль.

[1] *«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025).*

ГЕНЕЗИС ЗАДАЧ И ФУНКЦИЙ КАЗНАЧЕЙСТВА РОССИИ

История казначейства неразрывно связана с историей нашего государства. Основная задача казначейства — обеспечение сохранности государственной казны. На протяжении многих веков казначейство успешно решало указанную задачу, используя различные механизмы и инструменты. Однако в 1918 г. казначейство было ликвидировано. В результате в СССР была установлена банковская система кассового исполнения бюджета[2].

В новой России органы Федерального казначейства были воссозданы в 1992 г.[3] Причинами перехода от банковской модели кассового исполнения бюджета к казначейской стали:

— распыление бюджетных средств на счетах учреждений, открытых в коммерческих банках, и, как следствие, отсутствие возможности оперативного их перераспределения;

— отсутствие заинтересованности в контроле за расходованием бюджетных средств со стороны коммерческих банков, что объективно, так как цель деятельности любого хозяйствующего субъекта заключается не в контроле, а в извлечении максимальной прибыли;

— отсутствие возможности у руководства страны получать оперативную информацию об исполнении бюджета;

— нестабильность в формирующемся банковском секторе.

Первоочередные задачи, которые пришлось решать вновь образованному ведомству, отражены в табл. 1.

Таблица 1

Первоочередные задачи казначейской системы

Наименование задачи	Способы ее решения
Проведение государственной бюджетной политики	разработка методологических и инструктивных материалов
Эффективное управление доходами и расходами в процессе исполнения республиканского бюджета Российской Федерации	— организация исполнения республиканского бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных (федеральных) внебюджетных фондов исходя из принципа единства кассы; — организация распределения в установленных размерах доходов между республиканским бюджетом Российской Федерации и бюджетами республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также передача в местные бюджеты отчислений от поступлений по государственным налогам и доходам
Повышение оперативности в финансировании государственных программ	организация и осуществление краткосрочного прогнозирования и кассового планирования средств республиканского бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных (федеральных) внебюджетных фондов
Усиление контроля за поступлением, целевым и экономным использованием государственных средств	организация и проведение проверок в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в банках и иных финансово-кредитных учреждениях, основанных на любых формах собственности

Источник: составлено автором на основании анализа нормативных правовых актов Российской Федерации.

За чуть более чем 30-летнюю историю количество задач, стоящих перед системой органов Федерального казначейства, значительно увеличилось. Так, в настоящее время Федеральное казначейство является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации ряд правоприменительных функций[4], которые можно агрегировать по следующим группам:

---

[2] *Официальный сайт Федерального казначейства. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya/.*

[3] *Указ Президента Российской Федерации от 08.12.1992 № 1556 «О Федеральном казначействе».*

[4] *Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе» / СПС «КонсультантПлюс».*

— транзакционная (платежная), реализуемая в целях исполнения и обслуживания бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также в целях осуществления операций бюджетных и автономных учреждений, получателей средств из бюджета, участников казначейского сопровождения (УКС);

— контрольная, реализуемая в целях исключения или минимизации нарушений законодательства Российской Федерации, в том числе законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

— регуляторная, реализуемая в целях стандартизации требований должностных лиц Федерального казначейства, а также унификации процессов (действий), осуществляемых в рамках взаимодействия указанных должностных лиц с физическими и юридическими лицами;

— сервисная, реализуемая в интересах иных федеральных органов исполнительной власти;

— информационно-технологическая, реализуемая посредством выполнения Федеральным казначейством полномочий оператора информационных систем.

Для реализации перечисленных функций Федеральное казначейство использует различные механизмы, отраженные в табл. 2.

Таблица 2

Механизмы, используемые Федеральным казначейством в целях реализации возложенных на него функций

Наименование функции	Механизм, используемый для реализации функции
Транзакционная	— казначейское обслуживание и казначейское сопровождение; — управление остатками средств на едином казначейском счете и едином счете федерального бюджета
Контрольная	— внутренний государственный финансовый контроль; — бюджетный (казначейский) мониторинг; — казначейское обслуживание и казначейское сопровождение; — анализ исполнения бюджетных полномочий органов государственного и муниципального финансового контроля, являющихся органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местных администраций; — анализ осуществления главными администраторами бюджетных средств внутреннего финансового аудита; — внешний контроль деятельности аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям (федеральный государственный контроль (надзор)); — контроль (надзор) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в отношении аудиторских организаций, оказывающих аудиторские услуги общественно значимым организациям
Регуляторная	— разработка и утверждение правил, порядков, регламентов в сфере казначейского обслуживания и др.
Сервисная	— ведение бюджетного учета отдельных органов исполнительной власти (их территориальных органов, подведомственных казенных учреждений), а также начисление выплат по оплате труда и их перечисление; — централизованные закупки товаров для отдельных федеральных органов исполнительной власти
Информационно-технологическая	— создание и развитие государственных информационных систем

Источник: составлено автором.

Указанные выше функции позволяют повысить финансовую дисциплину и эффективность бюджетных расходов, формируя для этого необходимые условия. Так, транзакционная, контрольная и регуляторная функции направлены на исключение или минимизацию

различного рода нарушений. Информационно-технологическая, а также регуляторная — создают условия для наиболее эффективной реализации транзакционной, контрольной и сервисной функций.

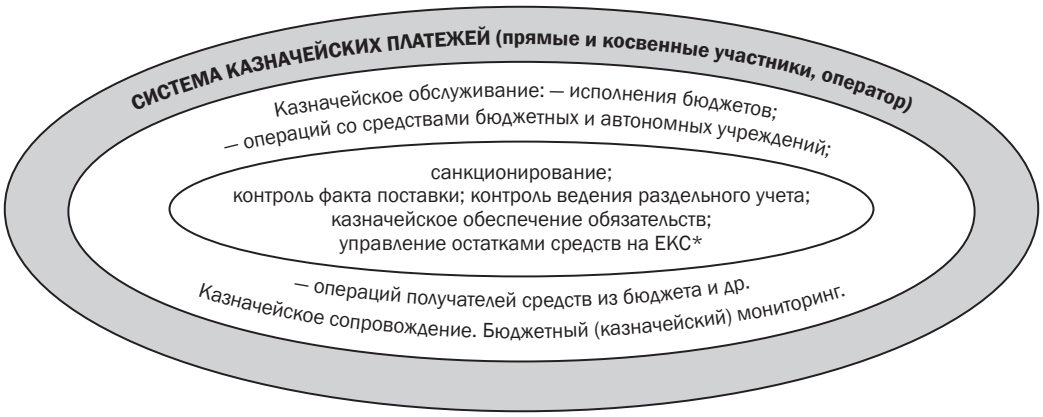
В свою очередь сервисная функция обеспечивает достижение заданного результата с использованием наименьшего объема бюджетных средств [Суконкин, 2023]. Транзакционная — способствует повышению операционной эффективности бюджетных средств, используя механизм управления остатками средств на едином казначейском счете и едином счете федерального бюджета.

Одним из ключевых результатов деятельности Казначейства России в части совершенствования управления средствами участников и неучастников бюджетного процесса можно по праву считать внедрение системы казначейских платежей (СКП). Она представляет собой совокупность участников и оператора, взаимодействующих по правилам организации и функционирования СКП[5]. Оператором этой системы выступает Федеральное казначейство.

Основные элементы СКП представлены на рис. 1.

Рисунок 1

Основные элементы СКП



*Примечание: * — Единый казначейский счет.*
Источник: рисунок автора.

Благодаря внедрению СКП завершен процесс консолидации средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также иных средств, поступающих на лицевые счета, открытые в органах Федерального казначейства или финансовых органах субъектов Российской Федерации (муниципальных образований). Тем самым созданы необходимые условия для:

— осуществления текущего контроля за использованием бюджетных и иных средств, т. е. контроля, реализуемого в процессе совершения операций;

— пополнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации дополнительными доходами (например, в 2024 г. Федеральным казначейством в бюджеты субъектов Российской Федерации перечислено дополнительных доходов от использования временно свободных средств единого казначейского счета на сумму 229,7 млрд руб.[6]);

---

[5] *«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) / СПС «КонсультантПлюс».*

[6] *Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального казначейства за 2024 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/.*

— обеспечения прослеживаемости бюджетных средств;
— повышения прозрачности при расходовании бюджетных средств;
— снижения операционных издержек и минимизации дублирования документооборота;
— повышения эффективности управления движением общественных финансовых потоков [Глушакова, 2021].

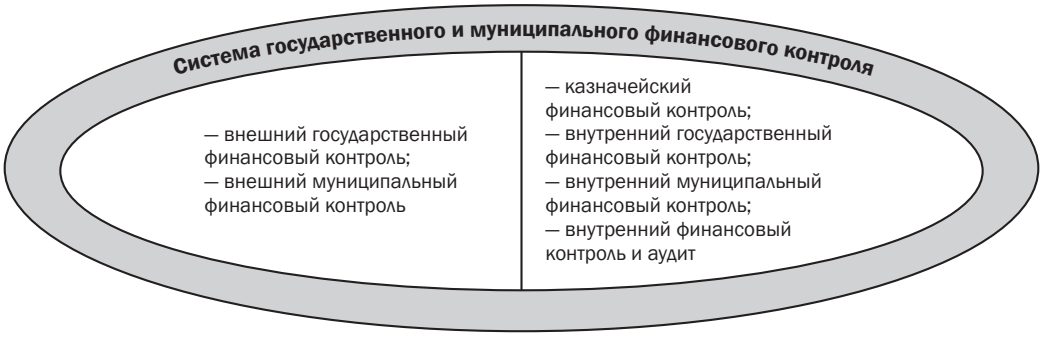
СУЩНОСТЬ КАЗНАЧЕЙСКОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Как было отмечено выше, казначейский финансовый контроль включает в себя казначейское обслуживание, казначейское сопровождение и бюджетный (казначейский) мониторинг.

По нашему мнению, казначейский финансовый контроль является частью системы государственного и муниципального финансового контроля (рис. 2).

Рисунок 2

Система государственного и муниципального финансового контроля



Источник: рисунок автора.

Сущность казначейского финансового контроля раскрывается посредством присущих ему целей, объектов, форм, методов, способов осуществления контрольных действий и форм реагирования на признаки финансовых нарушений (табл. 3).

Таблица 3

Элементы казначейского финансового контроля и внутреннего государственного финансового контроля, реализуемого Федеральным казначейством

Вид	Цель	Объект	Форма	Метод	Способ осуществления контрольных действий	Форма реагирования на финансовые нарушения
Казначейское обслуживание	проведение операций с денежными средствами участников СКП (кроме УКС), соответствующих установленным требованиям	участники СКП (кроме УКС)	текущая	санкционирование	сплошной	протокол, уведомление*
Казначейское сопровождение	проведение операций с денежными средствами УКС, соответствующих установленным требованиям	УКС	текущая	санкционирование	сплошной	протокол

Вид	Цель	Объект	Форма	Метод	Способ осуществления контрольных действий	Форма реагирования на финансовые нарушения
Бюджетный (казначейский) мониторинг	предупреждение и предотвращение финансовых нарушений участников СКП	УКС	текущая	наблюдение	сплошной	уведомление**, предупреждение
Внутренний государственный финансовый контроль	обеспечение соблюдения положений правовых актов и условий государственных контрактов	участники СКП, иные организации	последующая	проверка, ревизия, обследование	выборочный	представление, предписание, уведомление о применении бюджетных мер принуждения

*Примечания: * — уведомление о превышении бюджетным обязательством неиспользованных лимитов бюджетных обязательств, уведомление о нарушении установленных предельных размеров авансового платежа, уведомление о нарушении сроков внесения размеров арендной платы; ** — уведомление об отказе в открытии лицевого счета (об открытии лицевого счета после приостановления его открытия), уведомление о приостановлении открытия лицевого счета, уведомление о запрете (об отказе) осуществления операций на лицевом счете, уведомление о приостановлении операции на лицевом счете.*
Источник: составлено автором.

Таким образом, преимущество механизмов казначейского финансового контроля, для которых характерна текущая форма их применения с использованием методов санкционирования и наблюдения, заключается в охвате контрольными действиями всего объема бюджетных средств. Вместе с тем внутренний государственный финансовый контроль, реализуемый Казначейством России, в рамках которого используются такие методы, как проверка, ревизия и обследование, обеспечивает более глубокое изучение финансовых и иных документов, а также позволяет установить соответствие содержащейся в них информации о количестве (объеме) и стоимости приобретенных товаров (работ, услуг) фактическому их наличию, в том числе посредством проведения контрольных обмеров выполненных работ.

Последнее также характерно для расширенного казначейского сопровождения, анализ содержания которого будет дан ниже.

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ КАЗНАЧЕЙСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И КАЗНАЧЕЙСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Ключевым механизмом СКП выступает казначейское обслуживание. Казначейское обслуживание осуществляется внутри СКП.

Казначейское обслуживание представляет собой проведение Федеральным казначейством операций участников СКП, соответствующих установленным требованиям, и их отражение на соответствующих казначейских счетах.

Существуют различные виды казначейского обслуживания, из которых в рамках настоящего исследования интерес представляют следующие:

— казначейское обслуживание исполнения бюджетов;

— казначейское обслуживание операций со средствами бюджетных и автономных учреждений;

— казначейское обслуживание операций получателей средств из бюджета.

Кроме того, с точки зрения правового регулирования в отдельную категорию выделяется казначейское сопровождение.

Указанные виды казначейского обслуживания взаимосвязаны. Например, казначейское обслуживание исполнения бюджета в числе прочего предусматривает перечисление

средств для дальнейшего сопровождения в рамках иных видов казначейского обслуживания — операций со средствами бюджетных и автономных учреждений, операций получателей средств из бюджета, а также казначейского сопровождения.

Именно в рамках перечисленных выше видов казначейского обслуживания обеспечивается приобретение необходимых государству товаров, работ, услуг. Ключевые элементы рассматриваемых видов казначейского обслуживания и казначейского сопровождения отражены в табл. 4.

Таблица 4

Ключевые элементы отдельных видов казначейского обслуживания и казначейского сопровождения

Вид казначейского обслуживания	Участники	Санкционирование операций (да/нет)	Виды документов, подлежащих санкционированию
Казначейское обслуживание исполнения бюджетов	Участники бюджетного процесса (органы государственной власти, казенные учреждения)	Да	Сведения о бюджетных обязательствах (БО) и денежных обязательствах (ДО), расходные расписания, распоряжения о совершении казначейских платежей (РСКП), документы, подтверждающие возникновение БО и ДО, казначейское обеспечение обязательств (КОО)
Казначейское обслуживание операций со средствами бюджетных и автономных учреждений	Неучастники бюджетного процесса (НУБП) (бюджетные и автономные учреждения)	Да*	Сведения об операциях с целевыми субсидиями, РСКП, документы, подтверждающие факт поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг
Казначейское обслуживание операций со средствами получателей средств из бюджета	Отдельные юридические и физические лица, получающие средства из бюджета, а также юридическое лицо, которому в установленных случаях открываются счета в Федеральном казначействе	Нет	–
Казначейское сопровождение	НУБП (организации, учреждения (кроме казенных))	Да	Сведения об операциях с целевыми средствами, РСКП, документы, подтверждающие факт поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, КОО

*Примечание: * — в части субсидий на иные цели и субсидий на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности и приобретение объектов недвижимого имущества в государственную (муниципальную) собственность.*
Источник: составлено автором на основании анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Казначейское обслуживание исполнения бюджетов выступает первичным звеном механизма текущего контроля за использованием бюджетных средств. Инструментом казначейского обслуживания исполнения бюджетов является процедура санкционирования, которая направлена на проверку соблюдения участниками бюджетного процесса требований бюджетного законодательства Российской Федерации. Данные требования можно разделить на две группы.

1. Формальные, включающие проверку реквизитного состава документов, их полноты и др.

2. Содержательные, или основные, предусматривающие контроль целевого использования средств, соблюдения предельных размеров авансирования, непревышения размеров бюджетных обязательств над доведенными лимитами бюджетных обязательств и др.

В рамках данного вида казначейского обслуживания определяется дальнейшая «судьба» бюджетных средств: куда они будут перечислены — на счета, открытые контрагенту получателя бюджетных средств (ПБС) в кредитной организации, или на счета в Федеральном казначействе.

Так, на счета, открытые в кредитной организации, перечисляются средства в счет оплаты за поставленные товары, выполненные работы или оказанные услуги. На лицевые счета, открытые в Федеральном казначействе, в основном перечисляются авансовые платежи по государственным и муниципальным контрактам, подлежащие казначейскому сопровождению, а также средства субсидий и бюджетных инвестиций. Кроме того, на лицевые счета перечисляются средства субсидий в адрес бюджетных и автономных учреждений.

Казначейское обслуживание исполнения федерального бюджета решает также задачу по доведению межбюджетных трансфертов до бюджетов субъектов Российской Федерации, в том числе с использованием технологии «под потребность». Указанная технология предусматривает перечисление бюджету субъекта Российской Федерации средств только при наличии документов, подтверждающих поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг. Аналогичная технология применяется при доведении средств субсидий до УКС.

Казначейское обслуживание операций со средствами бюджетных и автономных учреждений можно рассматривать как вторичное (производное) звено по отношению к казначейскому обслуживанию исполнения бюджетов. В данном случае средства бюджета в форме субсидий на финансовое обеспечение выполнения государственного или муниципального задания, на иные цели, а также на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной и муниципальной собственности направляются на лицевые счета бюджетных и автономных учреждений, открытые в органах Федерального казначейства или финансовых органах субъектов Российской Федерации (муниципальных образований).

Процедура санкционирования в отношении операций указанных учреждений также включает в себя формальный и содержательный (основной) контроль.

Развитие указанных выше видов казначейского обслуживания предусматривает совершенствование бизнес-процессов, дальнейшую консолидацию отдельных функций на уровне центров специализации (территориальные органы Федерального казначейства, осуществляющие прием к исполнению РСКП[7]), а также перевод функционала по казначейскому обслуживанию исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации (местных бюджетов) из децентрализованной информационной системы в централизованную — государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет»[8].

До 2015 г. казенные, бюджетные и автономные учреждения перечисляли средства своим контрагентам исключительно на счета, открытые в кредитных организациях. Вместе с тем рост банковской дебиторской задолженности федерального бюджета[9], непрозрачность расчетов, недостижение целей предоставления субсидий, нарушение принципа добросовестности со стороны как заказчика, так и исполнителя по контракту потребовали от государства принятия решений по усилению контроля за расходованием бюджетных средств [Демидов, 2023].

---

[7] *Приказ Федерального казначейства от 13 мая 2020 г. № 20н «Об утверждении Правил организации и функционирования системы казначейских платежей» / СПС «КонсультантПлюс».*

[8] *Карта реализации стратегических проектов Казначейства России в 2025–2026 годах. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/strategicheskie-celi-i-zadachi/.*

[9] *URL: https://tass.ru/ekonomika/2097498.*

Одним из таких решений стало внедрение механизма казначейского сопровождения средств, предусматривающего открытие в органах Федерального казначейства, а впоследствии и в финансовых органах субъектов Российской Федерации (муниципальных образований) лицевых счетов организациям всех форм собственности, участвующим в исполнении государственного заказа. Указанные организации приобретают статус УКС.

Казначейское сопровождение представляет собой проведение Федеральным казначейством, финансовыми органами субъектов Российской Федерации (муниципальных образований) операций с денежными средствами УКС[10].

Средства, подлежащие казначейскому сопровождению на федеральном уровне, ежегодно определяются федеральным законом о федеральном бюджете. На уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований виды средств, подлежащих казначейскому сопровождению, отражаются в законе субъекта Российской Федерации о бюджете или в муниципальном правовом акте представительного органа муниципального образования о местном бюджете, а также в решении высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации (местной администрации).

Масштаб казначейского сопровождения средств характеризуют показатели, приведенные в табл. 5.

Таблица 5

Показатели, характеризующие казначейское сопровождение средств, по состоянию на 01 января 2025 г.

Количество УКС, шт.	Количество государственных (муниципальных) контрактов и соглашений (договоров), ед.	Цена государственных контрактов и соглашений, млрд руб.	Остатки средств на лицевых счетах, млрд руб.
67 010	71 070	29 423,7	1875,5

Источник: составлено автором на основании анализа Итогового доклада о результатах деятельности Федерального казначейства за 2024 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/.

Таким образом, при отсутствии механизма казначейского сопровождения бюджетные средства, отраженные в табл. 5, находились бы на счетах организаций, открытых в кредитных учреждениях. К чему это могло бы привести? Например, к направлению средств на цели, не соответствующие предмету контракта. Именно указанное нарушение доминирует в структуре нарушений, предотвращенных Федеральным казначейством в рамках казначейского сопровождения [Демидов, 2023].

Существуют две модели казначейского сопровождения: базовая и расширенная.

Базовая модель предусматривает в качестве основного инструмента контроля санкционирование операций УКС посредством проверки представленных документов (накладные, счета и т. д.). Расширенная — дополнительно включает контроль фактической поставки товаров, работ, услуг, а также контроль соответствия фактических затрат данным раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности УКС. Кроме того, имеют место случаи, когда контроль соответствия фактических затрат данным раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности УКС реализуется в условиях установления ограничения по доходности проекта [Лукашов, 2017].

Следует отметить, что такой контроль в совокупности с ограничением доходности проекта позволяет значительно повысить эффективность использования бюджетных средств.

---

[10] *«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) / СПС «КонсультантПлюс».*

В качестве пилотного проекта по апробации синхронного применения указанных инструментов стал проект по подготовке и проведению на территории Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 и Кубка конфедераций FIFA 2017 в части создания необходимой для освещения матчей информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Инфраструктура была создана, а государственный заказчик возвратил в бюджет 515 млн руб. [Лукашов, 2019]. Тем самым были заложены предпосылки для анализа рентабельности государственных проектов.

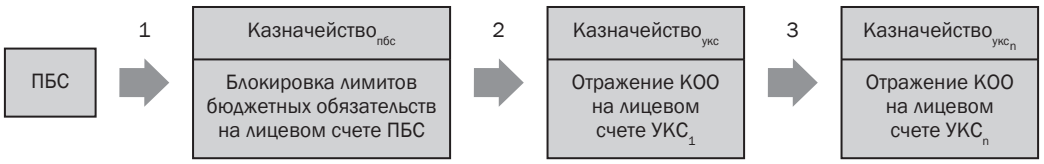
Кроме того, сам факт взаимодействия бизнеса с органом внутреннего государственного финансового контроля (Федеральным казначейством) снижает риски участия в исполнении государственного заказа недобросовестных поставщиков [Егорова, 2021; Ковтун, 2022].

Инструментом, аналогичным по своему содержанию технологии предоставления средств «под потребность», является казначейское обеспечение обязательств (КОО). КОО представляет собой аналог безотзывного аккредитива. При этом данный инструмент интересен как государству, так и бизнесу, участвующему в исполнении государственного заказа. Для государства КОО устраняет риски, вытекающие из перечисления авансовых платежей, а для бизнеса является инструментом, гарантирующим получение средств в случае выполнения взятых на себя обязательств.

Схема функционирования КОО представлена на рис. 3 и 4.

Рисунок 3

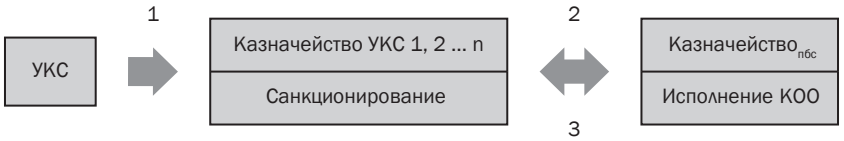
Технология выдачи КОО



1 — направление в казначейство по месту открытия лицевого счета ПБС (Казначейство$_{пбс}$) заявления о выдаче КОО;
2 — перевод КОО на лицевой счет УКС, являющегося головным исполнителем;
3 — перевод КОО УКС, являющимся головным исполнителем, на лицевой счет УКС, являющегося соисполнителем и т. д.
Источник: рисунок автора.

Рисунок 4

Технология исполнения КОО

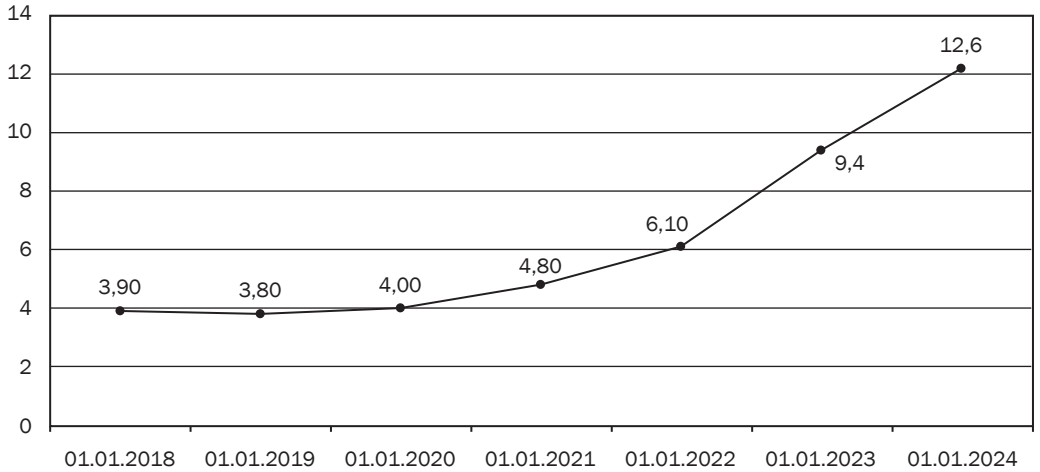


1 — УКС предоставляет в казначейство по месту открытия лицевого счета РСКП и документы, подтверждающие факт поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг;
2 — Казначейство в случае положительного результата санкционирования операции направляет в Казначейство$_{пбс}$ заявление на исполнение КОО в размере, указанном в РСКП;
3 — Казначейство$_{пбс}$ перечисляет средства в объеме, указанном в заявлении на исполнение КОО.
Источник: рисунок автора.

По нашему мнению, целесообразно распространить применение КОО на все государственные и муниципальные контракты, средства по которым подлежат казначейскому сопровождению. Это позволит остановить рост стремительно увеличивающейся дебиторской задолженности федерального бюджета (рис. 5).

Рисунок 5

Размер дебиторской задолженности федерального бюджета по расходам за период с 01.01.2018 по 01.01.2024, трлн руб.



Источник: Баланс исполнения федерального бюджета за соответствующий период. Федеральное казначейство. URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet/.

Необходимо отметить, что, помимо казначейского сопровождения средств бюджета, в определенных случаях применяется механизм банковского сопровождения контрактов, который во многом идентичен казначейскому сопровождению. При этом к основным отличиям банковского сопровождения от казначейского следует отнести: платность услуг в банке в случае осуществления расширенного банковского сопровождения (оказание банком услуг, позволяющих обеспечить соответствие принимаемых товаров, работ (их результатов), услуг условиям сопровождаемого контракта); нацеленность банка как любого коммерческого предприятия в первую очередь на извлечение прибыли.

В настоящее время в рамках казначейского сопровождения используется технология «моментальные платежи», которая предусматривает исполнение РСКП, не требующих предоставления документов, подтверждающих возникновение обязательств (заработная плата, налоги и др.), в автоматическом режиме без участия казначея. При этом количество таких платежей в среднем составляет 35%. Дальнейшее развитие казначейского сопровождения связано с внедрением цифровых контрактов и актов.

Казначейское обслуживание операций получателей средств из бюджета является одним из антикризисных механизмов, широкое применение которого стартовало в 2023 г. Суть данного механизма заключается в перечислении средств субсидий, не подпадающих под казначейское сопровождение, на лицевые счета, открытые в Федеральном казначействе. В свою очередь получатели субсидий направляют средства с лицевых счетов на счета контрагентов, открытые в кредитных организациях.

Содержание казначейского контроля за операциями получателей средств из бюджета вытекает из режима работы лицевого счета, предусматривающего:

— запрет на перечисление средств с лицевого счета на счета, открытые получателю средств из бюджета в учреждении Центрального банка Российской Федерации или кредитной организации (за исключением расчетов по оплате труда, оплаты обязательств юридического лица в соответствии с валютным законодательством Российской Федерации и др.);

— запрет на перечисление средств в целях их размещения на депозитах и в иные финансовые инструменты.

По нашему мнению, казначейское обслуживание операций получателей средств из бюджета следует рассматривать как промежуточный этап перехода от банковского к казначейскому сопровождению средств. Это обусловлено актуальностью усиления текущего контроля за целевым использованием бюджетных средств.

БЮДЖЕТНЫЙ (КАЗНАЧЕЙСКИЙ) МОНИТОРИНГ

Бюджетный (казначейский) мониторинг — один из самых новых и перспективных механизмов, используемых в бюджетном процессе Российской Федерации.

Причиной его разработки выступила необходимость синхронизации требований казначейства с банковскими требованиями, в основе которых — принципы «Знай своего клиента» и «Знай операции своего клиента» [Артюхин и др., 2024].

Бюджетный (казначейский) мониторинг представляет собой деятельность Федерального казначейства по своевременному предупреждению и предотвращению финансовых нарушений участников СКП[11]. В настоящее время объектами бюджетного (казначейского) мониторинга являются действия (операции) УКС, совершаемые при открытии лицевых счетов и проведении операций по ним.

Указанная выше цель бюджетного (казначейского) мониторинга достигается благодаря использованию блокирующих, предупредительных и информационных мер реагирования. При этом блокирующие меры реагирования отличаются императивным характером, что обусловливает одностороннее принятие решений со стороны Федерального казначейства. А предупредительные и информационные меры предусматривают взаимодействие между Федеральным казначейством, заказчиком и УКС [Лукашов, 2024b].

В фокусе внимания бюджетного (казначейского) мониторинга — 29 видов финансовых нарушений, содержащихся в Бюджетном кодексе Российской Федерации и классификаторе признаков финансовых нарушений УКС[12].

Информационная среда бюджетного (казначейского) мониторинга включает в себя данные, размещенные на официальных сайтах в сети «Интернет» Росфинмониторинга и ФНС России, в единой информационной системе в сфере закупок, а также в государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» и др.

В 2024 г. в рамках бюджетного (казначейского) мониторинга было проведено более 600 тыс. проверок в отношении УКС, по результатам которых применено 38 тыс. различных мер реагирования[13]. Важно, что бюджетный (казначейский) мониторинг является единственным механизмом, инструментарий которого полностью автоматизирован.

Перспективным направлением развития бюджетного (казначейского) мониторинга является распространение его действия на всех участников СКП, а также на такие этапы жизненного цикла государственного проекта, как обоснование бюджетных ассигнований, контрактация, исполнение государственного контракта (договора, соглашения), отражение результатов финансово-хозяйственной деятельности в учете и отчетности, гарантийные обязательства [Лукашов, 2022].

---

[11] *«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ.*

[12] *Приказ Минфина России от 01.12.2021 № 203н «Об утверждении Порядка формирования и ведения классификатора признаков финансовых нарушений участников казначейского сопровождения» / СПС «КонсультантПлюс».*

[13] *Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального казначейства за 2024 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу. URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/.*

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ КАЗНАЧЕЙСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И КАЗНАЧЕЙСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

В рамках ранее проведенных исследований нами были сформулированы возможные варианты оценки результативности и эффективности государственного и муниципального финансового контроля, а также бюджетного (казначейского) мониторинга [Лукашов, 2024с].

Необходимо отметить, что при определении результативности и эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения мы придерживаемся позиции исследователей, рассматривающих:

— результативность через призму достижения поставленных перед исследуемым объектом целей [Бурейшо, 2021; Бурик, 2022];

— эффективность как отношение затрат на обеспечение деятельности к стоимости результатов данной деятельности [Демидов, 2013].

Кроме того, эффективность казначейского обслуживания и казначейского сопровождения также характеризуется обоснованностью принятия решений должностными лицами территориальных органов Федерального казначейства (ТОФК) при реализации указанных функций.

С учетом изложенного в целях оценки результативности и эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения предлагается следующее.

Цель казначейского обслуживания (казначейского сопровождения) заключается в проведении операций с денежными средствами участников СКП (УКС), соответствующих установленным требованиям. Таким образом, казначейское обслуживание и казначейское сопровождение можно считать результативными в случае своевременного исполнения документов. При этом предлагаем выделять из общего количества несвоевременно исполненных документов те документы, в результате задержки исполнения которых нарушены сроки, определенные трудовыми и иными договорами участников СКП (табл. 6).

Таблица 6

Показатели оценки результативности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения

№ п/п	Наименование показателя	Порядок определения показателя	Критерии оценки
1	Своевременность исполнения документов участников СКП (С)*, %	$100 - \frac{Д_н}{Д_о} \times 100$, где $Д_н$ — количество несвоевременно исполненных документов**; $Д_о$ — общее количество документов, исполненных в анализируемом периоде	казначейское обслуживание (казначейское сопровождение) является: — результативным, если С от 90 до 100%; — недостаточно результативным, если С от 80 до 89%; — нерезультативным, если С менее 80%
2	Доля несвоевременно исполненных документов, в результате задержки исполнения которых нарушены сроки, определенные трудовыми и иными договорами участников СКП (З)*, %	$100 - \frac{Д_{нс}}{Д_н} \times 100$**, где $Д_{нс}$ — количество несвоевременно исполненных документов, в результате задержки исполнения которых нарушены сроки, определенные трудовыми и иными договорами участников СКП	казначейское обслуживание (казначейское сопровождение) является: — результативным, если З от 99 до 100%; — нерезультативным, если З менее 99%

*Примечания: * — источником информации о нарушении сроков исполнения документов могут выступать результаты внутреннего контроля, результаты проверок контрольно-надзорных органов, обращения участников СКП и др.; ** — в том числе учитываются несвоевременно исполненные документы по причине неработоспособности информационных систем.*

Источник: составлено автором.

Эффективность казначейского обслуживания и казначейского сопровождения предлагается определять с учетом наличия (отсутствия) фактов исполнения документов, по которым ранее ТОФК было принято решение о их неисполнении, при условии идентичности информации, содержащейся в указанных документах участников СКП. Также эффективность рассматриваемых механизмов будет характеризовать наличие фактов необоснованного отказа в исполнении документов (табл. 7).

Таблица 7

Показатели оценки эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения

№ п/п	Наименование показателя	Порядок определения показателя	Критерии оценки
1	Обоснованность исполнения документов участников СКП (О), %	$100 - \frac{Д_{нот}}{Д_{об}} \times 100*$, где $Д_{нот}$ — количество исполненных документов, по которым ранее ТОФК было принято решение о неисполнении, при условии идентичности информации, содержащейся в указанных документах участников СКП; $Д_{об}$ — общее количество документов, по которым ТОФК принято решение о неисполнении	казначейское обслуживание (казначейское сопровождение) является: — эффективным, если О от 99 до 100%; — неэффективным, если О менее 99%
2	Доля необоснованно отказанных в исполнении документов участников СКП (Н), %	$100 - \frac{Д_{он}}{Д_{об}} \times 100*$, где $Д_{он}$ — количество необоснованно отказанных документов	казначейское обслуживание (казначейское сопровождение) является: — эффективным, если Н от 99 до 100%; — неэффективным, если Н менее 99%

*Примечание: * — источником информации о нарушении сроков исполнения документов могут выступать результаты внутреннего контроля, результаты проверок контрольно-надзорных органов, обращения участников СКП и др.*
Источник: составлено автором.

Результативность и эффективность должностных лиц ТОФК, осуществляющих казначейское обслуживание и казначейское сопровождение, определяется по указанным в табл. 6 и 7 показателям. При этом в расчете показателей результативности должностного лица ТОФК не учитываются факты несвоевременного исполнения документов участников СКП по причине неработоспособности информационных систем.

В отношении определения результативности и эффективности в рамках расширенной модели казначейского сопровождения предлагаем следующее.

Расширенное казначейское сопровождение признается нерезультативным только в случае наличия информации, свидетельствующей о некачественно проведенной проверке как факта поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, так и ведения раздельного учета. Данная информация может быть получена от контрольно-надзорных органов, государственных и муниципальных заказчиков, исполнителей по договорам, подразделений внутреннего контроля ТОФК и др. Таким образом, нерезультативной может быть признана конкретная проверка, проведенная в рамках расширенного казначейского сопровождения.

Для определения эффективности расширенного казначейского сопровождения предлагаем использовать показатель, учитывающий цену государственного контракта (договора), средства по которому подлежат расширенному казначейскому сопровождению, и затраты на проведение проверки контракта (договора) (табл. 8).

Таблица 8

Показатели оценки эффективности расширенного казначейского сопровождения

№ п/п	Наименование показателя	Порядок определения показателя	Критерии оценки
1	Эффективность расширенного казначейского сопровождения по договору ($Э_д$), %	$\frac{З_т}{Ц} \times 100$, где $З_т$ — сумма затрат, понесенных ТОФК при осуществлении проверок в рамках договора; Ц — цена договора. $З_т = К \times t \times ЗН + П$, где К — количество сотрудников ТОФК и ФКУ ЦОКР*, участвовавших в проверке, t — количество рабочих дней, затраченных на проведение проверок, ЗН — среднедневная заработная плата с начислениями сотрудников, участвующих в проверке, П — прочие затраты на осуществление проверок (командировочные расходы и т. д.)	Расширенное казначейское сопровождение по договору признается эффективным, если $Э_д$ менее 1%
2	Эффективность расширенного казначейского сопровождения по государственному контракту ($Э_{гк}$), %	$\frac{\sum З_{тгк}}{Ц_{гк}} \times 100$, где $\sum З_{тгк}$ — общая сумма затрат, понесенных ТОФК при осуществлении проверок: — договоров, заключенных в целях исполнения государственного контракта; — государственного контракта. Определяется аналогично $З_т$. $Ц_{гк}$ — цена государственного контракта	Расширенное казначейское сопровождение по государственному контракту признается эффективным, если $Э_{гк}$ менее 1%

*Примечание: * — Федеральное казенное учреждение «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России».*
Источник: составлено автором.

Предложенные выше методики определения результативности и эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения могут быть также использованы для сравнительного анализа результативности и эффективности деятельности ТОФК.

ВЫВОДЫ

Федеральное казначейство за чуть более 30-летнюю историю своего существования прошло огромный путь развития, обеспечивая в настоящее время реализацию функций, позволяющих повысить финансовую дисциплину участников и неучастников бюджетного процесса, а значит, и эффективность использования бюджетных средств в целом.

В настоящее время казначейский финансовый контроль включает в себя бюджетный (казначейский) мониторинг, казначейское обслуживание и казначейское сопровождение.

Дальнейшее развитие казначейского финансового контроля связано с автоматизацией реализуемых процедур, оцифровкой используемых документов, расширением спектра действий (операций), попадающих в фокус внимания контроля, а также внедрением единой оценки результативности и эффективности казначейского обслуживания и казначейского сопровождения. Все это будет способствовать предотвращению финансовых нарушений и повышению эффективности использования бюджетных средств.

Список источников

1. Бурейшо А. А. Понятия результативности и эффективности деятельности организации // Электронный научный журнал. 2021. № 9 (47). С. 71–74.
2. Бурик Н. А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» деятельности предприятия // Бенефициар. 2022. № 72. С. 29–33.

3. Глушакова О. В. Казначейская система России-2021: новые тренды развития в условиях усиления бюджетных ограничений // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 2. С. 244–271. https://doi.org/10.24891/fc.27.2.244.
4. Демидов А. Ю. Государственный аппарат: эффективность и результативность деятельности. Москва: Издательский дом «Бюджет», 2013. 240 с.
5. Демидов А. Ю. Казначейское сопровождение: итоги создания и задачи // Финансы. 2023. № 12. С. 3–11.
6. Егорова М. В. SWOT-анализ практики осуществления казначейского сопровождения целевых средств. Менеджер. 2021. № 3 (97). С. 134–140.
7. Артюхин Р. Е. и др. Казначейское сопровождение и бюджетный мониторинг: монография. Москва: Юриспруденция, 2024. 240 с.
8. Ковтун Л. Р., Серебренникова Н. Н. Развитие казначейского сопровождения как инструмента контроля в сфере государственных закупок // Global and Regional Research. 2022. Т. 4. № 2. С. 14–19.
9. Лукашов А. И. Эволюция казначейского сопровождения средств федерального бюджета (на примере УФК по г. Москве) // Финансы. 2017. № 8. С. 37–41.
10. Лукашов А. И. Раскрытие структуры цены контракта — один из инструментов повышения эффективности бюджетных расходов // Финансы. 2019. № 6. С. 15–19.
11. Лукашов А. И. Трансформация организационно-функциональной модели государственного и муниципального финансового контроля // Финансовый журнал. 2024a. Т. 16. № 4. С. 41–60. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-4-41-60.
12. Лукашов А. И. Сущность бюджетного мониторинга // Аудит. 2024b. № 2 (190). С. 52–55.
13. Лукашов А. И. Новая парадигма бюджетного мониторинга // Финансы. 2022. № 6. С. 17–22.
14. Лукашов А. И. Формирование системы оценки эффективности государственного финансового контроля и бюджетного мониторинга в Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2024c. Т. 28. № 1. С. 52–63. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-52-63.
15. Суконкин А. П. Централизация госзакупок как инструмент повышения эффективности госменеджмента // Бюджет. 2023. № 11 (251). С. 82–83.

References

1. Bureysho A.A. (2021). The concepts of effectiveness and efficiency of the organization. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Electronic scientific journal*, 47 (9), 71–74.
2. Burik N.A. (2022). The relationship between the concepts of “efficiency” and “effectiveness” of an enterprise. *Benefitsiar — Beneficiary*, 72, 29–33.
3. Glushakova O.V. (2021). Treasury system of Russia-2021: new development trends in the context of increasing budget constraints. *Finansy i kredit — Finance and Credit*, 27 (2), 244–271. https://doi.org/10.24891/fc.27.2.244.
4. Demidov A.Y. (2013). The state apparatus: efficiency and effectiveness of activities. Moscow: Publishing house “Budget”. 240 p.
5. Demidov A.Y. (2023).Treasury support: results of creation and tasks. *Finansy — Finance*, 12, 3–11.
6. Egorova M.V. (2021). SWOT analysis of the practice of treasury support of earmarked funds. *Menedzher — Manager*, 3 (97), 134–140.
7. Artyukhin R.E. (2024). Treasury support and budget monitoring: a monograph. Moscow: Jurisprudence. 240 p.
8. Kovtun L.R., Serebrennikova N.N. (2022). Development of treasury support as a control tool in the field of public procurement. *Global and Regional*, 4 (2), 14–19.
9. Lukashov A.I. (2017). The evolution of treasury support for federal budget funds (on the example of the Federal Budget Committee for Moscow). *Finansy — Finance*, 8, 37–41.
10. Lukashov A.I. (2019). Disclosure of the contract price structure is one of the tools to increase the efficiency of budget expenditures. *Finansy — Finance*, 6, 15–19.
11. Lukashov A.I. (2024a). Transformation of the Organizational and Functional Model of State and Municipal Financial Control. *Financial Journal*, 16 (4), 41–60 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-4-41-60.
12. Lukashov A.I. (2024b). The essence of budget monitoring. *Audit*, 2 (190), 52–55.
13. Lukashov A.I. (2022). A new paradigm of budget monitoring. *Finansy — Finance*, 6, 17–22.
14. Lukashov A.I. (2024c). Formation of a system for evaluating the effectiveness of state financial control and budget monitoring in the Russian Federation. *Finansy: teoriya i praktika — Finance: theory and practice*, 28 (1), 52–63. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-52-63.
15. Sukonkin A.P. (2023). Centralization of public procurement as a tool to increase the effectiveness of state management. *Byudzhet — Budget*, 11 (251), 82–83.

Информация об авторе

***Андрей Иванович Лукашов**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой бюджета и казначейства РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Москва*

Information about the author

***Andrey I. Lukashov**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Head of the Basic Department of Budget and Treasury of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

Статья поступила в редакцию 04.04.2025
Одобрена после рецензирования 20.05.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted April 4, 2025
Approved after reviewing May 20, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-108-125

CC BY

Влияние денежно-кредитной политики на ставки по кредитам и депозитам в условиях ограниченной мобильности капитала в России

Елизавета Петровна Добронравова
E-mail: dobronravova-ep@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-5164-906X
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Изменение ключевой ставки центрального банка влияет на ставки по депозитам и кредитам и тем самым транслируется в решения домашних хозяйств и фирм о сбережениях и займах. В настоящем исследовании проверяется гипотеза о росте эффективности механизма переноса ключевой ставки в краткосрочные и долгосрочные процентные ставки по кредитам и депозитам в российской экономике. Рост эффективности, согласно экономической теории, может быть вызван масштабными внешними и внутренними ограничениями на движение капитала в 2022–2024 гг., снижающими зависимость внутренних ставок от глобальных финансовых условий. Однако первичный анализ мультипликаторов процентных ставок выявил тенденцию к усилению переноса лишь в сегментах краткосрочных депозитов физических лиц и нефинансовых организаций. Снижать эффект переноса в рассматриваемый период (и более ранние) в долгосрочном сегменте мог возросший уровень неопределенности в российской экономике, а в сегменте кредитов — широкое распространение льготных программ кредитования: ипотечного, кредитования МСП, агропромышленного комплекса и проч.
Исследование проводилось с помощью эконометрической модели коррекции ошибок, позволяющей оценить как краткосрочный, так и долгосрочный отклик рыночных ставок на изменения ключевой. Прокси-переменные, характеризующие рост ограничений на движение капитала и рост объемов льготного кредитования, включались в модель в качестве переменных наклона к ключевой ставке Банка России. Результаты показали, что с марта 2022 г. участились как краткосрочный, так и долгосрочный переносы ставки в сегменте депозитов физических лиц. Также при добавлении контрольной переменной, отражающей масштабы льготного кредитования, удалось получить свидетельства в пользу выдвинутой гипотезы в сегментах кредитования физических лиц и краткосрочного кредитования нефинансовых организаций. Увеличение масштабов льготного кредитования в большинстве спецификаций действительно оказывало негативное влияние на эффективность трансмиссионного механизма.

Ключевые слова: *денежно-кредитная политика, ограничения на движение капитала, эффект переноса процентных ставок, процентные ставки по депозитам, процентные ставки по кредитам, льготное кредитование, эконометрическое моделирование*

JEL: *C22, E43, E52, E58*

Финансирование: *статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.*

Для цитирования: *Добронравова Е. П. Влияние денежно-кредитной политики на ставки по кредитам и депозитам в условиях ограниченной мобильности капитала в России // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 108–125. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-108-125.*

© Добронравова Е. П., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-108-125

The Impact of Monetary Policy on Loan and Deposit Rates in the Context of Limited Capital Mobility in Russia

Elizaveta P. Dobronravova

RANEPA, Moscow, Russian Federation

dobronravova-ep@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-5164-906X

Abstract

According to the macroeconomic theory, capital controls should improve the transmission of interest rates from the monetary policy rate to market-based short- and long-term rates, as the latter are less affected by global financial conditions. We test this hypothesis using the case of the Russian economy, which faces massive domestic and external restrictions on capital flows in 2022–2024. During this period, the pass-through of interest rates could be reduced: for long-term deposits — by the high level of uncertainty in the Russian economy, for credit rates — by broad preferential lending programs: mortgages, SME lending, agricultural lending, etc. The study was conducted using the error correction model, which is commonly used in modeling the pass-through of interest rates in the credit and deposit markets. Such a model allows us to estimate the short- and long-run effects of a change in the monetary policy rate, as well as the speed of adjustment to a new long-run equilibrium. Proxy variables for capital restrictions and preferential lending were included in the model as a change in the slope to the monetary policy rate. The results of the analysis show that both short- and long-run pass-throughs in the retail deposit market have intensified since March 2022. Moreover, when we add a control variable reflecting the extent of preferential lending, we are able to confirm our hypothesis for long-term interest rates on individual credits and short-term interest rates on credits to non-financial organizations. The expansion of preferential lending in most model specifications had a negative impact on the effectiveness of pass-through lending.

Keywords: *monetary policy, capital controls, interest rate pass through, deposit rates, lending rates, preferential lending, econometric analysis*

JEL: *C22, E43, E52, E58*

Funding: *The article was prepared within the framework of the RANEPA state assignment research program.*

For citation: *Dobronravova E.P. (2025). The Impact of Monetary Policy on Loan and Deposit Rates in the Context of Limited Capital Mobility in Russia. Financial Journal, 17 (3), 108–125 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-108-125.*

© Dobronravova E.P., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Во многих исследованиях, посвященных изучению трансмиссионного механизма и эффективности денежно-кредитной политики (ДКП) в условиях варьирующегося уровня мобильности капитала, делается вывод о том, что традиционный процентный канал трансмиссии лучше функционирует при низкой мобильности капитала, а финансовая либерализация, наоборот, является одной из важных предпосылок для эффективного функционирования валютного канала.

Сравним последствия смягчения ДКП в малой открытой экономике с высокой и с низкой мобильностью капитала в условиях жестких цен. Такая ДКП приведет к сокращению доходности отечественных активов и падению внутренних реальных процентных ставок. С одной стороны, вырастут внутренние валовые инвестиции, т. к. фирмам станут более доступны заемные средства на внутренних рынках, с другой стороны, увеличатся чистые зарубежные инвестиции, т. е. произойдет отток капитала из страны вследствие падения доходности отечественных активов по сравнению с зарубежными. Отток капитала приведет к росту спроса на зарубежную валюту и ослаблению курса национальной валюты, вследствие чего возрастет чистый экспорт.

В стране с высокой мобильностью капитала отток капитала будет более сильным, поэтому дополнительное резкое сокращение спроса на отечественные активы приведет к падению их цен, а значит, падение их доходности и реальных процентных ставок будет более слабым. В стране с низкой мобильностью капитала у экономических агентов нет возможности быстро и без издержек перевести свое богатство в зарубежные активы, и потому дополнительного падения цен отечественных активов практически не происходит, а их доходность вследствие смягчения ДКП падает. Таким образом, в стране с серьезными ограничениями на мобильность капитала увеличение внутренних инвестиций и потребительского спроса будет более существенным, что говорит о лучшей проводимости традиционного процентного канала трансмиссионного механизма.

Высокий уровень оттока капитала приводит к повышению спроса на иностранную валюту, вследствие чего наблюдается существенное ослабление валютного курса и рост чистого экспорта. Таким образом, в стране с меньшим количеством ограничений на мобильность капитала лучше работает валютный канал трансмиссионного механизма.

Работа процентного канала улучшается в условиях ограничений на движение капитала, т. е. экономические агенты сберегают и занимают в основном на внутреннем финансовом рынке в отечественной валюте, вследствие чего внутренние шоки процентной ставки оказывают более сильное влияние на потребительский и инвестиционный спрос, т. к. перенос богатства в зарубежные активы в этих условиях затруднен [Auer, 2023].

В некоторых исследованиях более подробно обсуждается влияние мобильности капитала на работу механизма ДКП на первых этапах трансмиссии, а именно в процессе переноса ставки денежно-кредитной политики в рыночные краткосрочные ставки, а также краткосрочных ставок в долгосрочные рыночные ставки, который в литературе получил название «эффект переноса процентных ставок». Зачастую отмечается, что эффект переноса в случае ограничений на мобильность капитала будет более полным (см., например, [Obstfeld, 2021; Georgiadis, Mehl, 2016; ter Ellen et al., 2020] и др.). Это происходит из-за того, что рыночные ставки в экономике с высокой мобильностью капитала в большей степени объясняются внешними факторами, нежели внутренними: появляются дополнительные глобальные аспекты, определяющие их динамику. В частности, долгосрочные ставки отражают не только динамику краткосрочных ставок, но и ожидаемое изменение краткосрочных ставок в будущем, а также дополнительные факторы риска. Увеличение мобильности капитала способствует влиянию глобальных шоков на эти показатели и, таким образом, повышает корреляцию между внутренними и зарубежными долгосрочными ставками. Это сокращает эффект переноса процентных ставок (краткосрочных

в долгосрочные) и снижает эффективность денежно-кредитной политики, что при прочих равных условиях требует от центрального банка (ЦБ) более резких изменений ставок ДКП [Ito, 2014].

Волатильность валютного курса в стране оказывает воздействие на корреляцию долгосрочных процентных ставок между странами, премия за срок и премия за риск в стране с высокой мобильностью капитала сильнее подвержены глобальному финансовому циклу, в частности, они во многом определяются склонностью к риску глобальных инвесторов [Dahlquist, Hasseltoft, 2016; Bruno, Shin, 2015]. Поэтому даже в случае независимого установления ставки ДКП центральным банком долгосрочные ставки будут сильнее зависеть от внешних факторов в условиях высокой мобильности капитала. При введении ограничений на мобильность ЦБ получает больше контроля как над краткосрочной, так и над долгосрочной процентными ставками, а значит, это может повысить работоспособность процентного канала трансмиссионного механизма.

Настоящее исследование посвящено проверке гипотезы об усилении механизма переноса ключевой ставки в краткосрочные и долгосрочные процентные ставки по кредитам и депозитам для российской экономики, которое могло быть вызвано масштабными внешними и внутренними ограничениями на движение капитала, введенными в 2022–2024 гг. и снижающими подверженность внутренних ставок глобальным финансовым условиям.

Для проверки гипотезы проведено сравнение результатов оценок мультипликаторов процентных ставок в период высоких ограничений на движение капитала (с марта 2022 г.) и в предыдущие периоды (с января 2014 г. по февраль 2022 г.). Мультипликаторы оценивались на основе эконометрических моделей коррекции ошибок — распространенной спецификации при анализе эффекта переноса процентных ставок — с учетом ряда контрольных переменных, в т. ч. отражающих распространение в последние годы программ льготного кредитования физических и юридических лиц, которые способны ослабить перенос процентных ставок из-за субсидирования части процентных расходов.

Несмотря на ряд ограничений построенных моделей, таких как невысокое качество прокси-показателей масштабов льготного кредитования корпоративного сектора, невозможность учета масштабов кредитования по плавающим ставкам, результаты анализа продемонстрировали значимое увеличение мультипликаторов процентных ставок в сегменте депозитов физических лиц, кредитования физических лиц и в сегменте краткосрочного кредитования нефинансовых организаций. Это позволяет сделать вывод о том, что гипотеза об усилении переноса процентных ставок в России после введения масштабных ограничений на движение капитала не отвергается.

В основной части статьи представлены стилизованные факты об изменениях мультипликаторов процентных ставок в условиях как смягчения, так и ужесточения процентной политики Банка России, не учитывающие прочие факторы, которые могли повлиять на трансмиссионный механизм. Далее обсуждаются методы эконометрического исследования, спецификации эконометрических моделей и их модификации, а также приводятся результаты эконометрического анализа. В заключении сформулированы ключевые выводы исследования.

СТИЛИЗОВАННЫЕ ФАКТЫ

Наиболее простым способом оценки эффекта переноса является процентный мультипликатор, рассчитываемый, например, в исследовании [Beyer et al., 2024] как отношение накопленного прироста средневзвешенной рыночной процентной ставки к накопленному приросту ставки центрального банка за один цикл ужесточения или смягчения денежно-кредитной политики.

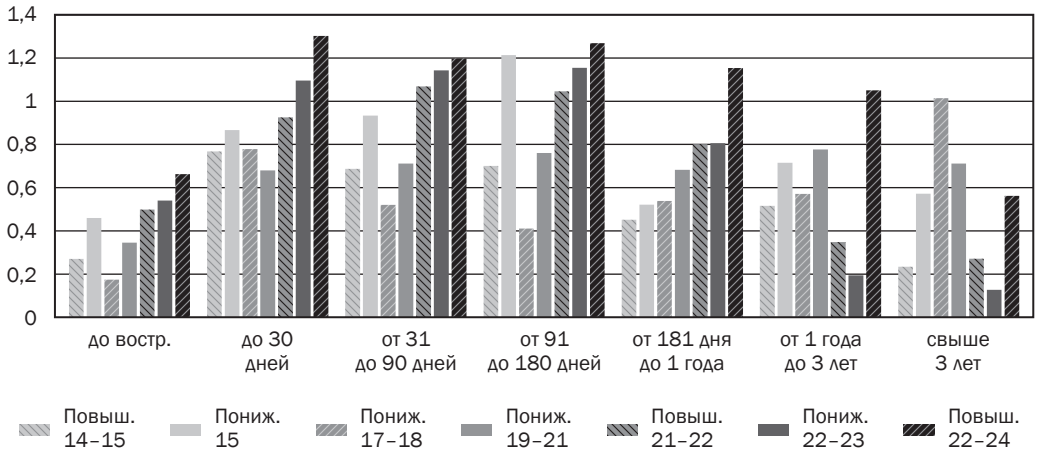
Для оценки мультипликаторов в настоящем исследовании использованы ежемесячные данные о средневзвешенных процентных ставках по депозитам физических лиц, по кредитам физическим лицам и по кредитам нефинансовым организациям разной срочности, а также данные по ключевой ставке Банка России с марта 2014 г. по декабрь 2024 г.

Циклы ужесточения/смягчения ДКП определяются в соответствии с динамикой ключевой ставки: началом цикла считается первый месяц, в котором ставка была повышена/снижена, цикл считается завершенным, либо когда ставка первый раз снижается/повышается, либо когда ставка остается неизменной четвертый месяц подряд, в зависимости от того, какое событие произойдет раньше. На основе анализа выделено три цикла ужесточения ДКП: март 2014 г. – январь 2015 г., март 2021 г. – март 2022 г., июль 2023 г. – декабрь 2024 г.; и четыре цикла смягчения ДКП: февраль – ноябрь 2015 г., март 2017 г. – июнь 2018 г., июнь 2019 г. – октябрь 2020 г., апрель – декабрь 2022 г. Два последовательных эпизода снижения ставки в 2016 г. и два последовательных эпизода повышения ставки в 2018 г. не рассматривались как циклы ДКП и были исключены из анализа. Один цикл смягчения (апрель – декабрь 2022 г.) и один цикл ужесточения монетарной политики (июль 2023 г. – декабрь 2024 г.) приходятся на период высоких ограничений на мобильность капитала, и сравнение результатов оценок на этих временных промежутках с результатами оценок на предыдущих данных является основной задачей на данном этапе исследования.

Оцененные мультипликаторы процентных ставок в сегменте депозитов физических лиц и депозитов нефинансовых организаций представлены на рис. 1 и 2 соответственно.

Рисунок 1

Мультипликаторы процентных ставок по депозитам физических лиц в рублях

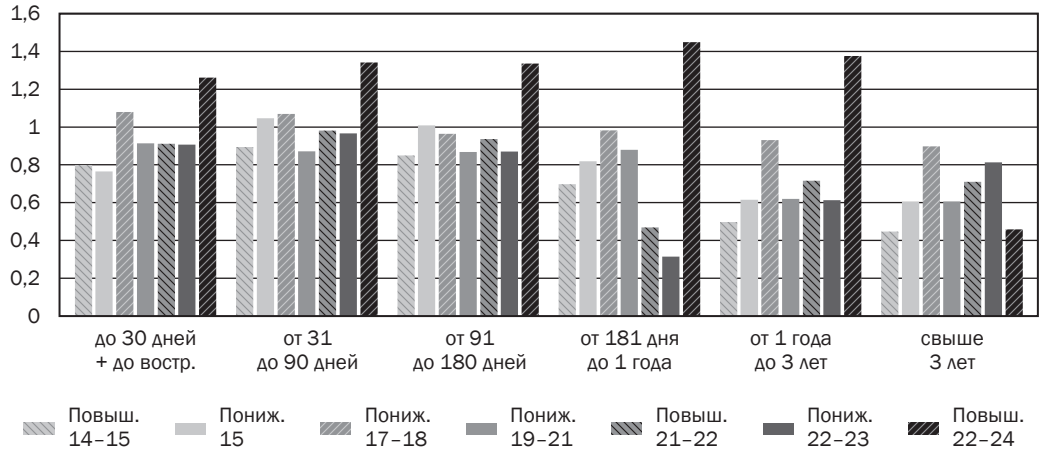


Источник: рисунок автора по данным Банка России.

Действительно, в сегменте краткосрочных депозитов (на срок до одного года) в течение одного-двух последних циклов ДКП наблюдается увеличение мультипликаторов, точечные оценки в ряде случаев даже выходят за пределы единицы. Однако рис. 1 демонстрирует также постепенное увеличение мультипликатора по депозитам физических лиц, а не резкий его рост в последние три года, что может быть связано не только с мобильностью капитала, но и с некоторым повышением прозрачности коммуникационной политики ЦБ РФ относительно будущей динамики процентных ставок в краткосрочной перспективе [Картаев, Леденёва, 2021].

Рисунок 2

Мультипликаторы процентных ставок по депозитам нефинансовых организаций в рублях



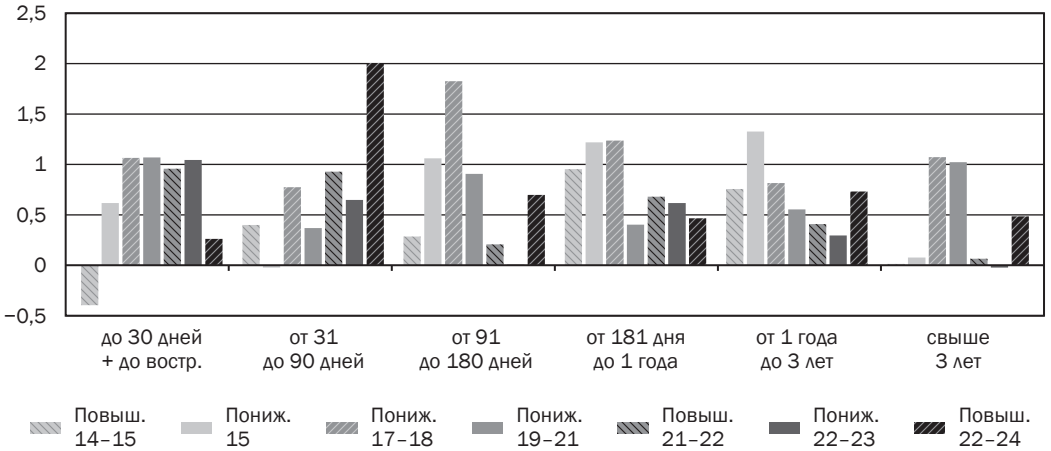
Источник: рисунок автора по данным Банка России.

В сегменте долгосрочных депозитов высокий мультипликатор наблюдается только по депозитам от одного до трех лет в последнем цикле ужесточения, остальные мультипликаторы остаются низкими — существенно ниже тех, что наблюдались в 2017–2021 гг. Неучтенным фактором здесь может являться повышенный уровень неопределенности в российской экономике и денежно-кредитной политике в средне- и долгосрочной перспективе (например, экономические агенты не ожидают, что текущие высокие процентные ставки сохранятся в течение нескольких лет). В сегменте депозитов нефинансовых организаций заметный рост мультипликатора процентных ставок наблюдается только в последнем цикле ужесточения денежно-кредитной политики.

Результаты оценки мультипликаторов процентных ставок в сегменте кредитов физическим лицам представлены на рис. 3.

Рисунок 3

Мультипликаторы ставок по кредитам, выданным физическим лицам в рублях



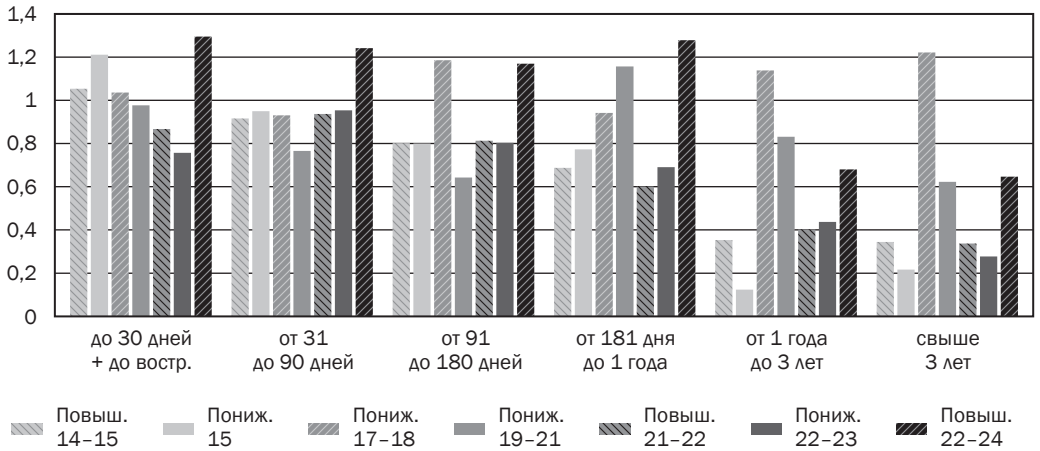
Источник: рисунок автора по данным Банка России.

Оценки не демонстрируют роста эффективности ДКП в последние годы ни в сегменте краткосрочных, ни в сегменте долгосрочных банковских кредитов. Тем не менее сокращение процентного мультипликатора в этих сегментах может быть связано с неучтенными факторами, такими как распространение механизмов поддержки кредитования физических лиц (льготные программы, кредитные каникулы и проч.). В частности, механизмы льготного ипотечного кредитования (2018–2024 гг.) могли существенным образом затронуть работу трансмиссионного механизма в сегменте долгосрочных кредитов физическим лицам.

Результаты оценки мультипликаторов процентных ставок на сегменте кредитования физических лиц представлены на рис. 4.

Рисунок 4

Мультипликаторы ставок по кредитам, выданным нефинансовым организациям в рублях



Источник: рисунок автора по данным Банка России.

В мультипликаторах по краткосрочным кредитам (на срок до 180 дней) существенных изменений в последние годы не наблюдается: точечные оценки в диапазоне 0,8–1,21 говорят о высокой эффективности ДКП в этом сегменте и полном переносе ставок. По кредитам на срок от 181 дня до одного года наблюдается восстановление мультипликатора до полного переноса в последнем цикле ужесточения ДКП, по кредитам на срок от одного года, за исключением цикла смягчения политики в 2017–2018 гг., перенос является неполным, наблюдается его некоторое увеличение в последнем цикле. Тем не менее и в этом сегменте возможно искажение результата из-за ряда существенных неучтенных факторов. Во-первых, таким фактором может служить распространение в последние годы программ поддержки кредитования бизнеса, в частности программ льготного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, предприятий агропромышленного комплекса, а также программ предоставления поручительств, поддержка системно значимых компаний и проч. Во-вторых, это постепенный рост доли кредитов юридическим лицам, выдаваемых по плавающей ставке и не учитываемых в данных по средневзвешенным ставкам, предоставляемым Банком России [Бурова и др., 2024].

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТА ПЕРЕНОСА ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК В РАЗНЫХ СЕГМЕНТАХ ДЕПОЗИТНОГО И КРЕДИТНОГО РЫНКОВ

Для учета совместного влияния ключевой ставки и прочих факторов на рыночные процентные ставки по кредитам и депозитам были оценены эконометрические модели эффекта переноса. Во многих исследованиях для таких целей используются модели

распределенных лагов (ADL- и ARDL-модели) (например, в [Beyer et al., 2024; Messer, Niepmann, 2023]) или в более общем виде — модели коррекции ошибок (ECM-модели) (см. [Sander, Kleimeier, 2004; de Bondt, 2005] и др.), в том числе в исследованиях, посвященных российской экономике [Перевышин, Перевышина, 2015; Егоров, Борзых, 2018; Коновалова и др., 2021; Бурова и др., 2024].

Считается, что денежно-кредитная политика эффективна, если изменение рыночных процентных ставок в разных сегментах кредитного и депозитного рынка на 1 п. п. изменения ключевой ставки при прочих равных близко к единице, т. е. перенос осуществляется в пропорции 1:1. При этом перенос может быть не мгновенным — допускается постепенная подстройка рыночных ставок к изменившимся условиям. Для этого проводится разделение оценок на краткосрочный эффект переноса (в течение одного месяца) и долгосрочный эффект, подстройка к которому может занимать больше времени ([de Bondt, 2005; Andries, Billon, 2016; Перевышин, Перевышина, 2015] и др.).

Встречается критика данного подхода. Обсуждается, что такая оценка полноты эффекта переноса может быть не вполне корректной, т. к. доля нетто-фондирования банков от ЦБ РФ на практике достаточно мала. В таком случае любой перенос, превышающий эту долю, можно считать суперэффективным, особенно в условиях, когда изменение ставки меньше, чем банковская маржа [Пеникас, 2023]. Критикуется также эконометрический метод оценки полноты эффекта переноса — утверждается, что он не может полностью уловить сглаживание переноса во времени.

Тем не менее целью настоящего исследования является не оценка полноты эффекта переноса и выводов об эффективности ДКП в целом, а лишь оценка того, наблюдается ли в российской экономике в период жестких ограничений на движение капитала значимое усиление эффекта переноса процентных ставок и его ускорение по сравнению с предыдущими периодами. Поэтому будет использован стандартный подход к оценке переноса на основе мультипликаторов из моделей коррекции ошибок.

В табл. 1 представлены результаты тестов на единичный корень по процентным ставкам, а также на коинтеграцию между рыночными ставками и ключевой ставкой процента. Тесты говорят в пользу нестационарности ставок, но в большинстве случаев отмечается наличие коинтеграционного соотношения между ними, поэтому для оценок будет использована модель коррекции ошибок.

Таблица 1

Тестирование единичного корня и коинтеграции процентных ставок

Показатель	Тестирование единичного корня	Тестирование коинтеграции с ключевой ставкой	
	ADF-тест (H0 — наличие единичного корня): p-значение теста в уровнях; *p*-значение теста в первых разностях	Тест Энгла — Грейнджера (H0 — наличие единичного корня в остатках коинтеграционной модели): *p*-значение теста	Тест Йохансена: число коинтеграционных соотношений (*p*-значение trace-теста об отсутствии коинтеграции)
Среднемесячная ключевая ставка	0,104 0,000***		
Средневзвешенная ставка по депозитам физических лиц в рублях			
до одного года	0,370 0,000***	0,006***	0 (0,159)
свыше одного года	0,552 0,000***	0,000***	1 (0,004***)
Средневзвешенная ставка по депозитам нефинансовых организаций в рублях			
до одного года	0,633 0,000***	0,001***	1 (0,023***)
свыше одного года	0,153 0,000***	0,000***	1 (0,002***)

Продолжение таблицы 1

Средневзвешенная ставка по кредитам физическим лицам в рублях на срок:			
до одного года	0,505 0,000***	0,017**	1 (0,037**)
свыше одного года	0,622 0,000***	0,100*	1 (0,023**)
Средневзвешенная ставка по кредитам нефинансовым организациям в рублях на срок:			
до одного года	0,739 0,000***	0,027**	0 (0,148)
свыше одного года	0,814 0,000***	0,012**	0 (0,169)

*Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.*
Источник: рассчитано и составлено автором.

Базовая спецификация модели представлена в уравнении (1).

$$\Delta r_t = \sum_{i=1}^{p} \alpha_{1.i} \Delta r_{t-i} + \sum_{j=0}^{q} \alpha_{2,j} \Delta key_{t-j} + \theta(r_{t-1} - \gamma_0 - \gamma_1 key_{t-1}) + \beta X_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где r_t — рыночная ставка процента в рассматриваемом сегменте кредитного или депозитного рынка;
key_t — ключевая ставка процента;
X_t — контрольные переменные.

В качестве рыночных ставок использованы ежемесячные средневзвешенные ставки по депозитам физических лиц в рублях, ставки по кредитам, выданным физическим лицам в рублях, по депозитам и по кредитам, выданным нефинансовым организациям в рублях (данные Банка России). Краткосрочные ставки — это ставки по перечисленным продуктам на срок до одного года, средне- и долгосрочные — на срок свыше одного года. Для сопоставимости зависимой переменной и регрессора ключевая ставка также рассчитана в ее среднемесячных значениях[1]. Данные взяты за период с января 2014 г. по август 2024 г.

В модели использованы две группы контрольных переменных. К базовым контрольным переменным относятся прирост выпуска и инфляция (как, например, в работах [Beyer et al., 2024; Messer, Niepmann, 2023]), в данном случае оцененные как сезонно сглаженный индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности и сезонно сглаженный индекс потребительских цен соответственно (данные Росстата). Помимо этого, проводится контроль на неопределенность, измеренную новостным индексом неопределенности денежно-кредитной политики[2]. Значения индекса за последние периоды получены непосредственно от авторов статьи [Петрова, Трунин, 2023].

Оценка такой модели осуществляется при помощи двухшаговой процедуры. На первом шаге оценивается долгосрочное коинтеграционное соотношение между ставками

[1] *Ключевая ставка включается в модель непосредственно, без выделения «монетарных шоков». Такое включение не позволяет разделить решение по изменению ключевой ставки на «систематическую», или ожидаемую, компоненту, т. е. объясняемую наблюдаемыми макроэкономическими условиями, в частности темпами роста выпуска и цен в экономике, и «несистематическую», или шоковую. Это сделано намеренно, чтобы оценить реакцию рыночных процентных ставок в числе прочего на ожидаемое «систематическое» изменение ключевой ставки, при этом в модель включены базовые контрольные переменные и их лаги.*

[2] *Индекс является модификацией новостного индекса Бейкера — Блума — Дэвиса с учетом специфики российской экономики и рассчитывается на основе доли статей, содержащих отдельные выражения из категорий «экономика», «неопределенность», «политика» и «денежно-кредитная», в общем количестве статей проанализированных российских интернет-изданий: «Лента.ру», «Коммерсантъ», РБК и «Интерфакс» [Петрова, Трунин, 2023].*

и определяются долгосрочные мультипликаторы переноса ставок, оценка проводится динамическим методом наименьших квадратов (DOLS). Остатки этой модели с лагом 1 включаются в регрессию второго шага в качестве члена коррекции ошибок. На втором шаге оценивается уравнение (1), краткосрочные мультипликаторы, а также скорость подстройки зависимой переменной к долгосрочному равновесию.

Для расширения модели, чтобы учесть различия в эффекте переноса в периоды умеренных и высоких ограничений на движение капитала, была введена фиктивная переменная LM_t, значения которой равны 1 начиная с марта 2022 г. и 0 — во все предыдущие периоды. Эта переменная вводится в качестве переменной наклона к ключевой ставке: оцениваемое уравнение преобразовывается в уравнение (2).

$$\Delta r_t = \sum_{i=1}^{p} \alpha_{1.i} \Delta r_{t-i} + \sum_{j=0}^{q} \alpha_{2,j} \Delta key_{t-j} + \sum_{j=0}^{q} \alpha_{3,j} LM_{t-j} \Delta key_{t-j} +$$

$$+ \theta(r_{t-1} - \gamma_0 - \gamma_1 key_{t-1} - \gamma_2 LM_{t-1} key_{t-1}) + \beta X_t + \varepsilon_t. \quad (2)$$

Результаты оценки моделей (1) – (2) для краткосрочных и долгосрочных депозитов физических лиц представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценки ECM-моделей переноса процентных ставок в сегменте депозитов физических лиц

Зависимая переменная	Средневзвешенная ставка по депозитам физических лиц на срок до одного года			Средневзвешенная ставка по депозитам физических лиц на срок свыше одного года		
Модель	(1)	(2)		(3)	(4)	
		До 2022	После 2022		До 2022	После 2022
SR-мульт.	0,244* (0,137)	0,207 (0,138)	0,448*** (0,099)	0,156* (0,079)	0,144 (0,103)	0,245** (0,102)
Прирост SR-мульт. после 2022			0,241** (0,103)			0,101 (1,142)
LR-мульт.	0,905*** (0,060)	0,764*** (0,062)	0,903*** (0,050)	0,724*** (0,059)	0,663*** (0,042)	0,734*** (0,035)
Прирост LR-мульт. после 2022 г.			0,140*** (0,036)			0,071*** (0,023)
Скорость возвращения к LR-тренду (θ)	−0,226* (0,121)	−0,395*** (0,118)		−0,312*** (0,074)	−0,312*** (0,074)	
Время до полного приспособления к LR-тренду (месяцев)	3,345*	2,008	1,397***	2,705*	2,533	2,234**
Базовый контроль	Да	Да		Да	Да	
Контроль на неопределенность ДКП	Да	Да		Да	Да	
Число наблюдений	125	125		114	118	
R^2adj.	0,794	0,822		0,554	0,461	

*Примечание: здесь и далее SR-мульт. — краткосрочный мультипликатор процентных ставок; LR-мульт. — долгосрочный мультипликатор процентных ставок; R^2adj. — скорректированный коэффициент детерминации; в скобках указаны стандартные ошибки, устойчивые к гетероскедастичности; *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.*
Источник: рассчитано и составлено автором.

Результаты оценок эффекта переноса ключевой ставки в ставки по депозитам физических лиц действительно демонстрируют значимое улучшение переноса в период с марта 2022 г., характеризующийся среди прочего высокими ограничениями на мобильность капитала. Так, наблюдается значимый прирост долгосрочного мультипликатора, оцениваемого при помощи DOLS и характеризующего итоговый прирост рыночной ставки процента

на 1 п. п. увеличения ключевой ставки. Кроме того, заметен значимый прирост краткосрочного (мгновенного) мультипликатора процентных ставок, отражающего реакцию рыночной ставки на изменение ключевой в течение одного месяца. Это говорит о том, что трансмиссия стала не только более эффективной, но и более быстрой: оценки скорости подстройки к долгосрочному равновесию также демонстрируют некоторое ускорение этой подстройки.

Результаты оценивания моделей (1) – (2) для краткосрочных и долгосрочных депозитов нефинансовых организаций представлены в табл. 3.

Таблица 3

Оценки ECM-моделей переноса процентных ставок в сегменте депозитов нефинансовых организаций

Зависимая переменная	Средневзвешенная ставка по депозитам нефинансовых организаций на срок до одного года						Средневзвешенная ставка по депозитам нефинансовых организаций на срок свыше одного года		
Модель	(5)	(6)		(7)	(8)		(9)	(10)	
		До 2022	После 2022		До 2022	После 2022		До 2022	После 2022
SR-мульт.	0,309*** (0,030)	0,285*** (0,035)	0,373*** (0,068)	0,075** (0,035)	0,118*** (0,023)	0,378*** (0,044)	0,102 (0,080)	−0,046 (0,094)	−0,140 (0,185)
Прирост SR-мульт. после 2022 г.			0,088 (0,088)			0,260*** (0,048)			−0,094 (0,195)
LR-мульт.	0,960*** (0,022)	0,989*** (0,014)	0,994*** (0,012)	0,955*** (0,030)	0,991*** (0,013)	1,008*** (0,012)	0,780*** (0,052)	0,785*** (0,058)	0,802*** (0,050)
Прирост LR-мульт. после 2022 г.			0,005 (0,009)			0,018* (0,009)			0,018 (0,031)
Скорость возвращения к LR-тренду (θ)	−0,375*** (0,126)	−0,591** (0,251)		−0,029 (0,097)	−0,118 (0,181)		−0,126 (0,110)	−0,576*** (0,116)	
Время до полного приспособления к LR-тренду (месяцев)	1,843***	1,210***	1,061***	7,341	7,475	5,271	1,996	1,816	1,979
Базовый контроль	Нет	Нет		Нет	Да		Да	Да	
Контроль на неопределенность ДКП	Нет	Нет		Да	Да		Да	Да	
Число наблюдений	121	119		124	114		120	123	
R^2adj.	0,845	0,844		0,905	0,958		0,911	0,607	

*Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.*
Источник: рассчитано и составлено автором.

В сегменте депозитов нефинансовых организаций гипотеза об усилении эффекта переноса процентных ставок после 2022 г. не получила подтверждения: для краткосрочных депозитов наблюдается некоторое увеличение краткосрочного мультипликатора, однако значимого прироста долгосрочного мультипликатора нет ни в краткосрочных, ни в долгосрочных депозитах.

Результаты аналогичных оценок в сегменте кредитов физическим лицам не подтверждают гипотезу об усилении эффекта переноса с 2022 г. Модель (2) для всех типов кредитов физическим лицам демонстрирует значимое сокращение долгосрочного

мультипликатора в периоды высоких ограничений на движение капитала. Эти оценки согласуются с оценками мультипликаторов, полученными на предыдущем этапе исследования и, как и они, не учитывают широкое распространение в последние годы льготных программ кредитования.

Поскольку в отдельных сегментах кредитного рынка на трансмиссионный механизм существенное влияние могут оказывать программы льготного кредитования, вводится дополнительная прокси-переменная, измеряемая в диапазоне (0,1), отвечающая за масштабы льготного кредитования. Эта переменная $PrCr_t$ также вводится как переменная наклона к ключевой ставке: оцениваемое уравнение преобразуется в уравнение (3).

$$\Delta r_t = \sum_{i=1}^{p} \alpha_{1.i} \Delta r_{t-i} + \sum_{j=0}^{q} \alpha_{2,j} \Delta key_{t-j} +$$

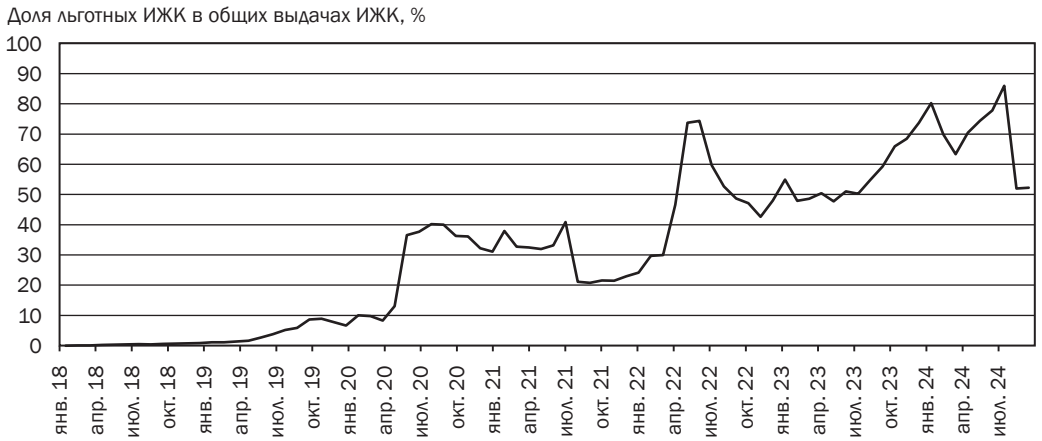
$$+ \sum_{j=0}^{q} \alpha_{3,j} LM_{t-j} \Delta key_{t-j} + \sum_{j=0}^{q} \alpha_{4,j} PrCr_{t-j} \Delta key_{t-j} +$$

$$+ \theta(r_{t-1} - \gamma_0 - \gamma_1 key_{t-1} - \gamma_2 LM_{t-1} key_{t-1} - \gamma_3 PrCr_{t-1} key_{t-1}) + \beta X_t + \varepsilon_t. \quad (3)$$

Такая модификация модели опирается на достаточно жесткую предпосылку о том, что сила эффекта переноса процентных ставок линейно убывает по мере роста масштаба льготных программ и существенно зависит от качества прокси-переменной, характеризующей этот масштаб. В сегменте кредитования физических лиц в качестве такой переменной выступает доля выданных льготных ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) в общем объеме ипотечных жилищных кредитов за рассматриваемый месяц. Эта переменная не в полной мере подходит для сегмента краткосрочного кредитования, однако она представлена наиболее качественными и полными данными в статистике Банка России. Переменная принимает ненулевые значения начиная с 2018 г. — первого года введения семейной ипотеки, и далее растет до более чем 80% в конце 2023 г. по мере увеличения количества программ и расширения объема поддержки в рамках действующих программ. Динамика масштабов льготного ипотечного кредитования представлена на рис. 5.

Рисунок 5

Динамика масштабов льготного ипотечного кредитования



Источник: рисунок автора по данным Банка России.

Результаты оценок переноса процентных ставок для краткосрочных, средне- и долгосрочных кредитов, выданных физическим лицам, с учетом роста масштабов льготной ипотеки представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оценки ECM-моделей переноса процентных ставок в сегменте кредитов физическим лицам с учетом масштабов льготного кредитования

Зависимая переменная	Средневзвешенная ставка по кредитам физическим лицам на срок до одного года		Средневзвешенная ставка по кредитам физическим лицам на срок свыше одного года	
Модель	(11)		(12)	
	До 2022	После 2022	До 2022	После 2022
SR-мульт. в условиях отсутствия льготных кредитов	0,005 (0,107)	0,110 (0,079)	0,110 (0,079)	0,712*** (0,241)
Прирост SR-мульт. после 2022		0,004 (0,251)		0,601*** (0,191)
SR-эффект льготных кредитов ($\alpha_{3,0}$)	−0,065 (0,406)		−0,360 (0,301)	
LR-мульт. в условиях отсутствия льготных кредитов	1,018*** (0,166)	1,708*** (0,280)	0,707*** (0,096)	1,093*** (0,160)
Прирост LR-мульт. после 2022		0,690** (0,267)		0,386*** (0,142)
LR-эффект льготных кредитов (γ_3)	−1,325*** (0,396)		−0,832*** (0,218)	
Скорость возвращения к LR-тренду (θ)	−0,048 (0,043)		−0,097** (0,045)	
Время до полного приспособления к LR-тренду (месяцев)	20,729	20,667	9,175	2,969***
Базовый контроль	Да		Да	
Контроль на неопределенность ДКП	Да		Да	
Число наблюдений	123		124	
R^2adj.	0,656		0,457	

*Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.*
Источник: рассчитано и составлено автором.

Введение в модель прокси масштабов льготного кредитования не позволяет улучшить ее краткосрочные свойства, однако существенно улучшает оценки первого шага — DOLS-оценки долгосрочного коинтеграционного соотношения. Они показывают, что льготные программы кредитования сокращают эффективность денежно-кредитной политики (примерно в пропорции 1:1, т. е. рост доли льготных кредитов в общей доле кредитов на 1 п. п. приводит к сокращению переноса примерно на 0,01, поскольку гипотезу о равенстве суммы долгосрочных коэффициентов γ_1 и γ_2 нельзя отвергнуть). С другой стороны, в последние годы, несмотря на распространение льготных программ, эффективность ДКП в рамках переноса процентных ставок при прочих равных увеличилась (об этом говорит значимый положительный коэффициент γ_2), что служит косвенным подтверждением гипотезы о влиянии ограничений на движение капитала на работу процентного канала трансмиссионного механизма.

К похожему выводу получается прийти при оценке аналогичной модели для кредитов, выданных физическим лицам на срок от одного года. Оценки в табл. 4 также отражают значимое влияние льготных программ ипотечного кредитования на долгосрочный эффект переноса процентных ставок: они снижают эффективность трансмиссии также примерно 1:1 на периоде до 2022 г. При этом с марта 2022 г. наблюдается значимый, хотя и меньший по сравнению с краткосрочным кредитованием, рост долгосрочного мультипликатора

процентных ставок. Кроме того, в сегменте долгосрочного кредитования при коррекции на льготные программы модель демонстрирует значимое краткосрочное влияние ключевой ставки на рыночные ставки по кредитам начиная с марта 2022 г., что говорит о более быстрой реакции ставок в краткосрочном периоде на этом временном промежутке.

Куда сложнее оказалось подобрать переменную, характеризующую масштаб льготного кредитования корпоративного сектора. В открытом доступе отсутствуют данные об объеме льготного кредитования и его доле в общем объеме кредитов за требуемый временной промежуток. Например, в работе [Скуратова, Зверева, 2024] в качестве прокси для охвата программами льготного корпоративного кредитования авторы используют долю кредитов субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП), а также долю кредитов, выданных в секторах обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и строительства. На региональном уровне такие характеристики позволяют в какой-то степени проследить вариацию охвата льготным кредитованием по регионам РФ (объект исследования авторов [Скуратова, Зверева, 2024]), однако не дают возможности проанализировать эту вариацию во времени, поэтому для нашего исследования на макроуровне эти показатели не подходят.

В итоге в качестве прокси-показателя, примерно характеризующего масштабы льготного кредитования в корпоративном секторе, выбраны объемы расходов федерального бюджета по статьям субсидий организациям на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и на возмещение недополученных кредитными организациями доходов по кредитам, выданным организациям. За исполнение таких расходов отвечают в первую очередь Министерство сельского хозяйства РФ и Министерство экономического развития РФ. Вследствие отсутствия открытых данных об исполнении федерального бюджета за последние годы взяты данные из приложений к федеральным законам «О федеральном бюджете»[3] в годовом разрезе. Для получения относительного показателя объемы государственной поддержки были поделены на среднегодовую задолженность корпоративного сектора. При переводе в ежемесячный формат переменная оставалась неизменной в течение всего года.

Следует отметить, что рассматриваемый показатель обладает достаточно низким качеством вследствие ряда факторов, таких как: изменения бюджетной классификации, проведенные за последние 10 лет; неизменность показателя в течение года; запаздывание показателя; невозможность однозначно оценить, к какой программе льготного кредитования относится та или иная статья, и других. Все это не позволяет оценить объемы новых выданных льготных кредитов и понять, насколько трансмиссионный механизм будет «зашумлен» вследствие распространения льготных программ. Поэтому количественным оценкам коэффициентов при этом показателе вряд ли стоит доверять. Тем не менее его включение позволяет устранить смещенность оценки при переменной интереса: как свидетельствуют оценки сектора кредитования физических лиц, учет масштабов льготной ипотеки позволил существенно повысить качество и интерпретируемость оценок переноса процентных ставок. Поэтому дополнительный контроль такого (хотя и несовершенного) показателя представляется автору настоящего исследования довольно важным для получения качественных выводов.

Оценки эффекта переноса ставок без учета масштабов льготного кредитования вновь опровергают гипотезу о росте работоспособности процентного канала в период роста ограничений на движение капитала как в краткосрочной, так и в долгосрочной

---

[3] *Например, Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» от 27.11.2023 № 540-ФЗ, Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» от 05.12.2022 № 466-ФЗ, Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 № 390-ФЗ и т. д.*

перспективе. Результаты оценок переноса процентных ставок для краткосрочных и долгосрочных кредитов, выданных нефинансовым организациям, с учетом масштабов льготного кредитования представлены в табл. 5.

Таблица 5

Оценки ECM-моделей переноса процентных ставок в сегменте кредитов нефинансовым организациям с учетом масштабов льготного корпоративного кредитования

Зависимая переменная	Средневзвешенная ставка по кредитам нефинансовым организациям на срок до одного года		Средневзвешенная ставка по кредитам нефинансовым организациям на срок свыше одного года			
Модель	(13)		(14)		(15)	
	До 2022	После 2022	До 2022	После 2022	До 2022	После 2022
SR-мульт. в условиях отсутствия льготных кредитов	0,301** (0,096)	0,461*** (0,136)	−0,009 (0,083)	0,309*** (0,117)	−0,009 (0,083)	0,342*** (0,116)
Прирост SR-мульт. после 2022 г		0,440*** (0,060)		0,318*** (0,077)		0,350*** (0,076)
SR-эффект льготных кредитов ($\alpha_{3,0}$)	−14,399 (11,248)		8,555 (10,584)		8,425 (10,356)	
LR-мульт. в условиях отсутствия льготных кредитов	1,147*** (0,016)	1,315*** (0,028)	0,960*** (0,065)	0,802*** (0,060)	0,959*** (0,065)	0,805*** (0,061)
Прирост LR-мульт. после 2022 г.		0,168*** (0,033)		−0,157*** (0,038)		−0,154*** (0,040)
LR-эффект льготных кредитов (γ_3)	−4,179* (2,126)		−12,310** (5,719)		−11,630* (6,194)	
Скорость возвращения к LR-тренду (θ)	−0,655*** (0,216)		−0,068 (0,050)		−0,057 (0,047)	
Время до полного приспособления к LR-тренду (месяцев)	1,051**	0,823***	14,838	10,162	17,702	11,544
Базовый контроль	Да		Нет		Нет	
Контроль на неопределенность ДКП	Да		Нет		Да	
Число наблюдений	108		123		124	
R^2adj.	0,946		0,593		0,615	

*Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.*
Источник: рассчитано и составлено автором.

Учет масштабов программ льготного корпоративного кредитования позволил существенным образом улучшить оценки эффекта переноса процентных ставок по краткосрочным корпоративным кредитам. Модель (13) демонстрирует значимое улучшение переноса в долгосрочном периоде (значимый прирост LR-мультипликатора с марта 2022 г.). Также наблюдается существенное усиление мгновенной реакции ставок и сокращение скорости подстройки к долгосрочному равновесию (значимый прирост SR-мультипликатора с марта 2022 г.), что говорит в пользу выдвинутой гипотезы.

Результаты оценок переноса процентных ставок в сегменте средне- и долгосрочного корпоративного кредитования получились противоречивыми. С одной стороны, они демонстрируют значительное увеличение мгновенной реакции рыночных ставок по кредитам на изменения ключевой ставки: прирост SR-мультипликатора во всех спецификациях значимый и положительный. С другой стороны, долгосрочный мультипликатор во всех спецификациях на периоде с марта 2022 г. оказался ниже, чем в предыдущие годы, даже с учетом контроля на неопределенность и на масштабы льготных программ. Возможной

причиной может являться эффект переключения: представленные данные по средневзвешенным банковским ставкам учитывают только кредиты организациям, выданные по фиксированной ставке, в то время как в условиях высокой волатильности кредиты по плавающей ставке становятся все более популярными, их доля в общей структуре выданных кредитов нефинансовым организациям значительно выросла за последние пять лет [Бурова и др., 2024]. Повышение ключевой ставки приводит не к соответствующему повышению фиксированных ставок по кредитам, а к переключению компаний и банков на кредиты по плавающей ставке, что существенно снижает силу эффекта переноса процентных ставок в этом сегменте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье была протестирована гипотеза об изменении работоспособности переноса процентных ставок в условиях ограничения на движение капитала. На российских данных за 2014–2024 гг. было проверено, усилился ли перенос ключевой ставки Банка России в рыночные ставки по кредитам и депозитам и ускорился ли этот процесс после усиления санкций и введения мер контроля за движением капитала Банком России в 2022 г. Для этого была использована модель коррекции ошибок. Однозначное подтверждение гипотез о том, что, во-первых, долгосрочный перенос существенно вырос в период с марта 2022 г., а во-вторых, усилилась краткосрочная реакция рыночных ставок на ключевую ставку и возросла скорость подстройки к долгосрочному равновесию, было получено только в сегменте депозитов физических лиц. Рублевые ставки на последнем временно́м промежутке действительно демонстрируют описанную динамику как по краткосрочным, так и по долгосрочным вкладам. Однако в кредитном сегменте все предварительные оценки демонстрировали ослабление эффекта переноса. Была выдвинута гипотеза, что такое «зашумление» результатов оценок может быть вызвано возросшим масштабом льготного кредитования как для физических, так и для юридических лиц, для чего в модели были введены соответствующие прокси-переменные, характеризующие масштабы льготных программ. В некоторых сегментах они позволили улучшить оценки и получить результат, не противоречащий выдвинутым гипотезам. Так, не были опровергнуты обе выдвинутые гипотезы (об усилении переноса и о сокращении скорости подстройки) в сегментах средне- и долгосрочного кредитования физических лиц и в сегменте краткосрочного кредитования юридических лиц. В сегменте краткосрочных кредитов физическим лицам удалось получить свидетельства в пользу усиления только долгосрочного эффекта переноса. Увеличение масштабов льготного кредитования в большинстве спецификаций действительно оказывало негативное влияние на эффективность трансмиссионного механизма.

Таким образом, проведенный анализ в целом подтверждает, что в условиях высоких ограничений на движение капитала растет эффективность процентной политики, проводимой в рамках режима таргетирования инфляции, т. к. из-за повышения издержек на проведение трансграничных операций или прямого их ограничения ставки процента, как краткосрочные, так и долгосрочные, быстрее и сильнее реагируют на изменения ключевых ставок.

При этом полученные выводы не лишены некоторых недостатков. Так, показатель ограничений на движение капитала введен в качестве фиктивной переменной на период их действия, не выражен количественно и не позволяет охарактеризовать изменение уровня строгости введенных ограничений. В нем также может содержаться общая информация о прочих структурных сдвигах, произошедших в российской экономике в марте 2022 г. Частично эта проблема была решена введением прокси масштабов льготного кредитования и контролем на возросший уровень неопределенности при проведении

экономической политики. Несмотря на указанные недостатки, выводы исследования подтверждают положения экономической теории и могут быть использованы для оценки последствий изменения денежно-кредитной политики.

Список источников

1. Бурова А., Гришина Т., Маханькова Н. Измерение дополнительных показателей агрегированных процентных ставок по кредитам нефинансовым организациям. Серия докладов об экономических исследованиях. № 137. Банк России, 2024.
2. Егоров А. В., Борзых О. А. Асимметрия процентного канала денежной трансмиссии в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 92–121. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-1-04.
3. Картаев Ф., Леденёва Е. Прозрачность монетарной политики и успешность инфляционного таргетирования // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 8–33. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-8-33.
4. Коновалова А. и др. Реакция банковских ставок на изменение ключевой ставки Банка России в условиях региональной неоднородности. Аналитическая записка. Банк России, 2021.
5. Пеникас Г. Сглаживание переноса ключевой ставки: что необходимо помнить при интерпретации эконометрических оценок // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 3. С. 3–34.
6. Перевышин Ю. Н., Перевышина Е. А. Эффект переноса процентных ставок в России в 2010–2014 годах // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 5. С. 38–52.
7. Петрова Д., Трунин П. Оценка уровня неопределенности экономической политики // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 3. С. 48–61.
8. Скуратова А., Зверева В. Реакция банковских ставок на изменение ключевой ставки Банка России в условиях региональной неоднородности (оценки на панельных данных) // Серия докладов об экономических исследованиях. № 129. Банк России, 2024.
9. Andries N., Billon S. Retail Bank Interest Rate Pass-through in the Euro Area: An Empirical Survey // Economic Systems. 2016. Vol. 40. № 1. P. 170–194.
10. Auer S. Financial Globalization and Monetary Transmission // Review of International Economics. 2023. Vol. 31. Iss. 2. P. 721–760. https://doi.org/10.1111/roie.12642.
11. Beyer R. et al. Monetary Policy Pass-Through to Interest Rates: Stylized Facts from 30 European Countries // IMF Working Paper WP/24/9.
12. Bruno V., Shin H. S. Capital Flows and the Risk-taking Channel of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 2015. Vol. 71 (C). P. 119–132.
13. Dahlquist M., Hasseltoft H. International Bond Risk Premia. In: Handbook of Fixed-Income Securities, 2016. P. 169–190. https://doi.org/10.1002/9781118709207.ch9.
14. de Bondt G. J. Interest Rate Pass-Through: Empirical Results for the Euro Area // German Economic Review. 2005. Vol. 6. № 1. P. 37–78. https://doi.org/10.1111/j.1465-6485.2005.00121.x.
15. Georgiadis G., Mehl A. Financial Globalisation and Monetary Policy Effectiveness // Journal of International Economics. 2016. Vol. 103. P. 200–212. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.10.002.
16. Ito H. Monetary Policy in Asia and the Pacific in the Post-, Post-crisis Era. In: Financial Development and Coopetarion in Asia and the Pacific. Routledge, 2014. P. 83–117.
17. Messer T., Niepmann F. What Determines Passthrough of Policy Rates to Deposit Rates in the Euro Area? / FEDS Notes ed. Washington, DC: Board of Governors of the Federal Reserve System, 2023.
18. Obstfeld M. Trilemmas and Trade-offs: Living with Financial Globalization / The Asian Monetary Policy Forum Insights for Central Banking: Insights for Central Banking, 2021. P. 16–84. https://doi.org/10.1142/9789811238628_0002.
19. Sander H., Kleimeier S. Convergence in Euro-zone retail banking? What interest rate pass-through tells us about monetary policy transmission, competition and integration // Journal of International Money and Finance. 2004. Vol. 23. № 3. P. 461–492. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2004.02.001.
20. ter Ellen S., Jansen E., Midthjell N. L. ECB Spillovers and Domestic Monetary Policy Effectiveness in Small Open Economies // European Economic Review. 2020. Vol. 121. Art. 103338.

References

1. Burova A., Grishina T., Makhankova N. (2024). Measuring Additional Indicators of Aggregate Interest Rates on Loans to Non-financial Organizations. *Economic Research Paper Series, Bank of Russia*, 137 (in Russ.).
2. Egorov A., Borzykh O. (2018). Asymmetric Interest Rate Pass-through in Russia. *Economicheskaya Politika — Economic Policy*, 13 (1), 92–121 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-1-04.

3. Kartaev P., Ledeneva E. (2021). Transparency of Monetary Policy and Success of Inflation Targeting. *Economicheskaya Politika — Economic Policy*, 16 (6), 8–33 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-8-33.
4. Konovalova A. et al. (2021). Reaction of Bank Interest Rates to the Changes in Bank of Russia's Key Rate under Regional Heterogeneity. Analytical note, Bank of Russia (in Russ.).
5. Penikas H. (2023). Smoothing the Key Rate Pass-Through: What to Keep in Mind When Interpreting Econometric Estimates. *Russian Journal of Money and Finance*, 82 (3), 3–34.
6. Perevyshin Y., Perevyshina E. (2015). The Retail Bank Interest Rate Pass-Through: The Case of Russia. *Economicheskaya Politika — Economic Policy*, 10 (5), 38–52 (in Russ.). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-5-02.
7. Petrova D., Trunin P. (2023). Estimation of Economic Policy Uncertainty. *Russian Journal of Money and Finance*, 82 (3), 48–61.
8. Skuratova A., Zvereva V. (2024). Reaction of Bank Interest Rates to the Changes in Bank of Russia's Key Rate under Regional Heterogeneity (panel data estimations). Economic Research Paper Series, Bank of Russia, 129 (in Russ.).
9. Andries N., Billon S. (2016). Retail Bank Interest Rate Pass-through in the Euro area: An Empirical Survey. *Economic Systems*, 40 (1), 170–194. https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2015.06.001.
10. Auer S. (2023). Financial Globalization and Monetary Transmission. *Review of International Economics*, 31 (2), 721–760. https://doi.org/10.1111/roie.12642.
11. Beyer R. et al. (2024). Monetary Policy Pass-Through to Interest Rates: Stylized Facts from 30 European Countries. IMF Working Papers, WP/24/9.
12. Bruno V., Shin H. (2015). Capital Flows and the Risk-taking Channel of Monetary Policy. *Journal of Monetary Economics*, 71 (C), 119–132. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2014.11.011.
13. Dahlquist M., Hasseltoft H. (2016). International Bond Risk Premia. In: Handbook of Fixed-Income Securities, 169–190. https://doi.org/10.1002/9781118709207.ch9.
14. de Bondt G. (2005). Interest Rate Pass-Through: Empirical Results for the Euro Area. *German Economic Review*, 6 (1), 37–78. https://doi.org/10.1111/j.1465-6485.2005.00121.x.
15. Georgiadis G., Mehl A. (2016). Financial Globalisation and Monetary Policy Effectiveness. *Journal of International Economics*, 103, 200–212. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2016.10.002.
16. Ito H. (2014). Monetary Policy in Asia and the Pacific in the Post-, Post-crisis Era. In Financial Development and Coopetarion in Asia and the Pacific, 83–117. Routledge.
17. Messer T., Niepmann F. (2023). What Determines Passthrough of Policy Rates to Deposit Rates in the Euro Area? FEDS Notes. Washington, DC: Board of Governors of the Federal Reserve System. https://doi.org/10.17016/2380-7172.3297.
18. Obstfeld M. (2021). Trilemmas and Trade-offs: Living with Financial Globalization. In: The Asian Monetary Policy Forum. Insights for Central Banking, 16–84. https://doi.org/10.1142/9789811238628_0002.
19. Sander H., Kleimeier S. (2004). Convergence in euro-zone retail banking? What interest rate pass-through tells us about monetary policy transmission, competition and integration. *Journal of International Money and Finance*, 23 (3), 461–492. https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2004.02.001.
20. ter Ellen S., Jansen E., Midthjell N. (2020). ECB Spillovers and Domestic Monetary Policy Effectiveness in Small Open Economies. *European Economic Review*, 121, 103338. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.103338.

Информация об авторе

***Елизавета Петровна Добронравова**, старший научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва*

Information about the author

***Elizaveta P. Dobronravova**, Senior Researcher, Center for the Study of Central Banking, Institute for Applied Economic Research, RANEPA, Moscow*

Статья поступила в редакцию 20.03.2025
Одобрена после рецензирования 16.05.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted March 20, 2025
Approved after reviewing May 16, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-126-140

CC BY

Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России

Егор Михайлович Пастухов
E-mail: empastukhov@hse.ru, ORCID: 0000-0002-1893-7657
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация;
АО «Райффайзенбанк», г. Москва, Российская Федерация
Сергей Вадимович Гришунин
E-mail: sgrishunin@hse.ru, ORCID: 0000-0001-5563-5773
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация
Целью статьи является анализ влияния реализации проекта цифрового рубля на депозиты российских коммерческих банков. Актуальность данного исследования обусловлена быстрым ростом рыночной капитализации цифровых финансовых активов центральных банков как на международном, так и на российском финансовых рынках, поскольку все больше стран готовятся к запуску собственных национальных цифровых валют. Однако в научной и практической литературе наблюдается дефицит информации о перспективах влияния цифровых валют центральных банков, в том числе цифрового рубля, на устойчивость коммерческих банков, в частности на их депозиты.
В статье предлагается модель оценки влияния цифрового рубля на размер депозитов коммерческих банков России. Данные для анализа включали в себя официальную статистику и аналитические материалы Банка России и коммерческих банков. По результатам анализа сделан вывод, что эффекты от внедрения цифрового рубля неоднородны и мало различаются в зависимости от размера капитала и вложений в государственные ценные бумаги, но существенно дифференцированы в зависимости от величины активов и уровня просроченной задолженности банков. Более того, мы предполагаем, что эффект от внедрения цифрового рубля будет снижаться с течением времени. В дальнейшем исследования могут быть сконцентрированы на количественной оценке широкого спектра рисков, связанного с внедрением цифровых финансовых активов, а также на моделировании спроса и предложения на эти активы, в том числе возможной адаптации банков к изменению конъюнктуры рынка.

Ключевые слова: *ЦВЦБ, цифровой рубль, цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровые финансы*

JEL: *G21*

Финансирование: *исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00756).*

Для цитирования: *Пастухов Е. М., Гришунин С. В. Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 3. С. 126–140. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-126-140.*

© Пастухов Е. М., Гришунин С. В., 2025

https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-126-140

Assessing the Impact of the Digital Ruble on Commercial Bank Deposits in Russia

Egor M. Pastukhov[1, 3], ***Sergei V. Grishunin***[2]

[1, 2] *HSE University, Moscow, Russian Federation*
[3] *Raiffeisenbank, Moscow, Russian Federation*

[1, 3] *empastukhov@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-1893-7657*
[2] *sgrishunin@hse.ru, https://orcid.org/0000-0001-5563-5773*

Abstract
The purpose of this article is to present a model for assessing the impact of the implementation of the digital ruble project on commercial banks' deposits in the Russian financial market. The relevance of this research is due to the rapid growth of market capitalization of central banks' digital currencies in both international and Russian financial markets, as more and more countries are preparing to launch their own national digital currencies. However, there is a lack of information in both academic and practical literature regarding the potential impact of central bank digital currencies, including the digital ruble, on the stability of commercial banks, particularly concerning deposits. We propose a model to estimate the impact of the digital ruble on the size of deposits of commercial banks in Russia. The data used for the study included official statistics and analytics of the Bank of Russia and commercial banks. Based on the results of the analysis, we conclude that the effects of the digital ruble implementation are heterogeneous and do not differ much between categories of banks in terms of capital and investments in government securities, but are significantly differentiated depending on the size of assets and level of overdue debt. Furthermore, we suggest that the effect of the digital ruble will diminish over time. Future research could focus on quantifying the wide range of risks associated with the introduction of digital financial assets, as well as modeling the supply and demand for these assets, including potential practical adaptations by banks to changes in market conditions.

Keywords: *CBDC, digital ruble, digital assets, digital financial assets, digital finance*

JEL: *G21*

Funding: *The research was supported by RSF (project No. 23-18-00756).*

For citation: *Pastukhov E.M., Grishunin S.V. (2025). Assessing the Impact of the Digital Ruble on Commercial Bank Deposits in Russia. Financial Journal, 17 (3), 126–140 (in Russ.). https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-3-126-140.*

© Pastukhov E.M., Grishunin S.V., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Перспектива использования цифровой валюты центральных банков (ЦВЦБ), которые могут стать заменой традиционным банковским депозитам, вызывает большой интерес в глобальной финансовой среде. Исследование [Kunaratskul et al., 2024] показывает, что эмиссия ЦВЦБ способна привести к значительному оттоку депозитов из коммерческих банков, поскольку потребители могут предпочесть безопасность и удобство хранения цифровых валют, выпущенных центральными банками. В сценарии, где ЦВЦБ заменяет банковские депозиты, коммерческие банки могут столкнуться с сокращением своих балансов, что приведет к снижению их кредитных возможностей и потенциальным проблемам с ликвидностью [Hemingway, 2023].

Например, исследование [Ahnert et al., 2022] предполагает, что, если домохозяйства и фирмы переместят свои средства из банковских депозитов в ЦВЦБ, это может привести к снижению резервов коммерческих банков. Этот сдвиг, вероятно, заставит банки

пересмотреть свои стратегии финансирования, возможно, увеличив процентные ставки по депозитам для того, чтобы вернуть клиентов [Vollmar, Wening, 2023]. Взаимозависимость между ЦВЦБ и традиционными депозитами сложна: хотя ЦВЦБ могут повысить эффективность платежей, они также представляют риски для стабильности банков ввиду увеличения волатильности депозитов [Баранов, Щербаченко, 2024].

В России инициатива ЦБ по запуску цифрового рубля вызвала широкую дискуссию о его потенциальном влиянии на банковский сектор [Grishchenko et al., 2023]. ЦБ РФ указал, что транзакции с использованием цифрового рубля будут бесплатными для потребителей как минимум до конца 2025 г., что вызывает опасения коммерческих банков потерять вкладчиков, которые могут предпочесть цифровой рубль [Поливач, 2022]. Ассоциация российских банков выразила обеспокоенность[1] по поводу затрат, связанных с внедрением цифрового рубля, а также его потенциальной способности перетягивать депозиты из традиционных каналов.

Цифровой рубль предназначен для работы в двухуровневой системе, позволяя осуществлять транзакции через коммерческие банки при сохранении надзора со стороны ЦБ. Эта структура направлена на смягчение некоторых рисков, связанных с прямой конкуренцией между ЦВЦБ и банковскими депозитами [Fraschini et al., 2022]. Однако остается неясным, насколько эффективно такая система может предотвратить отток депозитов, или, наоборот, она приведет к увеличению зависимости коммерческих банков от центральных банковских учреждений [Sakharov, 2021].

На глобальном уровне различные страны внедряют ЦВЦБ в уникальной конфигурации, в связи с чем ЦВЦБ может по-разному влиять на банковские секторы этих стран [Ozili, 2023]. Например, исследование [Meaning at al., 2021] указывает, что, хотя ЦВЦБ способна повысить финансовую доступность и эффективность, она также может привести к увеличению затрат коммерческих банков из-за конкуренции за депозиты и более высоких объемов транзакций с центральными банками.

В исследовании [ECB, 2022] указано, что введение ЦВЦБ способно значительно изменить структуру рынка депозитов. Банки могут столкнуться с необходимостью повышать ставки по депозитам в ответ на конкуренцию со стороны ЦВЦБ [Auer et al., 2024], что потенциально приведет к долгосрочной консолидации в банковском секторе, поскольку меньшие банки окажутся менее конкурентоспособными [Bindseil, Senner, 2023].

Кроме того, в работе [Bordo, Levin, 2017] отмечается, что ЦВЦБ способна повлиять на механизмы передачи монетарной политики. Поскольку банки корректируют свои стратегии финансирования в ответ на изменения в объеме депозитов из-за принятия ЦВЦБ, эффективность традиционных инструментов монетарной политики может уменьшиться, усложняя роль центральных банков в управлении экономической стабильностью [Bhattarai et al., 2024].

Влияние цифровой валюты центральных банков на депозиты коммерческих банков является многогранным и значительно варьируется между странами в зависимости от модели реализации цифровой валюты. В России внедрение цифрового рубля создает как возможности, так и вызовы для традиционных финансовых учреждений [Chekanov, 2022]. И хотя модели ЦВЦБ теоретически предполагают повышение эффективности платежных систем и финансовой доступности [Avgouleas, Blair, 2024], на глобальном уровне их введение потенциально может дестабилизировать депозитные базы существующих банковских структур [Garratt et al., 2022]. Будущие исследования должны сосредоточиться на анализе эмпирических данных после внедрения ЦВЦБ для лучшего понимания динамики и структуры депозитов, необходимого для принятия политических решений.

---

[1] *Письмо АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль». Ассоциация российских банков, 2020. URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_banka_rossii_o_proekte-10443566/#.*

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ СПРОСА НА ДЕПОЗИТЫ С УЧЕТОМ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Гипотезы и переменные модели

На основании анализа литературы мы предполагаем следующие гипотезы.

H1: при внедрении цифрового рубля возможен отток депозитов из коммерческих банков.

H2: характер и размер потенциального оттока депозитов одинаковы для различных категорий банков.

Для теоретического описания процесса выбора формы денег экономическими агентами мы опираемся на концепцию вложенной логит-модели (*nested logit model*), в рамках которой на верхнем уровне экономические агенты выбирают между тремя формами денег: наличными, безналичными и цифровыми рублями, а на нижнем уровне — между разными типами депозитов (если выбраны безналичные) или разными вариантами использования цифрового кошелька (если выбран цифровой рубль). Для эконометрической оценки влияния цифрового рубля на объем депозитов банков используется следующая спецификация с непрерывной зависимой переменной:

$$Dep_{it} = \rho Dep_{i,t-1} + \beta^1 Digital_{it} \times I(X_{it} \le X^*) + \beta^2 Digital_{it} \times I(X_{it} > X^*) +$$

$$+ \beta^3 Digital_{it}^2 \times I(X_{it} \le X^*) + \beta^4 Digital_{it}^2 \times I(X_{it} > X^*) + \beta^5 Digital_{i,t-1} +$$

$$+ \beta^6 Digital_{it} \times X1_{it} + \beta^7 Digital_{it} \times X2_{it} + \beta^8 Digital_{it} \times Z_{it} +$$

$$+ \gamma^1 X1_{it} + \gamma^2 X2_{it} + \theta^1 Z_{it} + \theta^2 B_t + \sum_{k=1}^{K} \pi_k Y_{i,t-k} + \alpha_i + \lambda_t + \varepsilon_{it}. \quad (1)$$

Переменные, используемые в эконометрическом анализе, определены в табл. 1.

Таблица 1

Описание переменных эконометрической модели

Переменная	Описание
Dep_{it}	Объем депозитов банка *i* в период *t*
$Dep_{i,t-1}(depL1)$	Лагированный объем депозитов банка *i* (динамический эффект)
$Digital_{it}$	Доля операций банка *i* в цифровых рублях в период *t*
$I(X_{it} \le X^*), I(X_{it} > X^*)$	Индикаторы пороговых эффектов цифрового рубля в зависимости от значения переменной X_{it}
$Digital_{it}^2$	Квадрат доли операций банка *i* в цифровых рублях в период *t*
$Digital_{i,t-1}$	Лагированная доля операций банка *i* в цифровых рублях
$X1_{it}$	Вектор характеристик цифрового рубля как средства сбережения для клиентов банка *i* в период *t*
$X2_{it}$	Вектор характеристик депозитов банка *i* в период *t*
Z_{it}	Вектор контрольных переменных банка *i* в период *t*
B_t	Вектор макроэкономических контрольных переменных в период *t*
$Y_{i,t-k}$	Вектор других эндогенных регрессоров (например, процентные ставки, доходность активов банка)
α_i, λ_t	Фиксированные эффекты банка и времени
ε_{it}	Случайная ошибка

Источник: составлено авторами.

Ключевое преимущество модели заключается в учете сложной динамической природы взаимосвязей между использованием ЦВЦБ и поведением вкладчиков. Включение лаговых значений объема депозитов $Dep_{i,t-1}$ и доли операций в цифровых рублях $Digital_{i,t-1}$ позволяет разделить краткосрочные и долгосрочные эффекты, а также оценить инерционность и скорость адаптации агентов к шоку внедрения ЦВЦБ. Анализ импульсных откликов и декомпозиция дисперсии на основе оцененных коэффициентов модели дают возможность смоделировать динамические сценарии и спрогнозировать траектории ключевых переменных в ответ на различные стратегии выпуска цифрового рубля.

В общем виде моделируется зависимость величины депозитов Dep_{it} от множества факторов, включая объем цифрового рубля $Digital_{it}$, предыдущие (лаговые) значения депозитов $Dep_{i,t-1}$ и цифрового рубля $Digital_{i,t-1}$, характеристики банка $X1_{it}$, $X2_{it}$, макроэкономические показатели Z_{it}, B_t, лаги зависимой переменной $\sum_{k=1}^{K} \pi_k Y_{i,t-k}$, а также индивидуальные α_i и временные λ_t эффекты. Такая спецификация позволяет учесть широкий спектр детерминант спроса на депозиты и выявить влияние на них цифрового рубля в различных условиях.

Во-первых, наша модель учитывает авторегрессионную составляющую через слагаемое $\rho Dep_{i,t-1}$, текущий объем депозитов зависит от их предыдущих значений. Такая спецификация позволяет уловить инерционность в поведении вкладчиков: если в прошлом размеры депозитов были высокими, то и в настоящем они, скорее всего, будут оставаться на высоком уровне (при прочих равных). Параметр ρ при этом показывает степень устойчивости депозитов во времени.

Во-вторых, в модели присутствует ряд слагаемых, отвечающих за эффект цифрового рубля:

$$\beta^1 Digital_{it} \times I(X_{it} \leq X^*),\ \beta^2 Digital_{it} \times I(X_{it} > X^*),$$

$$\beta^3 Digital_{it}^2 \times I(X_{it} \leq X^*),\ \beta^4 Digital_{it}^2 \times I(X_{it} > X^*),\ \beta^5 Digital_{i,t-1}. \quad (2)$$

Мы используем индикаторную функцию *I*(...), которая принимает значение 1, если условие (в скобках) выполняется, и 0 в противном случае. Фактически мы разделяем выборку на две части по пороговому значению некоторой характеристики банка X^* (по размеру активов согласно гипотезе H2) и допускаем, что эффект цифрового рубля может различаться для различных типов банков в зависимости от размера. Такое разделение непосредственно связано с проверкой гипотезы H2, в которой индикаторная функция *I* и разделение выборки по размеру активов являются инструментами эконометрического тестирования гипотезы. Параметры β^1 и β^2 отвечают за линейное влияние цифрового рубля, а β^3 и β^4 — за квадратичное. Такая спецификация позволяет учесть возможную нелинейность воздействия цифрового рубля на депозиты. Слагаемое $\beta^5 Digital_{i,t-1}$ контролирует инерционность самого цифрового рубля.

В-третьих, модель включает взаимодействие цифрового рубля с характеристиками банка $\beta^6 Digital_{it} \times X1_{it}$, $\beta^7 Digital_{it} \times X2_{it}$ и макроэкономическими показателями $\beta^8 Digital_{it} \times Z_{it}$. Это помогает понять, как эффект цифрового рубля меняется в зависимости от индивидуальных особенностей банка и состояния экономики в целом. Через взаимодействие цифрового рубля с характеристиками банка модель позволяет статистически проверить, действительно ли эффект цифрового рубля одинаков для банков разного размера, как предполагает нулевая гипотеза H2. Ожидаемые знаки коэффициентов модели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Ожидаемые знаки коэффициентов модели

Коэффициент	Ожидаемый знак	Интерпретация
ρ	+	Высокая персистентность депозитов
β^1, β^2	–	Отрицательное влияние цифрового рубля на депозиты
β^3, β^4	+/–	Нелинейность эффекта цифрового рубля
β^5	+	Инерционность цифрового рубля
β^6, β^7	+/–	Эффект цифрового рубля зависит от характеристик банка
β^8	+/–	Эффект цифрового рубля зависит от состояния экономики

Источник: составлено авторами.

Модель учитывает влияние на спрос на депозиты ряда контрольных переменных.

1) Характеристики банка $X1_{it}$ и $X2_{it}$ (коэффициенты γ^1 и γ^2). Например, показатели размера, финансовой устойчивости, доступности услуг банка.

2) Макроэкономические факторы Z_{it} (коэффициент θ^1). Обычно в таком качестве выступают ВВП, инфляция, процентные ставки.

3) Бизнес-цикл B_t (коэффициент θ^2). Эта переменная призвана уловить циклические колебания в экономике, которые могут влиять на сберегательное поведение домохозяйств.

4) Лаги самой зависимой переменной $Y_{i,t-k}$ (коэффициенты π_k). Их включение делает модель авторегрессионной и позволяет учесть эффекты инерции и запаздывания в динамике депозитов.

Индивидуальные эффекты a_i отражают ненаблюдаемую неоднородность банков (бренд, репутация, клиентские предпочтения), а временны́е эффекты λ_t — меняющиеся во времени факторы, общие для всех банков (регулирование, настроения на рынке).

Для оценивания модели мы применяем обобщенный метод моментов (GMM) и фиксированные эффекты (FE), которые позволяют получить состоятельные и эффективные оценки параметров даже в условиях эндогенности, гетероскедастичности и автокорреляции.

В первый набор данных входят следующие показатели: временные ряды по объемам розничных депозитов Dep_{it}, разделенных по группам банков; исторические данные по банковским показателям размера активов ($X1_{it}$) и количеству отделений ($X2_{it}$); макроэкономические показатели (Z_{it}, B_t) ВВП, инфляции, процентных ставок; лаговые значения всех переменных для построения динамической составляющей модели; расчетные показатели прогнозной динамики цифрового рубля ($Digital_{it}$) для каждой группы банков.

Интерпретация полученных оценок коэффициентов не всегда очевидна в нелинейных моделях, поэтому имеет смысл прибегнуть к анализу предельных эффектов. Они показывают, как меняется зависимая переменная при изменении одного из регрессоров на единицу при фиксированных значениях остальных факторов.

В данном случае основной интерес представляет предельный эффект цифрового рубля на депозиты:

$$\frac{\partial Dep_{it}}{\partial Digital_{it}} = \beta^1 \times I(X_{it} \le X^*) + \beta^2 \times I(X_{it} > X^*) + 2\beta^3 Digital_{it} \times I(X_{it} \le X^*) +$$

$$+ 2\beta^4 Digital_{it} \times I(X_{it} > X^*) + \beta^6 X1_{it} + \beta^7 X2_{it} + \beta^8 Z_{it}. \quad (3)$$

Такой эффект зависит как от значений цифрового рубля, так и от характеристик конкретного банка и макроэкономической ситуации. Выводы о наличии и величине эффекта от

введения цифрового рубля сделаны на основе статистической и экономической значимости оцененных коэффициентов с учетом знаков оценок и их абсолютных величин.

Для получения надежных выводов о влиянии цифрового рубля необходимо убедиться в адекватности модели и соблюдении предпосылок используемого метода оценивания. В частности, следует проверить остатки регрессии на автокорреляцию (тест Бройша — Годфри) и гетероскедастичность (тест Уайта), спецификацию модели на наличие пропущенных переменных (тест Рамсея), регрессоры на эндогенность (тест Хаусмана) и переменные на стационарность (тест Дики — Фуллера). Если тесты отвергают нулевые гипотезы, то оценки модели могут быть смещенными и несостоятельными (табл. 3).

Таблица 3

Необходимые диагностические тесты

Проверяемая проблема	Тест	Нулевая гипотеза	Последствия непринятия нулевой гипотезы
Авторегрессия остатков	Тест Бройша — Годфри	Остатки модели некоррелированы	Смещенные оценки коэффициентов
Гетероскедастичность	Тест Уайта	Постоянная дисперсия остатков (гомоскедастичность)	Неэффективные оценки коэффициентов
Пропущенные переменные	Тест Рамсея (RESET)	Модель специфицирована верно	Смещенные и несостоятельные оценки коэффициентов
Эндогенность регрессоров	Тест Хаусмана	Регрессоры экзогенны	Несостоятельные оценки коэффициентов
Стационарность переменных	Тест Дики — Фуллера	Временной ряд имеет единичный корень (нестационарен)	Ложная регрессия

Источник: составлено авторами.

Сосредоточимся на том, как провести практическую оценку модели и интерпретировать ее результаты. Первым делом необходимо собрать данные по всем переменным, входящим в модель. Для этого мы использовали как внутреннюю информацию банков по объему розничных депозитов, совокупных активов и количеству отделений, так и открытые данные по цифровому рублю и макроэкономическим показателям, включая индикаторы бизнес-цикла (B_t) промышленного производства и деловой активности.

В первую очередь оценим предельный эффект цифрового рубля в зависимости от размера активов коммерческих банков. Полученные результаты позволяют сделать выводы о характере и величине влияния цифрового рубля на динамику депозитов. Однако для содержательной интерпретации коэффициентов необходимо учитывать особенности спецификации модели. Значительная часть эффектов в модели основана на взаимодействии цифрового рубля с другими переменными. Поэтому оценки отдельных коэффициентов не дают полного представления о влиянии цифрового рубля на депозиты коммерческих банков. Более информативным будет анализ предельных эффектов — производных зависимой переменной по цифровому рублю — путем расчета усредненных по всем наблюдениям предельных эффектов цифрового рубля при фактических значениях остальных переменных. Такой анализ показывает, как в среднем меняются депозиты при увеличении доли цифрового рубля на 1%, с учетом размера банка, его характеристик и макроэкономических условий. Также мы дополняем анализ предельных эффектов их визуализацией для разных значений других переменных модели, что позволит лучше объяснить полученные результаты.

Интерпретация результатов

В табл. 4 представлены результаты оценивания модели спроса на депозиты. Наблюдается значимая положительная связь текущих депозитов с их предыдущими значениями, что свидетельствует о персистентности динамики депозитов.

Таблица 4

Пример результатов оценивания модели

Переменная	Коэффициент	Станд. ошибка	*p*-значение
depL1	0.832***	(0.065)	0.000
lnDigital × Ibelow	−0.145**	(0.073)	0.047
lnDigital × Iabove	−0.096	(0.064)	0.135
digital2 × Ibelow	0.017*	(0.010)	0.098
digital2 × Iabove	0.005	(0.012)	0.653
digitalL1	0.108**	(0.048)	0.026
lnDigital × lnX1	0.031	(0.025)	0.225
lnDigital × lnX2	−0.029*	(0.016)	0.065
lnDigital × lnZ	0.018	(0.012)	0.121
lnX1	0.204***	(0.056)	0.000
lnX2	−0.137*	(0.071)	0.054
lnZ	−0.085*	(0.050)	0.090
B	−0.009	(0.011)	0.382

*Примечание: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. В скобках приведены стандартные ошибки.*
Источник: рассчитано авторами.

Оценки перед $Digital \times Ibelow$ и $digital2 \times Ibelow$ значимы и указывают на отрицательное нелинейное влияние цифрового рубля на депозиты для небольших банков. При этом для крупных банков (индикатор Iabove) эти коэффициенты незначимы.

Значимый положительный коэффициент перед *digitalL1* говорит об эффекте инерции цифрового рубля. Среди характеристик банков значимое положительное влияние на депозиты оказывает размер (*lnX1*), а отрицательное — количество отделений (*lnX2*). Увеличение ВВП (*lnZ*) также снижает объем депозитов, предположительно за счет роста альтернативных издержек хранения средств в банке. Эффект бизнес-цикла (B_t) незначим. Важно понимать, что приведенные оценки — это усредненные эффекты для всей выборки банков. Для формирования более полного представления о влиянии цифрового рубля на депозиты имеет смысл дополнить эти оценки анализом предельных эффектов в разрезе ключевых факторов и характеристик конкретных банков.

Кроме того, мы провели диагностические тесты (табл. 5) для проверки базовых предпосылок используемых методов оценки.

Таблица 5

Сравнение моделей и результаты диагностических тестов

Показатель	Модель без лага	Модель с лагом
Dep_{it}	–	0.856*** (0.038)
$Digital_{it}$	−1.247*** (0.152)	−0.184** (0.079)
$Digital_{it}^2$	0.257*** (0.061)	0.047 (0.035)
$X1_{it}$	0.587*** (0.102)	0.095* (0.052)
$X2_{it}$	−0.348*** (0.094)	−0.061 (0.048)
Z_{it}	0.189** (0.089)	0.042 (0.041)
B_t	−0.075* (0.043)	−0.018 (0.022)
Скорр. R^2	0.896	0.921
Станд. ошибка модели	1.325	1.087

Показатель	Модель без лага	Модель с лагом
Диагностические тесты		
Тест Бройша — Годфри (*p*-value)	0.002**	0.384
Тест Уайта (*p*-value)	0.015**	0.247
Тест Рамсея (*p*-value)	0.008***	0.156
Тест Хаусмана (*p*-value)	0.031**	0.412
Тест Дики — Фуллера (*p*-value)	0.001***	0.268

*Примечание: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. В скобках приведены стандартные ошибки.*
Источник: рассчитано авторами.

Результаты диагностических тестов показывают, что модель без лага имеет серьезные проблемы: значимая автокорреляция остатков (тест Бройша — Годфри), гетероскедастичность (тест Уайта), проблемы со спецификацией (тест Рамсея), эндогенность регрессоров (тест Хаусмана) и нестационарность рядов (тест Дики — Фуллера).

Модель с лагом демонстрирует значительно лучшие результаты: отсутствие автокорреляции, гомоскедастичность остатков, корректная спецификация, экзогенность регрессоров и стационарность рядов. Это подтверждает, что включение лаговой переменной существенно улучшает качество модели и устраняет основные эконометрические проблемы.

Определим ключевые структурные блоки данной модели и проанализируем их роль и значимость.

1. Авторегрессионная компонента ($\rho Dep_{i,t-1}$)

Наличие лага зависимой переменной среди регрессоров обусловлено инерционностью динамики депозитов. Поведение вкладчиков достаточно консервативно, и объем депозитов в текущем периоде во многом определяется их значениями в предыдущем периоде. Коэффициент ρ характеризует степень персистентности депозитов и, как правило, близок к единице.

Игнорирование авторегрессионной компоненты может привести к автокорреляции остатков и смещению оценок. В табл. 6 и рис. 1, 2 приведены результаты оценивания простой модели без лага депозитов и модели с лагом.

Таблица 6

Сравнение моделей с лагом депозитов и без лага

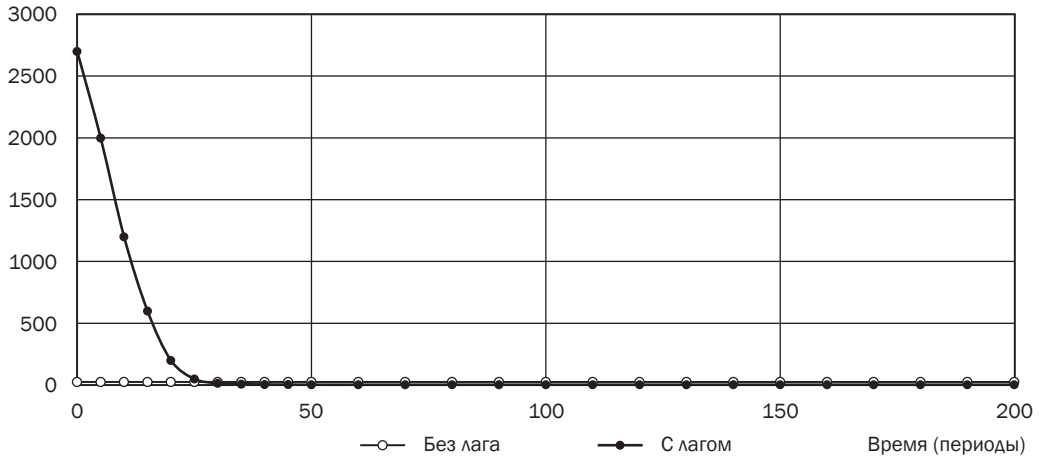
Переменная	Модель без лага	Модель с лагом
$Dep_{i,t-1}$	–	0.856*** (0.038)
$Digital_{it}$	−1.247*** (0.152)	−0.184** (0.079)
$Digital_{it}^2$	0.257*** (0.061)	0.047 (0.035)
$X1_{it}$	0.587*** (0.102)	0.095* (0.052)
$X2_{it}$	−0.348*** (0.094)	−0.061 (0.048)
Z_{it}	0.189** (0.089)	0.042 (0.041)
B_t	−0.075* (0.043)	−0.018 (0.022)

*Примечание: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. В скобках приведены стандартные ошибки.*
Источник: рассчитано авторами.

На основании расчетов можно утверждать, что учет динамики депозитов кардинально меняет выводы относительно эффектов других переменных. Без учета лага большинство коэффициентов переоценены по модулю и имеют завышенную значимость. Добавление лага снижает их величину и зачастую делает незначимыми. Иными словами, существенная часть вариации депозитов, которая ранее объяснялась влиянием регрессоров, на самом деле является следствием их собственной инерционности.

Рисунок 1

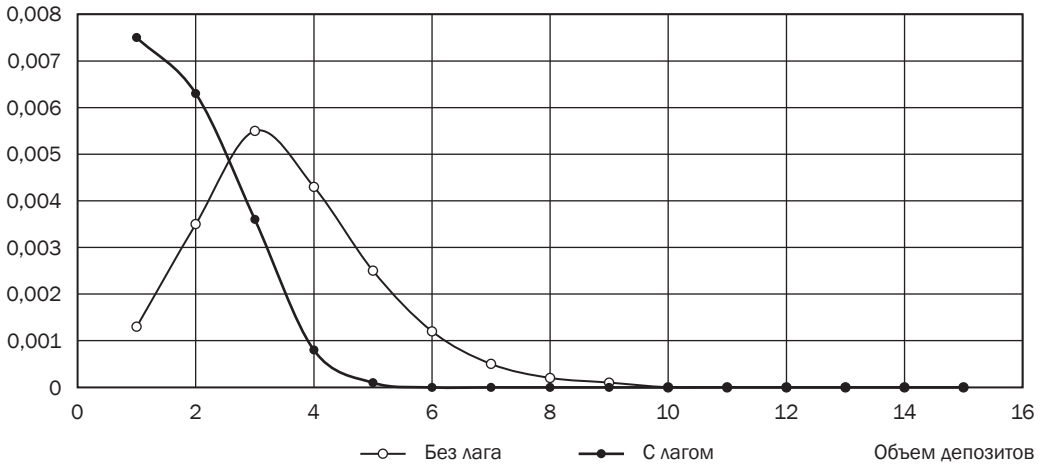
Сравнение моделей (с лагом и без лага)



Источник: рисунок авторов.

Рисунок 2

Распределение предсказаний моделей (с лагом и без лага)



Источник: рисунок авторов.

В модели предполагается, что эффект цифрового рубля на депозиты может быть нелинейным и неоднородным. Нелинейность учитывается путем включения в модель квадрата цифрового рубля ($Digital_{it}^2$), а неоднородность — за счет включения дамми-переменных $I(X_{it} \leq X^*)$ и $I(X_{it} > X^*)$, разделяющих выборку.

Знаки и значимость оценок коэффициентов $\beta_1 - \beta_4$ позволяют судить о наличии и характере зависимости депозитов от уровня распространения цифрового рубля. При этом важно анализировать β_1 и β_2 совместно с β_3 и β_4, поскольку первые отвечают за линейные эффекты, а вторые — за квадратичные.

Мы получили следующие оценки: β_1 = −0,8, β_2 = −0,3, β_3 = 0,04, β_4 = 0,01 (при X^* = 100 млрд руб.). Это означает, что:

— для малых банков ($X_{it} \leq 100$) прирост цифрового рубля на 1 млрд руб. в среднем снижает депозиты на 0,8 млрд руб. при низком уровне цифрового рубля и на 0,72 млрд руб. при высоком уровне (отрицательный эффект цифрового рубля постепенно затухает по мере его распространения);

— для крупных банков (X_{it} > 100) эффект прироста цифрового рубля заметно слабее: 0,3 млрд руб. на 1 млрд руб. при малых объемах и −0,28 млрд руб. при больших объемах (крупные банки менее чувствительны к распространению цифрового рубля).

Квадратичные эффекты положительны и статистически значимы только для малых банков. Это подтверждает предположение о нелинейном влиянии цифрового рубля, которое ослабевает при достижении определенного уровня его использования.

Далее рассмотрим роль лага цифрового рубля ($Digital_{i,t-1}$), который отвечает за возможный эффект привыкания к новой форме денег. Если коэффициент β_5 положителен, то часть денежных средств, «ушедших» в цифровой рубль, со временем может вернуться на депозиты, по мере адаптации банков и клиентов к выпуску цифрового рубля. Однако надежная идентификация данного эффекта возможна лишь по истечении длительного периода после введения цифрового рубля.

В табл. 7 и на рис. 3 сопоставлены результаты базовой и расширенной спецификаций модели. Видно, что учет нелинейности и неоднородности эффектов цифрового рубля позволяет существенно улучшить качество оценок и прогнозные свойства модели.

Таблица 7

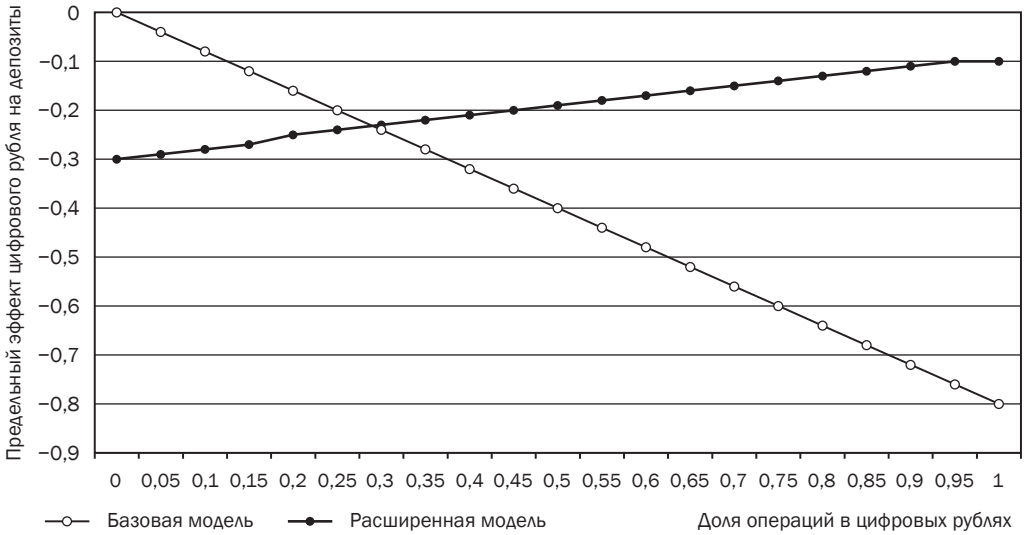
Сравнение базовой и расширенной спецификаций

Показатель	Базовая модель	Расширенная модель
$Digital_{it}$	−0.745*** (0.212)	–
$Digital_{it} \times I(X_{it} \leq X^*)$	–	−0.826*** (0.235)
$Digital_{it} \times I(X_{it} > X^*)$	–	−0.317** (0.151)
$Digital_{it}^2 \times I(X_{it} \leq X^*)$	–	0.042* (0.025)
$Digital_{it}^2 \times I(X_{it} > X^*)$	–	0.009 (0.018)
$Digital_{i,t-1}$	–	0.184* (0.106)
Скорр. R^2	0.896	0.921
Ст. ошибка модели	1.325	1.087

*Примечание: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. В скобках приведены стандартные ошибки.*
Источник: рассчитано авторами.

Рисунок 3

Сравнение эффектов цифрового рубля: базовая и расширенная модели



Источник: рисунок авторов.

Еще один способ учесть неоднородность эффектов цифрового рубля — рассмотреть его взаимодействие с другими переменными модели: характеристиками банков ($X1_{it}$, $X2_{it}$) и макроэкономическими индикаторами (Z_{it}). Соответствующие величины эффектов будут равны β_6, β_7 и β_8.

X1 — размер активов банка, а полученная оценка β_6 положительна. Это означает, что негативное влияние цифрового рубля на депозиты слабее для крупных банков, что вполне ожидаемо. Интуитивно понятно, что вкладчики крупных надежных банков в меньшей степени склонны переводить свои средства в цифровой рубль. В случае мелких и средних банков риски оттока вкладов более существенны.

Аналогично, если в качестве Z_{it} используется показатель инфляции, а оценка β_8 оказывается отрицательной, это свидетельствует о том, что при высокой инфляции распространение цифрового рубля сильнее сказывается на динамике депозитов. Действительно, в условиях роста цен привлекательность банковских вкладов снижается, и часть средств может уйти в менее рисковые активы, в том числе в цифровой рубль. Медианные значения коэффициентов взаимодействия для разных видов банков приведены в табл. 8.

Таблица 8

Коэффициенты взаимодействий цифрового рубля с характеристиками банков

Тип банка	Активы	Капитал	ГЦБ	Просроченная задолженность
Системно значимые	0.184 (0.091)	0.067 (0.115)	−0.154 (0.099)	−0.028 (0.071)
Крупные	0.126 (0.087)	0.059 (0.102)	−0.113 (0.094)	−0.045 (0.083)
Средние	0.083 (0.079)	0.021 (0.089)	−0.091 (0.101)	−0.062 (0.098)
Малые	0.057 (0.095)	0.016 (0.105)	−0.065 (0.112)	−0.089 (0.107)

Примечание: в скобках приведены стандартные ошибки.
Источник: рассчитано авторами.

Согласно результатам, эффекты цифрового рубля действительно неоднородны. Они незначительно различаются по группам банков, выделенным по критерию капитала и вложений в госбумаги, но существенно дифференцированы в зависимости от величины активов и уровня просроченной задолженности. В частности, мы приходим к следующим выводам:

— чем больше активы банка, тем слабее негативное влияние цифрового рубля на депозиты: для малых банков соответствующий коэффициент в три раза ниже, чем для системно значимых;

— проблемные банки с высокой просрочкой по кредитам более уязвимы к оттоку вкладов в цифровой рубль, особенно в сегменте малого бизнеса: вероятно, это связано с опасениями клиентов потерять свои средства в случае отзыва лицензии у таких банков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования и анализа модели оценки влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России можно сделать следующие ключевые выводы. Внедрение цифрового рубля может привести к оттоку депозитов из коммерческих банков, что подтверждает гипотезу H1. Однако масштаб и характер этого оттока различаются в зависимости от характеристик банков и макроэкономических условий. Вопреки гипотезе H2, влияние цифрового рубля на депозиты неодинаково для разных категорий банков. Крупные и системно значимые банки менее подвержены негативному влиянию, в то время как малые и средние банки, особенно с высоким уровнем просроченной задолженности, более уязвимы.

Влияние цифрового рубля на депозиты носит нелинейный характер. По мере роста объема операций с цифровым рублем его негативное воздействие на депозиты постепенно ослабевает, что может свидетельствовать об адаптации банковской системы к новому финансовому инструменту. Наблюдается значительная инерционность как в динамике депозитов, так и в распространении цифрового рубля. Это указывает на то, что процесс перехода к новой форме денег будет постепенным, что даст банкам время для адаптации своих бизнес-моделей к новым реалиям финансового рынка. Макроэкономические факторы, такие как инфляция и общее состояние экономики, играют важную роль в определении влияния цифрового рубля на банковские депозиты. Модель показывает, что эффекты от внедрения цифрового рубля могут снижаться с течением времени, что подчеркивает важность долгосрочного планирования и адаптации стратегий коммерческих банков.

На основании вышесказанного можно сформулировать следующие рекомендации. ЦБ РФ необходимо внедрять цифровой рубль постепенно, тщательно отслеживая его влияние на банковский сектор и корректируя свою политику в зависимости от обстоятельств. Коммерческим банкам, особенно малым и средним, необходимо разработать стратегии адаптации к новым условиям, включая диверсификацию источников финансирования и развитие новых услуг, связанных с цифровым рублем. ЦБ РФ следует рассмотреть возможность введения мер поддержки для банков, наиболее подверженных риску оттока депозитов, чтобы обеспечить стабильность финансовой системы в целом.

Необходимо также продолжить исследования долгосрочных эффектов внедрения цифрового рубля, включая его влияние на монетарную политику и финансовую стабильность. На текущей стадии цифровой рубль представляет собой пилотный проект, в котором задействовано ограниченное количество банков. Это обстоятельство может оказать влияние на поведение модели и ее прогностическую силу. По мере расширения числа участников проекта и увеличения объема операций в цифровых рублях результаты модели могут быть скорректированы, что является возможным направлением дальнейших исследований и адаптации предложенной методологии к новым условиям финансового рынка.

Несмотря на то, что внедрение цифрового рубля несет определенные риски для традиционной банковской системы, при правильном управлении оно может стать катализатором инноваций и повышения эффективности финансового сектора России.

Список источников

1. Баранов Д. В., Щербаченко П. С. Цифровые валюты Центрального банка в России и мире: современные состояние и перспективы развития // Вестник университета. 2024. № 5. С. 173–182. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-173-182.
2. Поливач А. Цифровой рубль и перспективы интернационализации российской валюты. Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 35–43. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-35-43.
3. Сахаров Д. М. Цифровые валюты центральных банков: ключевые характеристики и влияние на финансовую систему // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 5. С. 133–149. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-5-133-149.
4. Ahnert T. et al. The economics of central bank digital currency // ECB Working Paper. 2022. No. 2713.
5. Auer S. et al. CBDC and the Banking System // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik (Journal of Economics and Statistics), 2024.
6. Avgouleas E., Blair W. A critical evaluation of Central Bank Digital Currencies (CBDCs): payments' final frontier? // Capital Markets Law Journal. 2024. Vol. 19 (2). P. 103–112.
7. Bhattarai S., Davoodalhosseini S. M., Zhao Z. Central bank digital currency and transmission of monetary policy. Bank of Canada Staff Working Paper. 2024. No. 27.
8. Bindseil U., Senner R. Destabilisation of bank deposits across destinations–assessment and policy options. European Central Bank, 2023. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2887~845e136b3b.en.pdf.

9. Bordo M. D., Levin A. T. Central bank digital currency and the future of monetary policy // National Bureau of Economic Research. 2017. No. w23711.
10. Chekanov A. The Triple Helix in transition economies and Skolkovo: A Russian innovation ecosystem case // Journal of Evolutionary Studies in Business. 2022. Vol. 7 (2). P. 160–183. https://doi.org/10.1344/jesb2022.2.j110.
11. Digital Euro Project Team. Progress report. European Central Bank, 2023. URL: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/progress/html/ecb.deprp202406.en.html.
12. Fraschini M., Maino A., Somoza L. Can the Government Be an Effective Venture Capital Investor? Swiss Finance Institute Research Paper Series. 2022. No. 22–39.
13. Garratt R., Yu J., Zhu H. How central bank digital currency design choices impact monetary policy pass-through and market composition. SSRN Electronic Journal, 2022. https://doi.org/10.2139/ssrn.4004341.
14. Grishchenko V., Ponomarenko A., Seleznev S. A Feasible Approach to Projecting Household Demand for the Digital Ruble in Russia. Bank of Russia, 2023. WPS No. 108. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/144906/wp_108.pdf.
15. Hemingway B. The impact of central bank digital currency on bank deposits and the interbank market. European Central Bank, 2023. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/conferences/shared/pdf/20231123_cepr_ecb/Hemingway_paper.de.pdf.
16. Kunaratskul T., Reslow A., Singh M. Implications of Central Bank Digital Currency for Monetary Operations. International Monetary Fund. Fintech Notes. 2024. Iss. 007. https://doi.org/10.5089/9798400289019.063.
17. Meaning J. et al. Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency // Bank of England Working Paper. 2018. No. 724.
18. Ozili P. K. Central bank digital currency, economic growth and inflation // Journal of Money and Business. 2024. Vol. 4 (1). P. 73–90. https://doi.org/10.2139/ssrn.4900148.
19. Vollmar S., Wening F. Boiling Banks – How Heat Harms Bank Performance. SSRN Electronic Journal, 2023. https://doi.org/10.2139/ssrn.4636396.

References

1. Baranov D.V., Shcherbachenko P.S. (2024). Digital currency of the Central bank in Russia and in the world: current status and development prospects. *Vestnik universiteta*, 5, 173–182. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-173-182.
2. Polivach A.P. (2022). Digital Rouble and Prospects of Russian Currency's Internationalisation. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 66 (6), 35–43. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-35-43.
3. Sakharov D.M. (2021). Central bank digital currencies: Key aspects and impact on the financial system. *Finance: theory and practice*, 25 (5), 133–149. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-5-133-149.
4. Ahnert T. et al. (2022). The economics of central bank digital currency (No.). *ECB Working Paper*, 2713.
5. Auer S. et al. (2024). CBDC and the Banking System. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik.*
6. Avgouleas E., Blair W. (2024). A critical evaluation of Central Bank Digital Currencies (CBDCs): payments' final frontier? *Capital Markets Law Journal*, 19 (2), 103–112.
7. Bhattarai S., Davoodalhosseini S.M., Zhao Z. (2024). Central bank digital currency and transmission of monetary policy. *Bank of Canada Staff Working Paper*, 27.
8. Bindseil U., Senner, R. (2023). Destabilisation of bank deposits across destinations–assessment and policy options. European Central Bank. Available at: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2887~845e136b3b.en.pdf.
9. Bordo M.D., Levin A.T. (2017). Central bank digital currency and the future of monetary policy. *National Bureau of Economic Research*, w23711.
10. Chekanov A. (2022). The Triple Helix in transition economies and Skolkovo: A Russian innovation ecosystem case. *Journal of evolutionary studies in business*, 7 (2), 160–183. https://doi.org/10.1344/jesb2022.2.j110.
11. European Central Bank (2023). Digital Euro Project Team. Progress report. Available at: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/progress/html/ecb.deprp202406.en.html.
12. Fraschini M., Maino A., Somoza L. (2022). Can the Government Be an Effective Venture Capital Investor? Swiss Finance Institute. Research Paper Series, 22–39.
13. Garratt R., Yu J., Zhu H. (2022). How central bank digital currency design choices impact monetary policy pass-through and market composition. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4004341.
14. Grishchenko V., Ponomarenko A., Seleznev S. (2023). A Feasible Approach to Projecting Household Demand for the Digital Ruble in Russia. Bank of Russia, WPS No. 108. Available at: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/144906/wp_108.pdf.
15. Hemingway B. (2023). The impact of central bank digital currency on bank deposits and the interbank market. European Central Bank. Available at: https://www.ecb.europa.eu/press/conferences/shared/pdf/20231123_cepr_ecb/Hemingway_paper.de.pdf.

16. Kunaratskul T., Reslow A., Singh M. (2024). Implications of Central Bank Digital Currency for Monetary Operations. International Monetary Fund. Fintech Notes 007. https://doi.org/10.5089/9798400289019.063.
17. Meaning J. et al. (2018). Broadening narrow money: monetary policy with a central bank digital currency. *Bank of England Working Paper*, 724.
18. Ozili P.K. (2024). Central bank digital currency, economic growth and inflation. *Journal of Money and Business*, 4 (1), 73–90. https://doi.org/10.2139/ssrn.4900148.
19. Vollmar S., Wening F. (2023). Boiling Banks-How Heat Harms Bank Performance. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4636396.

Информация об авторах

Егор Михайлович Пастухов*, аспирант факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; менеджер, старший вице-президент АО «Райффайзенбанк», г. Москва*
Сергей Вадимович Гришунин*, кандидат экономических наук, доцент факультета экономических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории финансовых инноваций и риск-менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва*

Information about the authors

Egor M. Pastukhov*, Postgraduate Student of the Faculty of Economic Sciences, HSE University; Manager, Senior Vice President of Raiffeisenbank, Moscow*
Sergei V. Grishunin*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of Economic Sciences, Senior Research Fellow of the Laboratory of Financial Innovation and Risk Management, HSE University, Moscow*

Статья поступила в редакцию 04.03.2025
Одобрена после рецензирования 12.05.2025
Принята к публикации 06.06.2025

The article submitted March 4, 2025
Approved after reviewing May 12, 2025
Accepted for publication June 6, 2025

НИФИ МИНФИНА РОССИИ

Финансовый журнал

Научно-практическое издание

ISSN 2075-1990
ISSN 2658-5332

125375, Москва, Настасьинский пер., д. 3, корп. 2, тел. (495) 699-76-83

Уважаемые авторы!
Приглашаем к сотрудничеству с «Финансовым журналом»

«**Финансовый журнал**» — рецензируемое научно-практическое издание, выходит с 2009 года. Международные стандартные номера сериального издания: **ISSN 2075-1990** (Print) и **ISSN 2658-5332** (Online).

Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», г. Москва.

Главный редактор — директор НИФИ Минфина России **Владимир Назаров**.

«**Финансовый журнал**» включен в Перечень ВАК, входит в базы данных: РИНЦ, RSCI, RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, Open Academic Journals Index, Directory of Open Access Journals.

Издание публикует материалы по следующей тематике: государственные финансы, международные финансы, финансовые рынки, финансовые инвестиции и финансовые инновации, банковская сфера, платежные системы, рынки страхования, цифровые финансовые технологии и цифровые финансовые активы.

Все статьи публикуются в журнале БЕСПЛАТНО. Статьям присваиваются цифровые идентификаторы объектов — **DOI** (Digital Object Identifier).

Тексты всех статей размещаются в открытом доступе на сайте «Финансового журнала» www.finjournal-nifi.ru, на портале Научной электронной библиотеки (**НЭБ**) www.elibrary.ru, на портале Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка», в международной базе научных журналов открытого доступа Open Academic Journals Index (**OAJI**).

Статьи индексируются в международной базе данных Research Papers in Economics (**RePEc**) и в международном каталоге научных журналов открытого доступа Directory of Open Access Journals (**DOAJ**).

Издание выходит 6 раз в год (февраль, апрель, июнь, август, октябрь, декабрь).

www.finjournal-nifi.ru

Редакция:
Тел. +7 (495) 699-76-83
E-mail: finjournal@gmail.com
E-mail: finjournal@nifi.ru

Правила приема статей в «Финансовый журнал»

1. К публикации принимаются научные статьи (исследовательские материалы, аналитические обзоры), строго соответствующие тематике журнала, ранее не публиковавшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях.

2. Ответственность за достоверность и научно-теоретический уровень материала статей несут авторы. Тексты статей должны быть понятны широкому кругу читателей, а не только узкому кругу специалистов данной области, что подразумевает обязательную расшифровку используемых научных терминов.

3. Направляя научную статью в редакцию, авторы подтверждают соблюдение ими всех положений авторской публикационной этики, выражают свое согласие на редактирование (литературное, техническое) текста статьи, а также на публикацию и размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет, о чем указывают в сопроводительном письме. Сопроводительное письмо подписывается всеми авторами статьи.

4. Статью, оформленную в соответствии редакционными требованиями, и скан сопроводительного письма авторы направляют в редакцию в электронном виде.

5. Редакция не оказывает авторам платных услуг. Публикация статей производится на безвозмездной основе. Плата за публикацию не взимается, вознаграждение авторам не выплачивается.

6. Редакция оставляет за собой право не принимать статью к рассмотрению, если авторами не выполнены требования пунктов 1–4 настоящих Правил.

7. Принятые к рассмотрению статьи регистрируется в Журнале учета статей, поступивших в редакцию. О регистрации статьи официальный представитель редакции информирует автора (авторов).

8. Все принятые к рассмотрению статьи проходят проверку на отсутствие неправомерных заимствований и недобросовестного самоцитирования. Проверка проводится с помощью системы «Антиплагиат.Эксперт» и с использованием материалов различных сайтов.

9. Статьи, принятые к рассмотрению, проходят обязательное научное рецензирование с целью их экспертной оценки. Предварительная оценка поступивших статей осуществляется членами редколлегии и главным редактором.

10. Статьи, соответствующие тематике журнала и прошедшие предварительную оценку, направляются рецензентам. Процедура рецензирования статей является анонимной и для рецензентов, и для авторов.

11. По результатам рецензирования статья может быть принята к публикации, направлена автору (авторам) на доработку или отклонена.

12. Решение о публикации статьи или об отказе в публикации на основании экспертных оценок рецензентов принимает редакционная коллегия. Решение редколлегии утверждает главный редактор.

13. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей и не несет обязательств по рецензированию всех поступающих в редакцию материалов.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все рукописи статей, поступившие в редакцию и соответствующие тематике журнала, проходят обязательное научное рецензирование и проверку на отсутствие элементов плагиата, в том числе и с помощью системы «Антиплагиат».

2. Предварительная оценка поступивших рукописей осуществляется членами редколлегии (рабочей группой редколлегии) и главным редактором. Статьи, соответствующие тематике журнала и прошедшие предварительную оценку, направляются рецензентам. В качестве рецензентов выступают члены редколлегии (рабочей группы редколлегии) и привлеченные эксперты, занимающиеся вопросами (проблемами, исследованиями) в области тематики рецензируемой статьи и имеющие в течение последних трех лет публикации по данной тематике. Продолжительность рецензирования после одобрения рукописи редколлегией составляет, как правило, от 1 до 2-х месяцев.

3. Процедура рецензирования является анонимной как для рецензента, так и для автора. Рецензенты уведомляются о том, что переданные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

4. Подготовленная рецензия подписывается рецензентом с указанием фамилии, имени, отчества, должности, ученой степени, ученого (почетного) звания, даты оформления и направляется в редакцию. Рецензия должна содержать:

— суждения о соответствии материала рукописи заявленной в названии теме, об оригинальности материала, степени его новизны, актуальности, степени исследованности проблемы, логичности и обоснованности выводов;

— мотивированные обоснования указанных в рецензии замечаний;

— рекомендации автору по доработке рукописи;

— рекомендации (выводы) для редколлегии и редакции.

5. По результатам рецензирования статья решением Редакционной коллегии может быть принята к публикации, направлена автору на доработку или отклонена. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, рецензия направляется автору (без указания информации о рецензенте) с предложением доработать материал. Поступившая в редакцию доработанная статья может быть направлена на повторное рецензирование.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Копии рецензий направляются в Минобрнауки России по соответствующему запросу.

Уважаемые читатели и авторы!

Оформить подписку на издание «**Финансовый журнал**» (подписной индекс **42068**) можно в **Агентстве подписки «Урал-Пресс»**.

Контакты: https://www.ural-press.ru, тел. 8 (499) 700-05-07.

Редакция:

Главный редактор В. С. Назаров
Заместитель главного редактора Ю. В. Кузнецов
Начальник редакционно-издательского отдела Г. И. Агеев
Ведущий редактор Т. М. Захарова
Корректор О. С. Алтарева
Корректор Е. А. Глухова
Дизайн и верстка А. С. Лухин
Редактор английского текста В. А. Третьяков

Адрес редакции:

Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, Москва 125375, Россия
Тел. (495) 699-76-83
E-mail: finjournal@gmail.com
Сайт: www.finjournal-nifi.ru

Подписано в печать 25.06.2025. Свободная цена. Тираж 200 экз. Заказ № 3146-25.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88, литер У.
Тел. (8452) 24-86-33, e-mail: 248633a@mail.ru